

Элинор Портер Возвращение Поллианны

1. ДЕЛЛА ВСЕ ВЫКЛАДЫВАЕТ НАЧИСТОТУ

Уэтербай, молодая дама, остановилась у парадной двери одного из домов на Федеративной авеню. Сбранная и целеустремленная, она всем своим существом, от шляпки, растрепанной ветром, до туфель на плоской подошве, казалось, излучала здоровье.

— С добрым утром, Мэри! Сестра у себя? — обратилась она к выбежавшей на ее звонок юной служанке, и в ее голосе прозвучала непреклонная решимость.

— Да, мэм, миссис Кэрю у себя, но только... — девушка заколебалась, — она мне строго-настрого наказала не впускать никого посторонних.

— Ну я-то не посторонняя, надеюсь, ты это понимаешь? — ухмыльнулась мисс Уэтербай. — Вот увидишь: меня она примет с распростертыми объятиями. Не бойся, я всю вину беру на себя! — Она кивнула головой, отводя возражение и испуг, мелькнувшие в глазах девушки. — Так где она? В гостиной?

— Да, мэм, но все же...

Делла, однако, не стала выслушивать дальнейших возражений и ринулась к парадной лест-

нице. Потом она безо всякого смущения вбежала в холл и нажала кнопку возле приоткрытой двери.

– Да, Мэри! – послышался за дверью безучастный голос. – Делла, так это ты? – Голос тотчас переменялся, наполнившись любовью и радостью. – Девочка моя, откуда, какими судьбами?

– Да, вот пришла. Только я совсем ненадолго. Я по делам из санатория с еще двумя сестрами, и скоро надо возвращаться. Ой, я тебя даже не поприветствовала, – она наклонилась и поцеловала миссис Кэрю.

Та вновь нахмурилась и слегка отстранилась. Радость и заинтересованность, мелькнувшие на ее лице в первую минуту встречи, уступили место унылому раздражению, ставшему привычным для всех, кто имел дело с этой женщиной.

– Ну да, я так и знала. Ты и часу не можешь пробыть в этом доме.

– В этом доме... – Делла попыталась беззаботно рассмеяться, но что-то резко переменялось в ее настроении. Теперь она смотрела на старшую сестру с нескрываемой печалью. – Руфь, милая, я не могу. Поверь, я никогда не могла бы здесь жить, – последние слова она постаралась выговорить с нежностью.

– Я, право, не возьму в толк, почему ты... – В голосе Руфи звучало уже нескрываемое раздражение.

Делла нервно покачала головой:

– Ты отлично все понимаешь, Руфь. Я не могу всему этому сочувствовать: угрюмость, дни бесцельного существования, упоение тем, какая ты бедная и несчастная.

– А если я в самом деле бедная и несчастная?

– Значит, надо попытаться стать счастливой!

– Почему? И что может меня изменить?

Делла Уэтербай резко выпрямилась.

– Руфь, выслушай меня! – повелительным тоном обратилась она к сестре. – Тебе тридцать три года. Ты вполне здорова. Во всяком случае, была бы здорова, веди ты себя подобающим образом. Временем ты не связана и денег у тебя, прости, не в обрез. И если тебе до сих пор никто еще этого не сказал, то говорю я: стыдно превращать свой дом в египетскую усыпальницу и требовать от бедной служанки, чтобы она, как цербер, никого не пускала на твой порог!

– Но я не хочу никого видеть!

– Так захоти, заставь себя!

Миссис Кэрю с тоской поглядела на сестру и отвернулась к стене:

– Мне жаль, Делла, что тебе не дано уразуметь. Я не такая, как ты. Я не могу забыть.

По лицу младшей сестры пробежала тень:

– Я понимаю. Джейми. Я тоже ни на один час не забываю о нем и не могу забыть. Но чем больше мы будем хандрить, тем меньше надежды на то, что мы его обретем! Для поисков нужна энергия.

– Я восемь лет держалась. Восемь лет я искала его! – возмущенно выкрикнула миссис Кэрю сквозь слезы.

– Да, Руфь, – стараясь быть спокойной, отвечала ей Делла. – Мы искали его восемь лет и будем искать еще. Пока не отыщем его или пока нас не станет. Но жить так, как ты живешь, это просто невозможно!

– А я вот не представляю себе, как можно искать и в то же самое время делать разные другие дела.

После этих слов сразу воцарилось молчание. Младшая сестра смотрела на старшую с тревогой и одновременно с осуждением.

– Руфь, – заговорила она теперь уже раздраженным тоном. – Прости мою прямолинейность, но что же, ты так и будешь заживо себя погребать? Ты теперь скажешь, что вдовство обязывает. Но что ты за вдова? Ты вышла замуж за старого человека, с которым не прожила и года. Ты была еще девчонка, мало что смыслившая в жизни. Оно тебе почти приснилось, твое замужество! Я, может быть, несправедлива отчасти, но все равно не может быть такого горя, чтобы им омрачилась целая жизнь.

– Ты, возможно, права, но...

– Но ты ничего не изменишь в своем поведении, так?

– Нет, я все-таки надеюсь, что мы отыщем Джейми.

– И я надеюсь, но неужели кроме Джейми нет в мире других радостей?

– Я просто не задумывалась над этим.

– Руфь! – почти выкрикнула Делла с ожесточением в голосе, но неожиданно для себя вдруг рассмеялась. – А знаешь что, сестричка? Давай-ка мы тебе назначим небольшую дозу Поллианны? Тебе это нужно как никому.

Миссис Кэрю недоуменно пожала плечами.

– Я не знаю, что такое *поллианна*, и мне это не нужно, – резко возразила она. – Вообще пусть куда-нибудь подальше катится твой санаторий со всеми дозами, неврозами, наркозами, прогнозами... Ты слышишь?

Внезапно озорной огонек мелькнул в глазах Деллы, хотя лицо оставалось спокойным и строгим.

– Между прочим, Поллианна – это не лекарство. Правда, в каком-то смысле она тонизирует... Это имя одной девочки, Руфь.

– Господи, но почему же я должна была об этом догадаться? – капризным тоном парировала старшая сестра. – У вас там прописывают же белладонну, значит, наверно, бывает и поллианна. Ты меня все время пичкала всякими снадобьями, да еще ты говоришь «доза». Разумеется, я ни о чем другом не могла подумать, кроме как о лекарстве!

– Вообще-то она и лекарство тоже. Живое лекарство. Наши доктора даже говорят, что она лучше любых лекарств, какие они могли бы назначить. Это девочка двенадцати или тринадцати лет, которая все прошлое лето, и осень, и даже часть зимы провела у нас в санатории. С тех пор я ее не видела. Мы случайно разминулись, ее выписали как раз во время моего отсутствия. Но все же мы с ней очень долго общались, и я была совершенно ею очарована. И все больные в санатории до сих пор только и говорят о Поллианне. И все играют в ее игру.

– Игру?

Делла кивнула и загадочно улыбнулась:

– Это называется «утешительная игра». Я тоже в это вовлечена. Послушай, как все началось. Поллианна проходила под моим наблюдением одну неприятную и довольно болезненную процедуру. Это бывало обычно по вторникам. Как только меня взяли на работу в санаторий, мне сразу же вменили это в обязанность. Я страшно расстроилась, потому что мучить детей – самое тяжелое на свете. Крики, истерики... Но тут, представляешь себе, эта девочка радостно улыбнулась мне навстречу, и в течение всей процедуры она только иногда слабо постанывала. А это, поверь мне, была настоящая пытка! И вот что она мне сказала: «Меня раньше Нэнси купала всегда именно по вторникам, это было немного неприятно, но зато потом так хорошо было ходить целую неделю чистой!» Можешь такое представить?

– Да, удивительно. Но только при чем здесь игра?

– Погоди, про это потом. Так вот, эта девочка стала рассказывать о себе. Оказалось, что она дочка бедного священника, еще в раннем детстве оставшаяся без матери. «Женская помощь» и миссионерские фонды взяли ее под свою опеку. С тех пор она стала получать от них подарки на Рождество. И вот накануне очередного праздника Поллианне очень захотелось куклу. Но в тот год куклы среди пожертвований не оказалось, и девочка получила в подарок маленькие костыли. Разумеется, она очень огорчилась и расплакалась, и тогда отец научил ее такой игре: во всем, что с нами происходит, надо непременно стараться найти радостный, утешительный момент. И вот странность: чем труднее отыскать эту радость, тем большим бывает наслаждение и тем интереснее играть.

– Как-то уж очень необычно! – пробормотала миссис Кэрю.

– Ты бы видела, какие результаты дала эта игра в санатории! А наш доктор Эймз говорил, что и в городке, где жила Поллианна, эта игра произвела целую революцию. Дело в том, что мистер Чилтон, за которого совсем недавно вышла замуж тетка Поллианны, – хороший знакомый доктора Эймза. И он тоже врач. Кстати, это Поллианна выдала замуж свою тетку! Двое молодых

влюбленных рассорились на много лет, а девочка сумела их помирить!.. Видишь ли, года два или чуть больше тому назад у Поллианны умер отец, и ее тогда отправили к сестре покойной матери, вот к этой самой тетке. А в октябре девочка попала под машину, и думали, что она уже никогда не будет ходить. В апреле доктор Чилтон привез ее к нам в санаторий. Она пробыла у нас примерно год и вышла почти совершенно здоровая! Нет, если бы ты видела, что это за дитя! Только то и омрачало ее счастье, что она долго не могла ходить. А потом весь городок вышел встречать ее с оркестром и флагами! Но это все слова. Ее обязательно нужно видеть! Поэтому я и рекомендую тебе дозу Поллианны. Это превратит твою жизнь в целый мир добра!

Все то время, пока сестра говорила, миссис Кэрю нервно перебирала пальцами.

– Ты все сказала? Так вот, я еще раз повторяю, что я не такая, как ты. В моей жизни не надо делать революций, меня не надо мирить с бывшими возлюбленными, и если я от чего-то хочу избавиться, так это от примерных девочек с вытянутыми лицами, которые всем и за все благодарны.

Ответом ей был залихватский смех Деллы:

– Ой, я не могу, Руфь! Это Поллианна-то примерная девочка? Ты бы видела ее! Впрочем, я понимаю: описать ее словами просто невозможно. Примерная девочка!

Делла опять рассмеялась, но тут же решила настроиться на серьезный лад:

– Независимо от Поллианны – с тобой надо что-то делать, Руфь. Перебори себя наконец, начни встречаться с людьми.

– Ты ведь знаешь, что я всегда тяготилась общением.

– Ну хорошо. А работа? Благотворительность?

– Делла, я никогда не отказывалась давать деньги. Пожалуй, моя щедрость была даже излишней. Я не верю, что в Бостоне существуют нищие.

– Нищие едва ли, но бедные, обездоленные... Если бы ты могла отдавать и саму себя с такою же щедростью. Тебе надо вырваться за пределы своего замкнутого мира.

– Ах, Делла, я очень тебя люблю, люблю твои приходы. Но только не надо меня поучать. Тебе нравится быть ангелом, поить жаждущих, перевязывать разбитые головы. Ты таким образом забываешь Джейми. Если он жив, то кто теперь заботится о нем и перевязывает его раны?.. И потом, знаешь, мне претит общаться со всеми без разбору!

– А тебе когда-нибудь приходилось общаться со всеми без разбору?

– Слава богу, пока нет.

– Как же тебе претит то, чего ты не знаешь?.. Но прости, мне уже надо бежать. Девчонки меня ждут на Южном вокзале. Извини, если я нашумела.

– Ты не нашумела, нет. Но ты не хочешь меня понять. Делла прошла через анфиладу мрачных комнат и выбежала на авеню. Но в ней не было теперь ни уверенности, ни бодрости.

«Задержись я в этом доме на неделю, я, пожалуй, сошла бы с ума или умерла, – думала она. – Боюсь, что и Поллианна тут бессильна, она не захотела бы с ней остаться».

И все же на другой день она позвонила сестре из санатория.

– Послушай, у меня возникла отличная мысль! Пусть Поллианна погостит у тебя эту зиму, а заодно походит в школу в Бостоне.

– Что за вздор! С какой стати я должна возиться с ребенком?

– Совсем тебе не придется с ней возиться. Она почти уже девушка. Ей тринадцать лет, и она все на свете умеет делать.

– До чего это скучно, когда подросток уже все на свете умеет делать! – проворчала Руфь и вдруг рассмеялась.

И этот смех вселил надежду. Делла решила, что надо продолжать натиск. Наверно, все же история Поллианны запала сестре в душу. Все ее протесты – лишь из желания противоречить. Ей нужна эта девочка.

Однажды Руфь сама позвонила в санаторий:

– Хорошо, можешь привезти ко мне твою чудодейственную Поллианну. Но учти, что как только она начнет меня поучать, я в тот же день отправлю ее обратно.

Мисс Уэтербай поняла, что половина дела уже сделана. Теперь надо только, чтобы Полли-

анну отпустили в Бостон, и она не откладывая села писать письмо к миссис Чилтон.

2. СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

А в Белдингсвилле тем временем дела обстояли так. Миссис Чилтон подождала, пока Поллианна ляжет в постель и заснет, а потом попросила, чтобы муж отвлекся от всех своих дел и обсудил с ней письмо, пришедшее утренней почтой. Однако у доктора были посещения и приемы, так что тете Полли (которая теперь была уже миссис Чилтон) пришлось ждать еще часа два.

Доктор радостно улыбнулся ей навстречу, но, заметив на ее лице тревогу и печаль, не на шутку перепугался.

– Тут одно письмо... Я только не хочу, чтобы ты на меня так смотрел.

– Ты сама своим видом даешь повод, – улыбнулся доктор. – Ну рассказывай, в чем дело.

Миссис Чилтон помедлила, прежде чем достать письмо.

– Я сама тебе это прочту. Мне пишет мисс Делла Уэтербай из санатория доктора Эймза.

– Отлично. Я весь внимание, – доктор растянулся на кушетке, а тетя Полли села на стул рядом с ним. Прежде чем приняться за чтение, она укрыла мужа серым вязаным платком.

Ей было сорок два года. А замужем она была всего год. Казалось, что за этот год из тети Полли выплеснулся наружу весь запас любви и ласки, на которые она была способна. Правда, эта нежность распространялась не только на мужа. Однако доктор не роптал. Он лишь старался сдерживаться, чтобы не слишком пылко откликаться на нечастые проявления ее ласки, не то можно было услышать в ответ: «Отстань ты, болван!» И вот когда она укрыла его платком, он лишь слегка прикоснулся губами к ее запястью:

– Читай, девочка!

Моя дорогая миссис Чилтон,

я уже раз шесть начинала к Вам писать и каждый раз рвала письмо. А сегодня я решила, что не буду ничего начинать, а сразу скажу напрямик, чего бы мне хотелось. А хотелось бы мне заполучить к себе Поллианну. Вот и все.

Я говорила с Вами и Вашим мужем прошлой весной, в марте, когда Вы приехали в санаторий за Поллианной. Впрочем, едва ли Вы меня помните. Я решила обратиться к Вам и в то же время попросила доктора Эймза написать Вашему мужу, чтобы Вы отпустили к нам Вашу удивительную племянницу, на которую я возлагаю огромные надежды.

Насколько мне известно, Вы едете в Германию вдвоем с мужем, а Поллианну оставляете дома. Поэтому я беру на себя смелость просить, чтобы Вы отпустили ее к нам. От этого у нас многое зависит. Сейчас я Вам все объясню.

У меня есть старшая сестра, миссис Кэрю, существо одинокое, сломленное, разочарованное, несчастное. Она живет в своем замкнутом мире, куда не пробивается свет. И вот я думаю, что Ваша Поллианна помогла бы ей по-новому взглянуть на мир. Пусть она попытается. Позвольте ей! Я рассказала бы Вам, что она сотворила в нашем санатории, но об этом просто невозможно рассказать. Это надо было видеть. Я уже давно убедилась, что даже Вы не можете объяснить, что представляет собой Поллианна. Из Ваших рассказов о ней явствовало, что она какая-то педантка и зануда, стремящаяся всех поучать. Но мы ведь с Вами знаем, что она вовсе не такая! Вы должны передать мою просьбу Поллианне: пусть она сама решит, как ей быть. Я хочу, чтобы она погостила немного у моей сестры. Пусть девочка сама ответит, согласна она или нет. Разумеется, Поллианна продолжит посещать школу и заодно, общаясь постоянно с моей бедной сестрой, она будет лечить ее истерзанную душу.

Я не знаю, чем закончить мое письмо. Заканчивать всегда труднее, чем начинать. К тому же я боюсь ставить последнюю точку. Мне хочется болтать без остановки, уговаривая Вас. Потому что, прервись я на мгновение, в этом самый момент Вы скажете «нет». Если Вас одолевает искушение произнести это ужасное слово, умоляю Вас, переборите себя! Я уже дала Вам понять и готова еще раз повторить: Поллианна нам очень нужна!

С надеждой на Ваше сочувствие, Делла Уэтербай.

– Вот! – воскликнула миссис Чилтон, вкладывая письмо обратно в конверт. – Надеюсь, ты никогда не получал подобных писем! Что за нелепая, абсурдная просьба!

– Ну я не совсем согласен, – улыбнулся доктор, – они хотят, чтобы Поллианна им помогла, что же тут абсурдного?

– Да один стиль чего стоит! «Лечить истерзанную душу» и прочее... Понимаешь, наш ребенок для них своего рода лекарство!

Доктор вскинул брови, звонко рассмеявшись:

– А ты можешь с уверенностью утверждать, Полли, что это не так? Я и сам кому-то говорил, что нашу Поллианну надо прописывать как снадобье. А от Чарли Эймза я слышал, что в санатории вошло в поговорку: «назначим больным дозу Поллианны».

– Тоже еще выдумали! – проворчала миссис Чилтон.

– Итак, ты не хочешь ее отпустить...

– А с какой стати? Почему я должна потакать разным чудачкам? Я оставляю в доме живого ребенка, а вернусь из Германии и обнаружу вместо девочки флакон с этикеткой!

Доктор опять запрокинул голову, готовый рассмеяться. Но вдруг он посерьезнел, нахмурился. В руке у него жена увидела еще одно письмо.

– Делла заметила в своем послании, что доктор Эймз будет о том же самом писать ко мне. Так что дай-ка и я теперь кое-что тебе прочту.

Дорогой Том,

мисс Делла Уэтербай просила меня дать «характеристики» – ей и ее сестре. С радостью исполняю эту просьбу. Девочек Уэтербай я знал с тех пор, когда они еще были совсем маленькими. Они принадлежат к старинному роду и получили превосходное воспитание. Никаких сомнений на этот счет у Вас быть не должно.

Их у родителей было трое – Дорис, Руфь и Делла. Старшая, Дорис, вышла замуж: против воли домашних. Дело в том, что ее избранник Джон Кент, хотя и принадлежал к хорошему роду, был странным человеком. Подчас он вел себя невероятно эксцентрично, и с ним просто невозможно было общаться. Он был страшно рассержен на всю семью Уэтербай за пренебрежительное к нему отношение, и ни он, ни Дорис почти не появлялись в доме, пока у них не родился ребенок. Дед и бабушка очень полюбили этого мальчика, Джеймса. Ласково его обычно звали Джейми. Когда мальчику исполнилось четыре года, внезапно заболела и умерла Дорис, его мать. Дедушка и бабушка стали уговаривать отца, чтобы он отдал мальчика им на воспитание. И он как будто бы не возражал, но в один прекрасный момент Кент исчез и увез с собой Джейми. Их разыскивали буквально по всему свету, но тщетно.

Эти печальные события подкосили стариков, и через какое-то время они оба ушли из жизни. Руфь между тем вышла замуж, но вскоре стала вдовой. Ее муж, мистер Кэрю, был очень состоятельный человек, но гораздо старше нее. Он умер через год после женитьбы, оставив Руфь с маленьким сыном, которого тоже вскоре не стало.

С тех пор как отец увез Джейми, Руфь и Делла как будто бы только и жили одной надеждой – отыскать мальчика. Они тратили огромные деньги и только что землю не повернули в обратном направлении, но беглецов и след простыл. Однако Делла решила взять себя в руки и стала медицинской сестрой. Поскольку она была волевой и деятельной и всегда надеялась на лучшее, то не отчаялась из-за того, что Джейми увезли. Она все равно верит, что найдет ключ к тайне его похищения.

А что касается миссис Кэрю, то она, к сожалению, сломалась. Когда умер ее собственный ребенок, она еще сумела найти утешение в материнской любви к сыну своей сестры. Но когда и Джейми у нее отняли, вы можете представить себе, что с нею стало. Она пережила восемь долгих лет тоски, горечи и отчаяния. У нее есть деньги, и она способна доставить себе любую радость, которая может быть оплачена. Но для нее словно померк белый свет. Ничто не радует и не интересует ее. И вот Делла решила, что Поллианна – последнее средство. Она уверена, что Поллианна поможет Руфи вернуться к нормальной жизни. Учитывая все это, я прошу не отказывать Делле Уэтербай в ее просьбе. Добавлю еще, что Руфь Кэрю и ее сестра – старые и любимые друзья моей жены, и сам я горячо привязан к ним обоим. Все, что касается их, непосредственно затрагивает и меня.

Искренне Ваш Чарли.

Полли выслушала письмо и долгое время молчала. Доктор начал уже беспокоиться.

– Ну Полли, не молчи же! Что ты скажешь?

Она продолжала молчать, но ее лицо немного просветлело.

– Так когда они хотят ее взять? – наконец спросила Полли.

– Значит, ты готова ее отпустить? – взволнованно воскликнул Чилтон.

Теперь в лице Полли промелькнуло возмущение:

– Томас, ты задаешь очень странный вопрос! Что же мне еще делать после такого письма. Как-никак сам доктор Эймз обращается к нам с просьбой. Неужели можно отказать человеку, который спас Поллианну?

– Ну и обрадуются же они теперь! – торжествовал Томас Чилтон.

– Ты можешь написать Эймзу, что мы отпускаем Поллианну с тем лишь условием, что мисс Уэтербай будет держать нас в курсе дела, как складываются у нашей девочки отношения с ее странной сестрой. Я, наверно, отпущу ее в десятых числах, когда ты уйдешь в плавание. И я должна быть уверена, что она здорова и довольна.

– А когда ты поговоришь с Поллианной?

– Наверно, завтра.

– Что же ты ей скажешь?

– Что-нибудь надо выдумать. А то ведь Поллианну можно испортить. Еще вобьет себе в голову, что она какая-то там, ну...

– Флакончик с сигнатурой? – ухмыльнулся доктор.

– Да, вот именно.

– Все же мне кажется, что благодаря своей непосредственности она из этого испытания выйдет с честью.

– Да, я тоже так думаю.

Чилтон весело кивнул.

– Она ведь знает, что и мы с тобой, и уже полгорода играет в ее игру, и она понимает, что сделала нас счастливыми... – Полли потупилась, голос ее дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. – Однако если Поллианна продолжит обучать людей правилам своей игры и при этом перестанет быть прежней простой, лучезарной, счастливой девочкой, то ведь это станет просто невыносимо! Словом, я не скажу ей, что ее везут спасти миссис Кэрю, – заключила докторша.

– Ты всегда рассуждаешь очень мудро, – поддержал ее муж.

На другой день, когда женщина и девочка остались наедине, между ними произошел такой разговор.

– Моя дорогая, – обратилась к племяннице тетя Полли, – как ты смотришь на то, чтобы тебе провести зиму в Бостоне?

– С тобой?

– Нет, я решила в это время отправиться в Германию с твоим дядей. А это... У доктора Эймза есть приятельница, миссис Кэрю, и вот ей хочется заполучить тебя к себе на всю зиму. Я, в общем-то, не возражаю...

Поллианна помрачнела, насупилась:

– А как же я оставлю Джимми, мистера Пендлтона, миссис Сноу? Выходит, я не увижу их всю зиму?

– Все так. Но подумай вот о чем. До того, как ты приехала сюда ко мне, ты не знала ни Джимми, ни мистера Пендлтона, ни миссис Сноу, ни других, с кем ты здесь дружишь. А потом ты их нашла.

Поллианна заулыбалась:

– Я все поняла! Ты хочешь сказать, что в Бостоне меня ждут новые Джимми, мистеры Пендлтаны и миссис Сноу, про которых я пока еще ничего не знаю.

– Да, девочка.

– И значит, мне есть чему радоваться! Ты уже лучше меня играешь в мою игру! Я ведь не подумала, сколько людей уже ожидает там нашего знакомства. Их, наверно, будет много. Ведь Бостон такой большой город! Мы были там с миссис Грей проездом. Целых два часа! Там на вокзале нам встретился такой приятный человек, он мне объяснил, где можно у них попить воды. Вдруг я приеду в Бостон, а он опять там, как ты думаешь? Вот бы поближе с ним познакомиться! А еще там была одна красивая дама с маленькой девочкой. Я даже знаю, как эту девочку зовут – Сюзи Смит. Интересно, я смогу разыскать их в Бостоне? И еще тогда на вокзале были дама с мальчиком. Но они живут в Гонолулу, так что я их не увижу. А теперь Расскажи мне про

миссис Кэрю. Она кто, родственница?

– Ах, Поллианна, – воскликнула миссис Чилтон то ли с насмешкой, то ли с отчаянием. – Твои слова, а особенно твои мысли совершают рейс из Гонолулу и обратно за две секунды. Нет, миссис Кэрю нам не родственница. Она сестра мисс Уэтербай. Ты помнишь, у вас была в санатории мисс Уэтербай?

Поллианна подскочила на месте и захлопала в ладоши:

– Ее сестра? Так ведь это же замечательно. Еще бы мне не помнить мисс Уэтербай. Это была самая любимая моя сестра в санатории. И вот теперь я увижу вторую мисс Уэтербай... У моей мисс Уэтербай были такие морщинки вокруг глаз и возле рта, когда она улыбалась. И она столько нам рассказывала интересного! Я, правда, с ней общалась всего два месяца, а потом она уехала, а меня выписали. В общем, мы разминулись. Но это даже и к лучшему. Мне так грустно было бы с ней прощаться, ты просто не представляешь себе! И вот теперь можно считать, что я вновь ее повстречаю, потому что я поеду к ее сестре.

Миссис Чилтон тяжело вздохнула и поджала губы:

– Но Поллианна, почему ты непременно думаешь, что они похожи?

– Тетя Полли, так ведь они сестры! – с удивлением выпалила Поллианна. – Разве сестры могут быть не похожи? У нас были в «Женской помощи» сначала две сестры, а потом еще другие две сестры. Первые две были близнецы, и мы бы даже не знали, которая из них миссис Пек, а которая миссис Джонс, не будь у миссис Джонс на носу бородавки. Мы их так и различали: смотрели, есть на носу бородавка или нет. Когда я сказала миссис Джонс, что мы отличаем ее от сестры по бородавке, она на меня разобиделась, я даже не понимаю почему. А через какое-то время миссис Уайт говорила при мне миссис Роусон, будто бы миссис Джонс готова теперь на все, в том числе насыпать соли на хвост канарейке, чтобы только вывести эту гнусную бородавку. Я тогда никак не могла взять в толк, какое отношение имеет бородавка на носу к соли на хвосте.

– Разумеется, никакого, Поллианна! И вообще, мне хочется, чтобы ты уже забыла про эту «Женскую помощь».

– Ну почему? – с обидой в голосе спросила Поллианна. – Тебя это расстраивает, да? Но я же не хотела, честное слово!.. Я даже иногда нарочно начинаю с тобой говорить про эту «Женскую помощь», чтобы показать, как я счастлива, что от них отделалась. А это ведь благодаря тебе! И я теперь не их, а твоя. Ты разве этому не рада, тетя Полли?

– Да, да, моя девочка, ты, конечно, во всем права, ты умница! – стала успокаивать племянницу миссис Чилтон, и когда она осталась одна, ею овладело чувство глубокого раскаяния за то, что она так долго и грубо противодействовала чувству вечной радости, которое жило в душе Поллианны.

Пока тянулась переписка, связанная с переездом в Бостон, девочка всю готовилась к новоселью и наносила визит за визитом своим белдингсвилским друзьям и приятелям.

Каждый житель этого маленького селения в штате Вермонт был так или иначе знаком с Поллианной, и почти все здесь были вовлечены в ее игру. А те немногие, кто не играл, воздерживались просто по неведению или недопониманию: что за счастье? какое утешение? Поллианна переходила из дома в дом, всем сообщая новость о своем отбытии в Бостон; и вот уже по всему селению во всеуслышание зароптали – от Нэнсиной кухни до особняка на горе, в котором жил Джон Пендлтон.

Нэнси заявляла без обиняков всем, кроме своей госпожи, что она считает это путешествие в Бостон из ряда вон выходящей глупостью. Поехала бы лучше Поллианна к ней в Уголок, а миссис Полли пусть себе отправляется на здоровье в Германию.

Джон Пендлтон у себя на горе всецело разделял точку зрения Нэнси, но он-то не боялся сказать об этом в глаза тете Полли. Что касается Джимми, двенадцатилетнего мальчика, которого Джон Пендлтон взял к себе после страстных уговоров Поллианны и со временем усыновил – уже по собственному желанию, – что касается Джимми, то он просто кипел от негодования и ни от кого не собирался этого скрывать.

– Но ты должна все же сюда вернуться, – говорил Джимми Поллианне, изо всех сил стара-

ясь сохранять спокойствие и бесстрашие.

– Только до марта. Я поставила условие. Иначе я просто туда не поеду.

– В крайнем случае, ты можешь пробыть в Бостоне год, лишь бы только ты к нам возвратилась. И мы опять закатим тебе встречу с цветами и флагами, как в тот раз, когда ты вернулась из санатория.

– Ах, Джимми Бин, – с горечью ответила Поллианна, и затем – так всегда бывало с ней после сильного огорчения – в девочке проснулась высокомерная отличница, – ты хотя и стал говорить гораздо лучше, но все равно у тебя проскальзывают нелитературные и вульгарные обороты – «Закатим тебе встречу»! Фу! И вовсе не нужны мне ваши цветы и флаги!

– Прости, но если бы с тобой не возились разные старушки и не учили тебя правилам хорошего тона, у тебя бы тоже были ошибки и вульгарные обороты, вот что я тебе скажу, Поллианна Уиттиер.

– Во-первых, Джимми Бин, – ровным голосом ответила Поллианна, – «Женская помощь» – это совсем не обязательно старушки, хотя там работают и некоторые очень пожилые женщины, – ее желание быть правдивой и точной перебарывало гнев, – и потом, Джимми Бин...

– И потом я не Джимми Бин, – резко перебил ее мальчик, нервно запрокидывая голову.

– Что? Ну-ка, сейчас же объясни мне, что ты имеешь в виду! – потребовала Поллианна.

– Я теперь по закону являюсь его воспитанником. Пендлтон все медлил, но теперь он это сделал. Я теперь ношу имя Джимми Пендлтон, и мне бы надо мистера Пендлтона называть дядей. Но пока у меня с трудом это получается.

Он говорил резко, отрывисто, не все было понятно Поллианне из его слов. Но всякое недовольство исчезло с ее лица. Она радостно рукоплескала.

– Ведь это чудесно! У тебя теперь есть родня, которая будет тебя любить. И тебе не понадобится никому объяснять, что он не твой отец. Ты ведь носишь его имя. Господи, как я рада, рада, рада!

Мальчик соскочил с каменной стены, на которой они сидели. У него пылали щеки, на глазах блестели слезы. Ведь всем этим он был обязан одной Поллианне. И ему надо бы прямо ей об этом сказать.

Он бросил камень, потом другой, третий. Ему хотелось унять слезы, но они все равно текли по его щекам. Потом он приблизился к Поллианне, которая все еще сидела на каменной стене.

– Спорим, что я быстрее тебя добежу вон до той сосны!

– Спорим, что нет!

Но состязание не состоялось. Поллианна вспомнила, что врачи пока запрещают ей быстро бегать. А Джимми тем временем успокоился. Щеки у него уже не пылали, и слезы не катились по щекам. Он опять стал тем прежним Джимми, с которым она так любила разговаривать и играть.

3. ДОЗА ПОЛЛИАННЫ

Приближалось восьмое сентября, день, на который назначен был приезд Поллианны, и миссис Руфь Кэрю все больше нервничала. Наконец она объявила, что горько сожалеет о данном обещании взять в свой дом этого ребенка. Уже через день после данного было согласия Руфь просила сестру, чтобы их договор был расторгнут. Делла на это ответила, что уже слишком поздно, поскольку в переговоры вмешался доктор Эймз.

Вскоре Делла еще раз написала сестре о том, что миссис Чилтон готова отпустить Поллианну и скоро прибудет в Бостон, чтобы определить девочку в школу и решить другие связанные со всем этим дела. Руфь должна была покориться. Все шло своим чередом, но, увы, наперекор желаниям миссис Кэрю. Правда, она старалась быть обходительной и любезной, когда Делла привела к ней миссис Чилтон, и все же она облегченно вздохнула после их ухода, хотя визит был совсем коротким, а разговоры – исключительно делового характера.

Хорошо, правда, было то, что Поллианна прибудет именно восьмого сентября, а не позднее. Лучше уж бороться с собой, подлаживаясь к новому человеку, чем раздражаться оттого, что она согласилась его принять, потакая абсурдным планам Деллы.

А Делла тоже была сама не своя из-за настроений сестры. Внешне она держалась уверенно, но в глубине души начинала уже раскаиваться в своей затее. Но, как бы то ни было, она верила в Поллианну и потому решила предпринять отчаянный демарш: оставить Поллианну одну на поле битвы, безо всякой поддержки и защиты. Все должно произойти следующим образом: Руфь

встретит их на вокзале, Делла объяснит ей все самое важное и затем поспешно удалится. Таким образом, Руфь еще не успеет оценить свое новое положение, как уже останется наедине с Поллианной.

– Но, Делла, погоди, как ты могла? – звывала Руфь, провожая взглядом удаляющуюся фигуру сестры.

– Ой, какая досада! Она вас не услышала, да? – говорила Поллианна и сама с тоской смотрела на ускользающую Деллу. – Я тоже не хочу, чтобы она от нас уходила... Да, но зато теперь у меня есть вы. И я очень этому рада.

– Да, теперь у тебя есть я и у меня есть ты, – отвечала Руфь, почти не скрывая печальной иронии. – Нам туда, – она указала рукой направо.

Они прошли вдвоем через огромный зал ожидания. За все время, пока они шли, Руфь ни разу не улыбнулась Поллианне, и девочке становилось не по себе.

– Я подумала, – проговорила она смущенно, – что вы, может быть, ждали, что я буду красивая.

– Красивая? – изумленно переспросила миссис Кэрю.

– Ну да, с кудрями и все такое. А вместо этого к вам привозят меня. Мне-то лучше! Я по вашей сестре заранее уже знала, что вы красивая. А вот вам... Поверьте, мне очень жаль, что из-за моих веснушек и всего другого вы обманулись в своих ожиданиях.

– Детка, что за чепуху ты болтаешь! – весьма резко оборвала ее Руфь. – Мы сейчас зайдем за твоим багажом и сразу домой. Я так надеялась, что сестра еще хоть немного побудет с нами. Но у нее для меня никогда нет настроения – даже на один вечер.

Поллианна кивнула и заулыбалась:

– Но она, наверно, просто не может! Таких, как она, люди всегда разрывают на части. Я ведь была в санатории и видела, как она всем нужна. Этим можно бы и гордиться, но это так тяжело – ни часу в день себе не принадлежать. А вам бы хотелось быть всем нужной?

Ответа не последовало. Впервые в жизни миссис Кэрю подумала о том, что ведь она не нужна никому на свете. А с другой стороны, зачем ей это? И она искоса рассерженно глянула на Поллианну.

Девочка этого не заметила; ее взгляд уже был устремлен на спешащие уличные толпы.

– Здорово! Так много людей, даже больше, чем когда я в первый раз была тут. Интересно, я в этот раз увижу кого-нибудь из тех, кого видела тогда. Женщину с мальчиком я точно не увижу: они ведь живут в Гонолулу. А вот еще была девочка Сюзи Смит, так она живет здесь, в Бостоне. А вдруг вы ее знаете? Нет?

– Я не знаю никакой Сюзи Смит, – отозвалась миссис Кэрю.

– Жалко, она ужасно милая, и вот она в самом деле красивая девочка, у нее такие черные вьющиеся волосы. Мне хочется заслужить в этой земной жизни, чтобы на небесах Господь дал мне такие же волосы. Только вы не огорчайтесь! Я очень постараюсь ее отыскать и с вами познакомиться. Ой! С ума сойти, какая машина. Мы в ней и поедem? – Поллианна сказала так потому, что Руфь замедлила шаг перед красивым лимузином. Шофер в униформе держал дверцу открытой, приглашая прохожих.

Он приветливо улыбнулся миссис Кэрю, но она осталась безучастна. Чем был для нее этот шикарный лимузин? Только лишь средством перемещения из одного скучного места в другое скучное место.

– Ну, в ней так в ней. Пожалуйста, к дому Перкинса, – обратилась она к шоферу.

– С ума сойти! Это ваш дом? – спросила Поллианна, понимая уже по тону миссис Кэрю, что хозяйка дома она. – Вот замечательно! Значит, вы ужасно... Я плохо выразилась. Я хотела сказать: вы невероятно богаты. Даже богаче тех, у кого в каждой комнате ковры и по воскресеньям к столу подают мороженое. Я говорю про госпожу Уайтз. Она из моей «Женской помощи». Я думала, что богатые – это такие, как она, а потом я узнала, что у по-настоящему богатых женщин есть бриллиантовые кольца, девушки-служанки, котиковые шубки, каждый день новое шелковое или бархатное платье и, конечно, автомобиль. А у вас ведь все это есть, да?

– Ну, положим, – отвечала миссис Кэрю без тени улыбки.

– Да, конечно, вы богаты, – глубокомысленно кивнула Поллианна. – Вообще-то у моей тети Полли тоже есть все то, о чем я говорила, только вместо автомобиля у нее лошади. А на машине я ездила всего один раз. Но это была та самая машина, из-под которой меня вытащили, так что радости было мало. А потом я никогда не ездила больше в машинах. Тетя Полли их не любит. Вот дяде Тому они нравятся, и он очень хочет купить себе машину. Он ведь врач. А врачу, который ездит по вызовам, разве можно без своей машины? Он один в городе врач без своей машины. У всех других врачей они давно уже есть. И я не знаю, как он выйдет из положения. Тетя Полли про машину и слышать не хочет. Видите ли, она говорит, пусть дядя Том делает все, что он хочет, но ведь она же хочет, чтобы он хотел всего того, что хочет она! Вы что-нибудь понимаете?

Миссис Кэрю рассмеялась.

– Кое-что немножко, – озорная искорка промелькнула вдруг у нее в глазах.

– Ну вот, видите, какая вы молодец! Наверно, никто другой не разобрался бы во всей чепухе, которую я нагородила. Наверно, тетя Полли еще согласилась бы иметь автомобиль, но только чтобы он был один такой на земле, ни на что не похожий... Ух, сколько домов! – воскликнула Поллианна, восторженно озираясь вокруг. – Но впрочем, даже для тех людей, которых мы видели на вокзале, уже нужно много домов, а если прибавить тех, кого мы видели на улицах...

– А сколько еще у каждого из них знакомых! Это здорово. Я люблю людей. А вы?

– Людей?

– Да, всех вместе и каждого порознь.

– Нет, Поллианна, я не могла бы о себе этого сказать, – холодно и, чуть наморщив лоб, проговорила Руфь Кэрю.

Искорка погасла у нее в глазах. Теперь она смотрела на девочку недоверчиво. «Вот уже первое нравоучение, – думала она про себя, – ты помнишь, о чем я тебя предупреждала, сестричка?»

– Жалко, что вы нет. А я да, – вздохнула Поллианна. – Они все очень интересные и совершенно разные. И вот здесь их такое множество – интересных и разных. Вы не представляете себе, как я рада тому, что я здесь. Я сразу так обрадовалась, когда узнала, что поеду в гости к родной сестре мисс Уэтербай. Я ее люблю и сразу решила, что полюблю вас. Сестры обязательно бывают похожи, даже если они не близнецы, как были у нас миссис Джонс и миссис Пек: у них все было похоже, за исключением бородавки. Но вы не знаете, что я имела в виду. Вот я вам сейчас расскажу.

И миссис Кэрю, оградившая себя непроницаемой броней от всяких нравоучений и проповедей, поймала себя на том, что внимательно слушает историю бородавки на носу у миссис Джонс из «Женской помощи».

Под конец истории лимузин повернул на Федеративную авеню, и Поллианна начала вслух восторгаться этой красивой улицей с двориком посередине.

– После тех узеньких улиц здесь такой простор! Наверно, всем бы хотелось тут жить! – заключила она с пафосом.

– Да, наверно. Но едва ли это возможно, – заметила миссис Кэрю и вскинула при этом брови.

Поллианна решила, что ее заподозрили в алчном желании стать обитательницей дома на этой улице, и поспешила поскорее рассеять подозрения.

– Да конечно же, нет! И потом узкие улицы в чем-то даже и лучше. Не надо бежать сквозь поток машин за яйцами и содой. А то ведь можно погибнуть или покалечиться, как я покалечилась... Как, это вы здесь живете? – Машина в этот момент остановилась у парадного входа. – Вы здесь живете, миссис Кэрю?

– Ну конечно, – не без раздражения ответила Руфь.

– Как же это замечательно – жить в таком удивительном месте! – воодушевленно восклицала Поллианна, соскочив на тротуар и осматриваясь. – Вы очень счастливая!

Миссис Кэрю не отвечала. Хмурая, неулыбающаяся, она отошла от лимузина.

Поллианна вновь подумала, что она что-то сказала не так, и принялась вносить поправки.

– Я ведь не имею в виду такое счастье, в котором есть греховная гордыня, – объясняла она, с тревогой глядя на миссис Кэрю. – Мне тетя Полли тоже говорила, что грешно все время радоваться. Но я говорю не про такую радость, что вот у других этого нет, а у тебя есть. Бывает другая радость, когда хочется кричать, сходить с ума, хлопать дверями, даже делать недозволенные вещи, – она стала подниматься и опускаться на цыпочках, прихлопывая в ладоши.

Машина отъехала. Миссис Кэрю, по-прежнему безучастная и хмурая, направилась к своему дому.

– Идем, Поллианна, – были единственные ее слова.

Через несколько дней Делла Уэтербай нетерпеливо вскрывала конверт письма, пришедшего от Руфи. С тех пор как Поллианна обосновалась в ее доме, это была первая весточка.

Милая сестра,

не знаю, кто тебя надоумил навязать мне эту малышку. По временам я дохожу до бешенства и просто ума не приложу, как от нее отделаться. Я раза три готова была отправить ее к тебе или в этот самый Белдингсвилль, где ее все так любят и уж, конечно, не оставили бы без внимания в отсутствие тети Полли. Но едва я раскрывала рот, как она сразу принималась рассыпаться в благодарностях, говорить, как ей здесь хорошо, какое для нее счастье жить со мной и какая я добрая, что согласилась ее взять на то время, пока тетя Полли гостит в Германии. Ну скажи на милость, как могу я после таких ее слов взять и объявить: «Собирай вещи и прочь отсюда!». И что самое невероятное, ей, кажется, и впрямь не приходит в голову, что я терплю ее через силу, что она мне не нужна.

Разумеется, если она начнет назидать и диктовать, сколько молитв я должна читать утром и вечером, – тогда уж я непременно отправлю ее на все четыре стороны. Я тебя об этом предупреждала с самого начала. Иногда мне кажется, что она затевает какую-то проповедь, но всегда в конце концов она переключается на какую-нибудь забавную историю про эту свою «Женскую помощь». Может быть, это просто обходной маневр – чтобы не навлечь на себя гнева? Господи, неужели ей и правда у меня нравится?

А вообще, Делла, она невыносимое существо. Вот послушай. Во-первых, сразу начались неумные восторги по поводу моего дома. Едва она переступила порог, как сразу же потребовала показать мне все комнаты. Она буквально ни одной вещицы не оставила без внимания. В конце концов она заявила, что у меня даже лучше, чем у мистера Джона Пендлтона. Это, насколько я понимаю, какой-то богач из Белдингсвиля. Ведь едва ли он имеет отношение к «Женской помощи».

Но все это еще пустяки! Она без конца повествует мне о каких-то миссионерах, и я должна смеяться в угоду ей, хотя на самом деле надо бы плакать: какое тяжелое детство было у этой бедняжки!

И мало того, что Поллианна наложила на меня обязанности гида, она еще извлекла откуда-то белое вечернее сатиновое платье, которое я не надевала уже лет пять, и заставила нарядиться. Вообще я иногда чувствую себя игрушкой в ее руках.

За платьями последовали украшения. Она никак не могла прийти в себя от восторга при виде двух колец, которые я по глупости в угоду ей извлекла из сейфа. И, Делла, по-моему, она уже начинает сходить с ума. Она надела на меня все кольца, броши, браслеты и ожерелья, какие только нашлись в моих шкапулах, и заставила наколоть две бриллиантовые диадемы! Я сидела, вся увешенная жемчугами, бриллиантами и изумрудами, и чувствовала себя чем-то вроде языческой богини в индуистском храме, особенно когда это абсурдное существо принялось плясать вокруг меня, хлопать и петь сочиненную кем-то из ее друзей песню.

Поллианна не слишком мне мешает – ей есть чем себя занять. Она уже числит в своих приятелях угольщика, полисмена, юного разносчика газет, не говоря уже о всех моих домашних слугах. Все они вместе и каждый в отдельности, похоже, очаро-

ваны девочкой. Но если ты думаешь, что и я тоже, то ты ошибаешься. Я бы уже давно отправила ее к тебе или куда-нибудь, если бы не дала обещания продержаться у себя до весны. А что она может заставить меня забыть Джейми и мою великую скорбь – это исключено. Из-за нее я только острее переживаю свою утрату, потому что вижу перед глазами ее, а не Джейми. Но я выдержу ее присутствие, если только она не начнет меня поучать. А если начнет, отправлю ее к тебе. Пока еще она не пыталась этого делать.

Любящая тебя, но глубоко опечаленная Руфь.

«Она еще не пыталась поучать. Однако! – удовлетворенно подумала Делла, убирая это письмо в ящик с другими письмами. – Руфь, ты уже отперла все комнаты в доме, примеряешь сатиновые платья, надеваешь на себя все драгоценности, а Поллианна не живет у тебя и недели. И она не поучает тебя; думаю, что ты уже и не дашь к этому повода».

4. ИГРА И МИССИС КЭРЮ

Бостон явился новым впечатлением для Поллианны, но и для Бостона – то есть для той его

части, которой посчастливилось близко познакомиться с необычной гостьей – Поллианна тоже явилась новым впечатлением.

Девочка повторяла то и дело, что она влюблена в Бостон, но только сожалеет о том, что он так велик.

– Понимаете, – объясняла она миссис Кэрю на следующий день по приезде, – я хочу увидеть и узнать все – и не могу. Это как званые ужины у тети Полли. Столько всего бывает на столе, что приходится решать: вот это надо попробовать, а вот от этого придется отказаться. Так и в Бостоне мне придется ограничить круг впечатлений. Конечно же, это счастье, – продолжала она, переводя дыхание, – что тут на каждом шагу столько хорошего, что исключение составляют только больницы и похороны. И вот я о чем подумала. Как от званых ужинов тети Полли всегда оставались конфеты и кусочек торта, то же самое и с Бостоном. Мне хочется увезти частицу Бостона с собой в Белдингсвилль. А это нельзя. Города-это не торты из холодильника, да и торты нельзя слишком долго хранить. Они высыхают или портятся. Словом, я хочу как можно больше взять от Бостона за эту зиму.

Поллианна, в отличие от многих туристов, полагающих, что обзор мира надо начинать с наиболее отдаленных точек, решила прежде всего ознакомиться с ближайшими окрестностями, а еще раньше – с великолепной резиденцией на Федеративной авеню, ставшей ее временным домом. Это плюс еще занятия в школе на первых порах поглощали все ее время.

Так много предстояло увидеть и изучить, и все было так прекрасно, значительно, начиная от изящных пуговок в стене, заливающих комнаты ярким светом, и кончая тихим балльным залом, увешанным картинами и зеркалами! И уже такие замечательные знакомства! В самом доме была еще Мэри, которая убирала комнаты, отвечала на дверные и телефонные звонки, провожала Поллианну до школы и встречала на обратном пути; потом Бриджит, которая жила в кухне и готовила; Дженни, которая накрывала на стол; Перкинс, шофер автомобиля... Все они такие замечательные и совсем не похожие друг на друга.

Поллианна прибыла в понедельник и целую неделю потом жила в ожидании воскресного дня. И вот он настал. Сияющая, Поллианна сбежала вниз по ступенькам.

– Я так люблю воскресенье! – восклицала она.

– Правда? – В голосе миссис Кэрю прозвучала тоска человека, для которого все дни одинаковы.

– Да, я люблю их за церковь и за воскресную школу. Вы что больше любите – церковь или воскресную школу?

– Не знаю, право, – начала было миссис Кэрю, которая редко ходила в церковь, а воскресной школы вообще никогда не посещала.

– Вам трудно ответить, да? – Глаза Поллианны светились, но взгляд их теперь сделался серьезным. – Я все-таки больше люблю церковь. Из-за папы. Он был миссионером, и, конечно, теперь он на небесах, где моя мама и все, кто уже не на земле. Я иногда закрываю глаза и пытаюсь представить себе, что делает папа на небе. Это очень помогает. Хорошо, что мы можем воображать себе разные вещи.

– Я в этом не уверена, Поллианна.

– Ах, а вы подумайте о том, насколько воображаемые вещи красивее, чем наши земные, реальные.

Миссис Кэрю что-то стала говорить рассерженным голосом, но Поллианна продолжала как ни в чем не бывало:

– Вообще-то для меня реальные, земные вещи гораздо прекраснее, чем принято о них думать. Я ведь какое-то время была калекой, и многие реальные вещи перешли для меня тогда в разряд воображаемых. А теперь я воображаю себе папу. Как он стоит на кафедре и читает свои удивительные проповеди. Да, а когда мы выходим?

– Выходим?

– Ну я имею в виду в церковь.

– Но Поллианна, я сегодня совсем не предполагала, я... – Миссис Кэрю прокашлялась и попыталась объяснить, что она сегодня не собиралась в церковь и что она вообще никогда не

была дисциплинированной прихожанкой. Но доверчивое личико и счастливые глаза Поллианны одержали над нею победу.

– Ну хорошо, мы выходим в четверть одиннадцатого. Но мы там пробудем недолго.

И вот случилось так, что этим солнечным сентябрьским утром миссис Кэрю сидела на скамеечке в той фешенебельной и элегантной церкви, куда она приходила девочкой и куда теперь вносила большие пожертвования по мере поступления доходов.

Для Поллианны эта воскресная утренняя служба явилась радостью и чудом. Изумительная музыка, игра солнечных лучей в витражах окон, исполненный страсти голос проповедника, благоговейное безмолвие присутствующих произвели на девочку столь глубокое впечатление, что после окончания службы она долго не могла вымолвить ни слова.

– О, миссис Кэрю, какое счастье! – произнесла она, когда они были возле самого дома.

Миссис Кэрю взглянула на нее недовольно, почти грозно. Она не желала слушать нравоучений. Скрепя сердце она сегодня уже выслушала проповедь с церковной кафедры. Но девчонка-проповедница – с какой стати? «Надо жить так, как будто мы живем один этот день» – такова была излюбленная доктрина Деллы. Сестра даже учит, что жизнь – это одно мгновение, и поэтому все можно претерпеть: ведь это лишь мгновение муки.

– Счастье? – раздраженно переспросила миссис Кэрю.

– Да! Иногда я пытаюсь себе представить, что бы я сделала, живи я одновременно и вчера, и сегодня, и завтра. Наверное, массу удивительных вещей! Но я понимаю, что вчера – это вчера, а сегодня – это сегодня. И что сегодня воскресенье, а через неделю будет опять воскресенье... Честное слово, миссис Кэрю, если бы сегодня было не воскресенье, я бы прямо тут, на улице, стала кричать, плясать, восклицать! Но ничего не поделаешь – сегодня воскресенье. Вот придем домой – и я буду петь гимн, самый радостный гимн, какой мы только можем себе представить. А какой гимн самый радостный из всех? Вы знаете, миссис Кэрю?

– Ну нет, мне трудно сказать, – отвечала миссис Кэрю, неуверенно озираясь, словно отыскивая какую-то пропажу. Очень уж черным днем оказался бы этот «один-единственный» для человека, привыкшего во всем отыскивать прежде всего дурные стороны.

Наутро в понедельник Поллианна впервые пошла в школу самостоятельно. Она уже прекрасно знала дорогу, кстати, не такую уж длинную. От школы Поллианна пребывала в восторге. Это было небольшое частное заведение для девочек; преподавание шло по новой системе, без конца ставились какие-то необычные эксперименты, но все это нисколько не пугало Поллианну, наоборот, очень ее радовало.

Миссис Кэрю не любила никаких новшеств, и без того за эту неделю их слишком много выпало на ее долю. Когда человек, уставший от жизни, вынужден делить общество с восторженным энтузиастом, то для первого это оборачивается в лучшем случае раздражением. А миссис Кэрю была не просто раздражена, а именно разгневана. Все же про себя она думала, что если бы кто-то спросил о причине ее раздражения, у нее не нашлось бы иного ответа, кроме: «Потому что Поллианна всему радуется»; и здравый смысл подсказывал ей, что это довольно странный ответ.

Делле она писала в письмах, что слово «радость» действует ей на нервы и лучше бы оно вообще никогда не звучало в ее присутствии. Правда, она отмечала с удовлетворением, что Поллианна не только не поучает ее, но даже ни разу не пыталась заговорить с ней о своей игре.

Но однажды раздражение миссис Кэрю вылилось в гневный протест. Это случилось на второй неделе пребывания Поллианны на Федеративной авеню. Поводом было скоропалительное заключение Поллианны по поводу ею же рассказанной истории об одной из «женщин-помощниц».

– Дело в том, миссис Кэрю, что она стала играть в игру. Но вы, может быть, не знаете, миссис Кэрю, про какую игру я говорю. Я вам расскажу. Это замечательная игра!

Но миссис Кэрю сделала протестующий жест.

– Нет, Поллианна! – вскрикнула она. – Не говори мне ни про какую игру! Я уже знаю про это от сестры, и теперь, пожалуйста, уволь меня!

– Но, миссис Кэрю! – проговорила девочка тоном извинения. – Я ведь не говорю, что эта

игра предназначена для вас. Вы можете не играть.

– Это невежливо так говорить: «Вы можете не играть!» – с обидой проговорила миссис Кэрю: хоть она и просила «уволить ее», ей все же не нравилось, что ее увольняют.

– Ну, так давайте я вам просто объясню, – Поллианна весело рассмеялась. – Эта игра заключается в том, чтобы во всем находить что-то такое, чему можно радоваться. А бывает, что и не ищешь, а это оказывается само собой. У вас когда-нибудь так было, миссис Кэрю?

Тут уже миссис Кэрю рассердилась не на шутку и в гневе сказала, может быть, больше, чем хотела сказать.

– Представь себе, Поллианна, я ни в чем не смогу найти оснований для радости, что бы ни случилось!

Какое-то мгновение девочка стояла, потупясь. Потом она отпрянула в недоумении:

– Но почему же, миссис Кэрю?

– А чему я должна радоваться? – Она забыла, что не хочет выслушивать от Поллианны проповедей, и сама наталкивала ее на нравоучительную беседу.

– Как? – удивленно пробормотала девочка. – Ведь у вас совершенно замечательный дом!

– Дом – это помещение, в котором едят и спят. А я не хочу ни есть, ни спать.

– Но у вас тут столько изумительно красивых вещей! – нерешительно проговорила Поллианна.

– Они мне только в тягость.

– А машина, на которой можно отправиться куда вы только захотите?

– Мне некуда отправляться.

Поллианна остолбенела от удивления:

– Но ведь вы столько всего могли бы увидеть. И людей...

– Они меня не интересуют, Поллианна.

Девочка изумленно посмотрела ей в глаза. На лбу у нее обозначились глубокие складки:

– Миссис Кэрю, но ведь можно еще играть по-другому. Находить во всем плохие вещи и высмеивать их. Это тоже дает чувство радости. И эта игра вообще не имела бы смысла, не будь на свете плохих вещей.

Миссис Кэрю медлила с ответом. Печать возмущения сошла с ее лица, уступив место выражению безнадежной грусти. Наконец она поймала взгляд Поллианны и обратилась к ней:

– Видишь ли, Поллианна, я не хотела тебе ничего говорить, но теперь я поняла, что придется сказать. Я просто раз и навсегда хочу тебе объяснить, почему ничто здесь не доставляет мне радости. – И она поведала девочке историю о Джейми, четырехлетнем мальчугане, который восемь лет назад переступил порог этого дома и больше не возвращался сюда.

– И вы уже никогда-никогда его больше не видели? – спрашивала Поллианна, и по щекам ее текли слезы.

– Нет.

– Но мы его отыщем, миссис Кэрю. Я совершенно в этом уверена.

Миссис Кэрю грустно покачала головой:

– Вряд ли. Я искала его повсюду, даже за границей.

– Но ведь он должен где-то быть.

– Он мог умереть, Поллианна.

Девочка вскрикнула:

– Ой, что вы! Не говорите таких вещей, миссис Кэрю! Пожалуйста, не надо. Всегда верьте, что он жив. И я всегда буду верить. Если мы вообразим себе, что он жив, то мы сможем также вообразить, где его отыскать. Знаете, как это помогает?

– Я боюсь, что его нет в живых, Поллианна.

– Но ведь вы не до конца уверены в этом. Ведь нет?

– Не-ет.

– Так. Значит, вы это вообразили себе. А если вы могли себе вообразить, что он умер, то можете вообразить себе и то, что он жив. Ведь лучше вообразить себе хорошее! И в один прекрасный день мы его отыщем! Вот теперь вы тоже играете в игру, миссис Кэрю. Ваша игра бу-

дет целиком относиться к Джейми. Вы теперь можете радоваться каждому дню, потому что он приближает вас к тому мгновению, когда Джейми окажется с нами. Понимаете?

Миссис Кэрю не желала ничего понимать. Она резко встала:

– Нет, нет, девочка, ты сама ничего не поняла. Пожалуйста, оставь меня теперь, пойди что-нибудь почитай или поделай. У меня очень болит голова. Мне надо лечь.

И Поллианна, встревоженная и разочарованная, тихо вышла из комнаты.

5. ПОЛЛИАННА НА ПРОГУЛКЕ

В следующее воскресенье Поллианна совершила свою первую и незабываемую прогулку по Бостону. До сих пор она никуда, кроме школы, не ходила одна. Миссис Кэрю не предполагала, что девочка может одна отправиться гулять по городу, так что официального запрета как бы не существовало. А в Белдингсвиле Поллианна усвоила себе привычку подолгу бродить по улицам в поисках новых друзей и новых приключений.

В то самое воскресенье миссис Кэрю сказала девочке то, что та слышала уже не впервые: «Пожалуйста, оставь меня теперь. Иди и делай все, что тебе хочется. Не приставай только ко мне с расспросами».

Таким образом, предоставленная самой себе, Поллианна обычно находила много увлекательных занятий в четырех стенах большого дома, а если неживые вещи надоедали ей, то она шла поговорить с Мэри, Дженни, Бриджит или Перкинсом. Но в этот день у Мэри болела голова, Дженни занималась починкой шляпки, Бриджит пекла яблочный пирог, а Перкинс уехал неизвестно куда. И к тому же выдался один из тех ослепительных, золотых дней, какие бывают только в середине сентября, и как ни хорошо было в доме, но яркое солнце за окном и осенний аромат, проникающий сквозь фрамуги, манили вырваться на свободу. Поллианна открыла парадную дверь и остановилась в замешательстве на ступеньках.

Какое-то время она молча рассматривала нарядно одетых мужчин, женщин и детей, торопливо проходивших мимо дома или медленно прогуливающих вдоль сквера, занимавшего центральную часть авеню, а потом она сбежала по ступенькам вниз и еще немного постояла на месте, оглядываясь по сторонам.

Тут она подумала о том, что и ей теперь неплохо бы прогуляться. День выдался как будто прямо для прогулок, а ведь она, живя у миссис Кэрю, еще ни разу не совершила настоящей прогулки! Ведь нельзя считать прогулкой дорогу в школу или обратно. Но сегодня надо решиться. Миссис Кэрю ничего не заметит. Она только обрадуется, что от нее надолго отстали с надоедливыми расспросами. И впереди такой большой вечер! Подумать только, сколько всего можно посмотреть! И так, в путь! Воодушевленная радостью, сияя от счастья, Поллианна спускалась вниз по Федеративной авеню.

Она заглядывала прохожим в глаза, всем улыбалась и была слегка разочарована – хотя несколько не удивлена, что никто ей не улыбнулся в ответ. Поллианна уже привыкла к тому, что в Бостоне мало открытых душ.

И, однако, она не теряла надежды и продолжала всем улыбаться. А вдруг хотя бы кто-то один ответит ей улыбкой?

Дом миссис Кэрю стоял в начале авеню, так что только спустя какое-то время Поллианна достигла углового дома и подошла к перекрестку. И тут ей открылось чудесной красоты зрелище – пламенеющий багряной и золотой листвой Бостонский общественный сад.

С минуту Поллианна постояла неподвижно, ошеломленная этой красотой. Она была убеждена, что это владения какого-то богатого предпринимателя или состоятельной дамы. Однажды в санатории она ходила вместе с доктором Эймзом к одной даме. Та жила в прекрасном доме, окруженном вот такими же аллеями, деревьями и цветочными клумбами.

Ей так хотелось теперь попасть в этот сад, но она сомневалась, допустят ли ее туда. Там, правда, гуляли люди, но, может быть, это приглашенные, гости? Вдруг она увидела, как в ворота входят мужчина, две женщины и девочка. Никто не останавливал их и ни о чем не спрашивал. Они быстро перешли с тропинки на аллею, и тогда Поллианна решила, что и ей можно пойти в сад. Она быстро перебежала улицу и оказалась у ворот.

Вблизи все выглядело еще более великолепным, чем представлялось издали. Сквозь ветки просвечивали солнечное небо и вода бассейна, слышались крики детворы и звуки музыки. Все еще сомневаясь, Поллианна решила окликнуть идущую впереди женщину.

– Сейчас вечер? – спросила она.

– Ну да, в общем-то сейчас уже вечер, – недоуменно пожала плечами дама.

– Нет, я имела в виду вечер как торжество. И я хотела спросить, могу ли я на нем присутствовать?

– Ну конечно. Все, кто хочет, могут сюда приходить! – пояснила молодая женщина.

– Как чудесно! Я так рада, что я здесь побуду! – проговорила Поллианна, сияя от счастья.

Женщина ничего не ответила, только смерила Поллианну подозрительным взглядом.

Поллианна утвердилась в своем предположении, что этот сад чей-то и что владелец его столь великодушен, что позволяет каждому приходить в его владения. Там, где тропинка сворачивала вбок, Поллианна увидела девочку, у которой была кукольная коляска. Ей так захотелось заговорить с этой милой девочкой, но едва она успела произнести несколько слов, как откуда-то появившаяся дама схватила девочку за руку и проговорила очень строго:

– Сколько раз я предупреждала тебя, Глэдис, чтобы ты не заговаривала с посторонними

детьми!

– Но я же не посторонняя! – поспешила объяснить Поллианна. – Я давно уже живу здесь, в Бостоне, наш дом... – Однако женщина, девочка и кукла в коляске были уже далеко.

Поллианной овладела досада, но она справилась со своими чувствами и, весело закинув голову, зашагала вперед по тропинке.

Она думала про себя, что не все сразу получается и что скоро она повстречает кого-нибудь еще лучше. Это может быть, например, Сюзи Смит или даже мальчик Джейми, которого разыскивает миссис Кэрю. Надо, во всяком случае, представить себе, что она ищет Сюзи и Джейми. И тогда, если даже она пока не найдет их, то непременно встретит кого-то еще. И долго-долго она провожала глазами занятых собой людей, безучастно проходивших мимо.

Увы, она была здесь совсем одинока. Папа, а потом и «Женская помощь» воспитывали ее в убеждении, что каждый дом в маленьком городке на Западе – ее родной дом, и все люди – мужчины, женщины и дети – ее друзья. Когда ей было одиннадцать лет, Поллианна приехала к тете Полли в Вермонт, и там, конечно, все было другое. Но она сумела принять и полюбить это новое, оно даже больше пришлось ей по душе, чем старое. И, пожалуй, из всего, что было в Белдингсвиле, самое большое удовольствие она получала от долгих одиноких прогулок по поселку и от чудесных посещений домов своих новых друзей.

Поначалу ей казалось, что Бостон обещает еще более восхитительные впечатления и знакомства. Но, по крайней мере, в одном отношении ее ждало разочарование. За две недели она не познакомилась ни с жителями дома напротив, ни даже с обитателями соседнего дома. Еще более странно было то, что и миссис Кэрю тоже не знает многих из тех, кто живет по соседству, а с другими знакома очень поверхностно. Поллианна старалась заверить ее, что на Федеративной авеню живет много замечательных людей, с которыми интересно было бы подружиться. Но она никак не смогла повлиять на отношения миссис Кэрю с ее соседями.

– Они не интересуют меня, Поллианна! – отвечала та всякий раз, и как ни хотелось девочке расширить круг своих знакомств, ничего из этого пока не получалось.

На сегодняшнюю воскресную прогулку Поллианна возлагала самые большие надежды, но и тут пока ничего не получалось. Среди гуляющих в парке наверняка были замечательные люди. Вот если бы только поближе их узнать. Но Поллианна не была с ними знакома, да и надежды, что состоится хоть одно знакомство, было мало, потому что эти люди вовсе не хотели ее знать. Девочке глубоко запали в душу слова той няни на аллее про «посторонних детей».

– Я непременно докажу им, что я никакая не посторонняя, – говорила про себя девочка, продвигаясь в глубь парка.

Одержимая этой мыслью, она продолжала всем улыбаться, а с одной женщиной решилась заговорить:

– Не правда ли, сегодня удивительный день?

– Да, разумеется, – отвечала та, присоединяясь к какой-то компании, явно с целью отделаться от Поллианны.

Еще дважды или трижды наша бостонская гостья делала попытки завязать знакомства, но все пока оканчивалось неудачей. Она подошла к тому маленькому пруду, который заметила еще издали сквозь ветви деревьев. На этом красивом пруду было множество лодок, переполненных смеющейся детворой. Поллианна смотрела на них, и ей становилось грустно. Наконец она увидела на скамейке неподалеку одинокого мужчину и решила подсесть на другой край скамейки. Она уже не была так решительна, как прежде, от постигших неудач в нее вселилась робость. Пока она решила понаблюдать за этим мужчиной.

Его едва ли можно было назвать приятным. Одежда, хотя и новая, была помятой и запыленной. По покрою и фасону она напоминала одежду, которую в Штатах выдавали лицам, отбывшим тюремное заключение и вышедшим на свободу (разумеется, Поллианна этого не подозревала). Лицо его было бледным, незагорелым и обросшим. Шляпа надвинута на глаза. Он сидел, лениво потупясь, и что-то искал в карманах брюк.

Поллианна долго не решалась с ним заговорить, но все же наконец произнесла:

– Не правда ли, сегодня удивительный день? Мужчина вздрогнул от удивления.

– Что вы сказали? Это вы мне? – растерянно отвечал он, отказываясь верить, что кто-то здесь мог обращаться к нему.

– Я сказала, что сегодня удивительный день, – поспешно повторила Поллианна. – Но вообще-то это не самое главное, я про это сказала просто, чтобы как-то начать разговор. Ведь надо же с чего-нибудь начать. А вообще мне хочется с вами поговорить о том, что вам особенно близко.

Мужчина усмехнулся. Его усмешка показалась Поллианне немного неестественной, ведь ей не могло прийти в голову, что он смеется в первый раз за многие месяцы.

– Так вам хочется со мной поболтать? – В голосе у него слышалась грусть. – Но о чем же нам говорить? Мне кажется, такая очаровательная юная леди могла бы найти более интересных собеседников, чем несчастный старый урка.

– А мне как раз нравятся старые урки... Я, правда, не знаю, что такое урка, но мне интересно беседовать с людьми, у которых большой жизненный опыт. И если все урки такие, как вы, то мне очень даже нравятся урки. Во всяком случае, вы мне очень нравитесь, – заключила Поллианна с довольным и одновременно виноватым видом.

– Гм, я, пожалуй, польщен, – отозвался урка с нескрываемой иронией. Но хотя по его лицу было видно, что он не принимает всерьез слов Поллианны, все же он заметно приосанился. – Ну так о чем же мы побеседуем?

– Я, к сожалению, мало могу вам рассказать. А в общем, мне все равно о чем говорить, – отвечала Поллианна с лучезарной улыбкой. – Тетя Полли говорит, что, о чем бы я ни начала, я все обязательно сведу к «Женской помощи». Наверно, это оттого, что они были первые мои воспитательницы. А с вами мы можем поговорить про вечер. Я имею в виду не вечер, потому что поздно, а вечер, на который позвали людей.

– Позвали?

– Да. Ведь почему мы все тут? Потому что хозяева богатого дома устроили сегодня вечер. Одна дама сказала мне, что приглашают каждого, кто хочет. И вот я решила остаться, но только я пока не узнала, где тот дом, в котором устраивается вечер.

Мужчина сделал гримасу.

– Возможно, малышка, это в некотором смысле и вечер, – улыбнулся он. – Но дом, который его устраивает, это просто город Бостон. Это ведь Общественный парк, так что сюда в самом деле все могут приходить.

– Неужели? Не только сегодня, но и всегда? И я могу сюда ходить, когда захочу? Что же может быть прекрасней! А я уже стала бояться, что больше никогда сюда не попаду. И даже к лучшему, что я не сразу узнала, что здесь такое на самом деле. Хорошие вещи становятся еще лучше, если сначала боишься, что они не окажутся хорошими. Правда?

– Ну да, хорошо, когда все к лучшему, – слегка насмешливо проговорил урка.

– Да, вы так точно и кратко это сказали, – кивнула головой Поллианна, не заметившая ухмылки в его тоне. – Но как замечательно. Наверно, даже миссис Кэрю не подозревает, что это парк для всех. Все сюда могут приходить, стоять и любоваться!

Мужчина внезапно помрачнел:

– Да, есть немногие счастливики, которых взяли на работу, и они делают массу полезных вещей. А остальным, вроде меня, только и остается, что приходить сюда, стоять и любоваться.

– Но это же лучше, чем работать, – рассеянно проговорила Поллианна, провожая взглядом проплывающую мимо лодку.

Мужчина посмотрел на нее с возмущением, но ничего не сказал. Она продолжала говорить:

– А мне бы только стоять и смотреть. И ничего больше не делать. А я должна ходить в школу. Правда, я люблю школу. Но есть очень много такого, что я люблю гораздо больше, чем школу. Нет, я все равно, конечно, рада, что я могу ходить в школу. Я особенно этому радуюсь, когда вспоминаю, что прошлой зимой считала, что уже никогда вообще не буду ходить. Знаете, я какое-то время совсем не могла ходить. Мы только тогда узнаем цену вещам, когда их теряем. Вот и зрение тоже. Вы никогда не думали, как много значат глаза? Я этого совсем не понимала до санатория. Там была одна дама, которая год назад совершенно ослепла. Я старалась ее во-

влечь в игру. Знаете, есть такая игра: во всем отыскивать что-то такое, чему можно радоваться. И вот я, чтобы побыть в ее положении, на один только час завязала глаза платком. Как это было ужасно! Вы не пытались так сделать?

– Да нет, пожалуй, – ответил он с некоторым недоумением.

– Так вот, это ужасно. Ты так много хочешь сделать – и не можешь ничего. Я выдержала целый час. И вот с тех пор, если я что-то вижу хорошее или красивое, я безумно счастлива. Мне просто хочется кричать от радости, что я вижу. А эта незрячая женщина – она теперь играет в игру. Мне говорила мисс Уэтербай.

– Игру?

– Да. Игру в то, чтобы во всем находить радость и утешаться. Так вот эта женщина сумела в своем горе отыскать радость. Я имею в виду ее глаза. Ее муж – он, знаете, кто? Он имеет какое-то отношение к составлению законов. И она его попросила, чтобы был издан закон о слепых, и особенно о детях, которые не могут видеть. И она сама ходила ко всем этим законотворцам, рассказывала им, что ощущает незрячий человек. И вот появился такой специальный закон. И потом эти люди говорили, что этот закон – в первую очередь ее заслуга, а потом уже ее мужа и всех остальных. Если бы не она, им просто не удалось бы придумать этот закон. И она теперь счастлива, что ослепла, потому что этой ценой удалось скрасить жизнь стольким незрячим детям. Вот видите, какая это игра. Вы ведь ничего про нее раньше не знали, а теперь вы еще один человек, который знает. А началось все это вот как, – и Поллианна, любуясь ослепительной красотой осеннего парка, рассказывала ему, как однажды давно ей вместо куклы принесли в подарок пару маленьких костылей.

Когда рассказ подошел к концу, мужчина долго молчал, а потом он резко поднялся со скамьи.

– Как, вы уже уходите! – воскликнула раздосадованная Поллианна.

– Да, мне пора, – он улыбнулся, как показалось девочке, несколько загадочно.

– Но вы ведь будете иногда приходить в парк?

В ответ он покачал головой и опять улыбнулся:

– Думаю, что нет. Надеюсь, что нет. Ведь я приходил сюда от праздности. А ты мне открыла великую истину. Я думал, что я не нужен никому на свете. А теперь я знаю, что у меня есть пара рук, пара ног и пара глаз. И я как-нибудь сумею воспользоваться этим преимуществом и кое-кому доказать, что недаром живу на земле.

И он тут же встал и ушел.

«Какой же он забавный! – думала про себя Поллианна. – Он хороший, и он другой, чем все, кого я до сих пор знала», – говорила она, доводя до конца свою мысль и подводя итог своей прогулке.

Поллианна похвалила себя за то, что ей удалось еще одного человека приобщить к игре, и она шагала по тропинке гордой поступью человека, не ведающего сомнений. Ведь этот мужчина сказал ей, что парк общественный, значит, она гуляет здесь, как и все другие, по праву. Она приблизилась к пруду и перешла по мостику к лодочному причалу. Она вглядывалась в лица детей, надеясь отыскать черные кудри Сюзи Смит. Ей самой очень хотелось покататься на лодочке, но табличка предупреждала, что это стоит пять центов, а Поллианна вышла из дому совсем без денег. Она вглядывалась в лица матерей, улыбалась, пару раз пыталась затеять разговор. Но ни у кого не было желания с ней общаться, ее грубо обрывали и даже не удостоивали взглядом.

Тогда она выбрала другую тропинку, по которой ехал бледный мальчик в инвалидном кресле. Ей хотелось с ним познакомиться, но он был так погружен в чтение книги, что Поллианна решила оставить его в покое. Потом она увидела одну очень хорошенькую девочку, которая, однако, показалась ей очень грустной. Она сидела на скамейке одна точно так же, как и тот мужчина у пруда. Радостный возглас вырвался из груди Поллианны, и она побежала к этой девочке.

– Здравствуй! – воскликнула Поллианна. – Ой, как я рада, что тебя нашла! Я так долго за тобой охотилась! – И она под села на скамью к хорошенькой грустной девочке.

Хорошенькая девочка выразила изумление.

– Ой! – воскликнула она. – Ты, наверно, обозналась. Я никогда тебя не видела, честное

слово.

– Так ведь и я тоже впервые тебя вижу, – успокоила ее Поллианна, – но все равно можно считать, что я давно за тобой охотилась. Мне нужно было найти кого-то, кто гуляет здесь в одиночестве, без родителей или товарищей. Как мы с тобой. А ведь большинство пришли в компании или с семьей. Понимаешь?

– Да, я понимаю, – кивнула головой хорошенькая девочка, – но мне жалко, что тебе, бедняжке, приходится искать такое место...

– Какое место?

– Уединенное место подальше от людей.

Поллианна выразила удивление и нахмурилась:

– Да ты что! Я, наоборот, страшно хочу, чтобы вокруг меня были люди. – Поллианна даже рассердилась на девочку. – Мне совсем не потому грустно, что вокруг много людей, а потому, что они совсем меня не замечают.

Хорошенькая девочка горестно улыбнулась:

– Это правда. Люди совсем не обращают на нас внимания.

– Но ведь когда-нибудь кто-то захочет с нами поговорить.

– Да, – оборвала ее хорошенькая девочка, – некоторые бывают даже чересчур словоохотливы.

Поллианна насторожилась. Уже наученная горьким опытом общения с людьми, она заподозрила, что эта реплика относится к ней.

– Если ты имеешь в виду меня, то я уйду и не стану тебе мешать.

– Да нет, что ты, глупышка? Те, о ком я говорю, совершенно не похожи на нас с тобой. Я очень рада, что мы разговорились. Мне даже сначала показалось, что ты из нашего городка.

– Так, значит, ты тоже, как и я, не живешь в Бостоне?

– Нет, сейчас я живу здесь, – вздохнула девочка, – если только можно назвать это жизнью.

– А что у тебя не так? – всполошилась Поллианна. – Пожалуйста, расскажи мне, как ты живешь.

– Как я живу? – грустно переспросила девочка. – С утра до вечера мне приходится продавать кружевные шарфики и нарядные банты девочкам, которые смеются, болтают и дружат между собой. А потом я поднимаюсь к себе в комнатку на третий этаж. Она такая маленькая, что там едва помещаются жесткая койка, на которой мне приходится спать, свернувшись калачиком, разбитый рукомойник, поломанный стул и я. Летом в ней как в жаркой шубе, а зимой как в холодильнике. Но я и этому рада, только бы мне еще немного дали тут пожить после того, как я кончу работать. Но сегодня мне так хотелось куда-нибудь оттуда уйти. Захотелось найти какую-нибудь уютную читаленку и посидеть там с книжкой. Ведь сегодня последний воскресный день в этом году. И к тому же на улице так чудесно. Мне еще верится, что у меня будут счастливые дни. Чем я хуже тех девочек, которые покупают у меня банты? Я ведь тоже люблю и хохотать, и шутить. Вот и сегодня мне хочется хохотать и шутить.

Поллианна улыбнулась и одобрительно кивнула:

– Так ведь это замечательно, что ты умеешь радоваться. Я тоже умею радоваться. Ведь даже в Библии часто повторяется, что надо радоваться, веселиться и праздновать. Нам говорили, что это там повторяется восемьсот раз! Может быть, ты даже помнишь наизусть какие-то места из Библии, где говорится о праздниках и веселье.

Девочка покачала головой и подозрительно посмотрела на Поллианну.

– Нет, – сказала она бесцветным голосом. – Мне как-то мало приходилось думать о Библии.

– Но почему? Впрочем... У меня ведь папа был священник.

– Правда?

– Да, правда, – ответила Поллианна, заметив, что девочка опять оживилась и повеселела. – А твой папа тоже священник?

– Да... – Слабый румянец выступил на личике хорошенькой девочки.

– Он тоже теперь живет на небесах с ангелами?

Девочка вскинула голову:

– Нет. Мой папа жив.

– О, какая ты тогда счастливая. Иногда я все готова отдать за то, чтобы хоть раз увидеть моего папу. А ты всегда можешь видеть твоего папу.

– Я его теперь почти не вижу. Он дома, а я здесь.

– И все-таки ты его увидишь, а я своего – никогда. Он ушел к маме и ко всем тем, кто на небесах. А твоя мама жива?

– Да, – рассеянно ответила девочка, и Поллианне показалась, что она собирается уйти.

– Ах, это же замечательно, что у тебя живы и папа, и мама. А моих уже нет на свете. Папа умер, когда мне было одиннадцать лет, а мама еще раньше. У меня вместо мамы была «Женская помощь» – до тех пор, пока меня не взяла к себе тетя Полли. Конечно, они хорошие, эти женщины-помощницы, но это все же не мама и даже не тетя Полли.

Поллианна говорила без остановки. Она была в своей стихии. Она обожала говорить. Конечно, было нечто странное, безрассудное и даже выпренное в том, что она во всех подробностях рассказывала свою историю совершенно незнакомой девочке на скамье бостонского парка. Для Поллианны все мужчины, женщины и дети, знакомые и незнакомые, были друзьями. Порой она даже предпочитала незнакомых – в общении с ними всегда было что-то от приключения и тайны, до тех, конечно, пор, пока они из незнакомых не переходили в разряд знакомых.

И вот этой хорошенькой девочке Поллианна рассказала и про отца, и про жизнь на Западе, и про то, как она с запада перебралась на восток, в Вермонт, к тете Полли. Она говорила про старых и новых друзей и, разумеется, затронула тему игры. Рано или поздно она всем говорила про игру. Однако игра до такой степени была частью ее существа, что начинать разговор о ней было очень нелегко.

Что же касается девочки, то она говорила немного. Впрочем, она вовсе не была безучастной слушательницей. Выражение ее лица то и дело менялось. Румянец на щеках, складки на лбу, тревожные взгляды, нервное перебирание пальцами – все свидетельствовало о сильной душевной борьбе.

– Милая, послушай, у меня к тебе просьба: не уходи пока. Слышишь? Вон идет один мой знакомый, если он что-то будет говорить, не отвечай ему. Вообще не обращай на него внимания. И, главное, побудь со мной. Хорошо?

Не успела Поллианна опомниться от удивления, как увидела перед собой весьма привлекательного молодого человека.

– А, вот ты где! – приятно улыбнулся он, обращаясь к новой подруге Поллианны. – Пожалуй, мне надо начать с извинения: я немного опоздал.

– Это не имеет значения, – торопливо проговорила девочка. – Я просто решила туда не ходить.

Молодой человек ласково улыбнулся:

– Ну что ты, право? Нельзя же так сердиться на человека только за то, что он опоздал на несколько минут.

– Дело не в этом, – покраснев, ответила девочка. – Я просто передумала.

– Ерунда! – Молодой человек уже не улыбался и заговорил довольно грубо. – А кто обещал мне вчера пойти?

– Да, вчера я обещала, а сегодня передумала. Мне надо побыть с моим милым другом.

– Вот с этой веснушчатой? Да что она тебе? – пренебрежительно пробормотал молодой человек.

– Ну, если тебя приглашает этот приятный молодой человек... – заговорила Поллианна и тут же поняла по взгляду девочки, что ей не следовало ничего говорить.

– Я уже сказала вам: я не пойду. Я передумала.

– Но я прошу тебя! Почему ты так переменчива? – капризно настаивал молодой человек, казавшийся теперь Поллианне вовсе не таким уж приятным. – Ты обещала вчера...

– Да, – с жаром перебила его девочка. – А потом я долго думала над вашим предложением и решила, что мне не следует. Прошу вас уважать мои желания. Я сказала нет – значит, нет.

Но молодой человек не хотел считаться с желаниями хорошенькой девочки. Он то ласково

умолял ее, то начинал едва ли не угрожать. Наконец он произнес рассерженным голосом какую-то весьма путаную фразу, смысла которой Поллианна не сумела понять, круто повернулся и зашагал прочь.

Хорошенькая девочка следила за ним напряженным взглядом, пока он не пропал из виду. Тогда она облегченно вздохнула и крепко пожала Поллианне руку.

– Благодарю тебя, малышка. Ты даже не знаешь, чем я тебе обязана! Прощай.

– Не надо, не уходи! – стала упрашивать ее Поллианна.

Девочка горестно вздохнула в ответ:

– Нет, мне надо поскорее уйти. А то он вернется, и тогда мне уже от него не отделаться. Он привык добиваться своего, но, слава богу, со мной у него не получилось.

Наверно, эта девочка была старше Поллианны, может быть даже намного старше.

«Очень интересная девушка, – подумала Поллианна, – она тоже ни на кого не похожа из тех, кого я знала до сих пор». И она зашагала быстрее, торопясь взять что-то еще от этой увлекательной прогулки.

6. ДЖЕРРИ ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

Вскоре Поллианна вышла из сада и оказалась на пересечении двух улиц. Там было шумно и интересно. Поллианна с восторгом наблюдала за трамваями, автомобилями, конскими упряжками и пешеходами. На мгновение она остановила взгляд на огромной красной бутылке в одной из витрин. Потом откуда-то издалека до нее донеслась мелодия шарманки. Поллианна быстро завернула за угол и поспешила навстречу завораживающей музыке.

По пути она увидела еще много интересного. В окнах магазинов были выставлены самые необычайные предметы. А когда она приблизилась к шарманщику, то увидела рядом с ним группу нарядных детей, которые танцевали и пели. Значит, шарманка зазывала людей посмотреть на маленьких танцовщиков и танцовщиц. Вдруг Поллианна обратила внимание на мужчину громадного роста в синей униформе с ремнем. Он помогал людям переходить через улицу. С минуту она наблюдала за ним, а потом сама сперва боязливо, а потом все решительнее двинулась наперерез упряжкам и машинам.

И тут произошло нечто удивительное. Большой синий человек заметил ее, сделал в ее сторону знак рукой и даже слегка приблизился к ней. Теперь Поллианна уже безо всякого страха шла сквозь угрожающий поток ревущих моторов и ржущих лошадей. Это было такое сильное ощущение, что ей захотелось его повторить. Снова и снова под управлением синего волшебника она совершала магический переход с тротуара на тротуар. Но вот, в очередной раз оказавшись на тротуаре, она остановилась в нерешительности. Куда же ей теперь надо идти?

– Поймай, – вдруг обратился к ней большой человек, – ты же ведь только что переходила улицу, зачем ты пошла назад?

– Да, сэр! – весело заулыбалась ему Поллианна. – Я уже два раза переходила улицу туда и два раза обратно. Всего четыре раза.

– Странно! – Полисмен наморщил лоб, соображая, что бы могло означать такое поведение странной девочки.

Поллианна же как ни в чем не бывало продолжала:

– И с каждым разом мне становилось все интереснее!

– Но зачем? – недоумевал он, а потом решил показать маленькой озорнице свою власть. – Послушай, ты что же, думаешь, я здесь поставлен затем, чтобы водить тебя взад и вперед? – Но ведь, сэр! – смущенно пробормотала Поллианна. – Ведь не только же ради меня! Нас тут много, тех, кто переходит улицу. Я знаю, кто вы. Вы полисмен. К нам с миссис Кэрю тоже приходит полисмен. Но тот работает в спокойном месте, а вы в таком опасном водовороте. Я раньше часто путала полисменов с солдатами. У тех и у других золотые пуговицы и синие шляпы, но теперь я знаю, кто вы. А вообще-то, вы в некотором роде и солдат. Вы очень храбрый: стоите в водовороте всех этих экипажей и автомобилей и помогаете людям выходить из него живыми.

– Хо-хо! – Полисмен разразился простодушным, почти мальчишеским смехом. – Хо-хо!.. Так, одну минуточку! – Он быстро взмахнул рукой и в следующую минуту счастливо перевел из потока на тротуар сухонькую перепуганную старушку. Поступь его была, пожалуй, чересчур помпезна, и сам он выглядел несколько громоздко, но девочке, наблюдавшей за ним с тротуара, все в нем нравилось. Через минуту, выговорив некоторым шоферам и возницам, полисмен возвратился к Поллианне.

– О, это было замечательно! – воскликнула она. – Я с таким удовольствием наблюдала за вашей работой. Это как когда народ Израиля переходил Красное море. Вы как будто бы превратили морские волны в холмы, чтобы люди прошли как посуху. И как вы, должно быть, рады, что у вас все получилось! Я думала, что самая огромная радость на свете – это быть врачом. Но, оказывается, быть полисменом – двойная радость. Ведь вы вселяете отвагу в тех, кто перепуган и упал духом.

– Бр-р-р! – снова вырвалось у большого синего человека, и он, оставив Поллианну на кромке тротуара, снова поспешил на середину улицы.

А Поллианна решила, что ей пора уже попрощаться со своим Красным морем и что вообще хватит гулять. Дома в это время уже готовились к ужину. И она решила поскорее возвратиться домой тем же путем, каким она пришла на скрещение улиц.

Пройдя еще две или три улицы, она поняла, что зашла совсем не туда и теперь возвратит-

ся домой будет не так просто, как ей думалось поначалу. И натолкнувшись на большое здание, которого раньше не было на ее пути, иначе она бы его обязательно заметила, Поллианна окончательно уверилась в том, что потеряла дорогу.

Она оказалась на какой-то бедной улице, грязноватой и узкой. Закоптелые маленькие домики, сдаваемые в аренду, и несколько новых высоких зданий неприглядного вида тянулись по обе стороны. Мужчины на улице как обычно о чем-то спорили, а женщины судачили, но только Поллианна ни одного слова не смогла понять из их разговоров. И к тому же многие подозрительно косились на нее, давая ей понять, что она в этом квартале чужая.

Уже несколько раз Поллианна спрашивала дорогу, но одни на ломаном английском отвечали, что не знают никакой миссис Кэрю, а другие лишь пытались объяснить жестами, добавляя слова на непонятном языке. Поллианна попробовала заговорить с ними по-голландски, этот единственный немного знакомый ей иностранный язык она усвоила, общаясь с семьей Хагтерманов – единственными иностранцами в Белдингсвиле.

Поллианна уже несколько раз прошла по улице взад и вперед. Она была в полной растерянности. Ей становилось страшно. К тому же она ужасно устала и проголодалась. Слезы нависали над ее глазами, и она не могла сдерживать рыданий. Но хуже всего было то, что с каждой минутой становилось все темнее. «Ничего, – говорила про себя Поллианна. – Мне надо радоваться, что я заблудилась, потому что как же будет здорово, когда я найдусь!»

Наконец Поллианна добралась до одной сравнительно широкой улицы и подошла к какой-то остановке. Она была уже в совершенном отчаянии. Слезы катились из глаз, и она, за неимением носового платка, вытирала их тыльной стороной ладони.

– Эй, ты чего ревешь? – послышался у нее за спиной чей-то задорный голос.

Она обернулась и увидела мальчика с пачкой газет под мышкой.

– Ах, как я рада, что тебя встретила. Хоть один человек, который говорит не по-голландски.

Мальчик осклабился:

– Ну вряд ли здесь кто-то говорит по-голландски. Скорее, по-испански, по-итальянски или в крайнем случае по-португальски.

Поллианна слегка нахмурилась:

– Да, ты, наверно, прав. Это не голландский язык. И уж точно не английский. Никто из них не мог ответить на мои вопросы. Но вдруг ты сможешь? Не скажешь ли мне ты, где живет миссис Кэрю?

– Нет. Ищи лучше меня.

– Ты говоришь что-то очень странное. Мальчик ухмыльнулся:

– Я просто хотел тебе сказать, что не знаю такую леди.

– Но, может быть, кто-то есть еще, который знает! Понимаешь, я вышла из дому погулять и заблудилась. Просто я пошла не туда... А дома уже ужинают, все беспокоятся... Я хочу скорее попасть домой. Мне очень нужно.

– Да, мне за тебя очень тревожно.

– Вот и миссис Кэрю тоже за меня тревожно, – вздохнула Поллианна.

– Да, положение незавидное, – посочувствовал мальчик. – Но, вообще, послушай! Ты же знаешь хотя бы, как называется твоя улица?

– Я только знаю, что это авеню, но забыла, какая.

– Так, это уже ничего. А номер дома? Ну постарайся припомнить! Почеши мозги!

– Почесать мозги? – нахмурилась Поллианна и провела пальцами по волосам.

Мальчик смотрел на нее почти презрительно:

– Вроде не выглядишь душой, а... Что же ты, номер своего дома не знаешь?

– Нет, но там точно была семерка...

– А какой мне прок от твоей семерки?

– Ах, мне обязательно надо попасть домой. Знаешь, такая очень красивая улица и посередине проходит дворик.

Мальчик внезапно вскинул голову:

– Что ты сказала? Дворик посреди улицы?

– Да, деревья, трава, тропинка, скамеечки...

– Полный вперед. Бьюсь об заклад, что это Федеративная авеню! Я на этой авеню собаку съел.

– Ты прав, это в самом деле Федеративная авеню. Но только там не едят собак.

– Я хотел сказать, что там живет мой работодатель, сэр Джеймз. Я почти каждый день туда бегаю. В общем, я с тобой прошвырнусь до этой авеню. Но подожди меня тут. Ты еще не успеешь сказать «Джек Робинсон», как я уже вернусь.

– Так ты меня доведешь до дома?

– Запросто!.. Если, конечно, ты знаешь, где твой дом.

Он опять бросил на Поллианну презрительный взгляд и тут же пропал в толпе. Через минуту она услышала, как он восклицает: «Газета! Купите газету! Геральд! Глоуб! Вечерняя!»

Поллианна облегченно вздохнула и стала ждать его, прислонившись к двери. Она была очень уставшей, но все же счастливой. Конечно, ей попадет, что она пропадала до ночи. Но ведь она вернется. Она доверяла этому газетчику и не сомневалась, что он приведет ее к миссис Кэрю.

– Он хороший, он очень мне нравится, – говорила Поллианна, наблюдая, как бодро и уверенно он делает свое дело. – Правда, он странно иногда выражается. Его бы надо поучить хорошему английскому языку. Но это дело поправимое. Главное, он нашел меня! – удовлетворенно заключила Поллианна.

Очень скоро мальчик вернулся, газет у него больше не было – он все распродал.

– Пошли. Я сейчас тебя через дворы закину в хвост этой самой авеню, а дальше смотри сама.

Это была, пожалуй, самая безмолвная прогулка, какую совершала Поллианна. Она едва поспевала за своим провожатым и даже не могла рассказать ему ни одной истории про «Женскую помощь». Лишь когда они дошли до Общественного сада, она радостно воскликнула:

– Вот мы уже почти и пришли. Я знаю это место! Я так хорошо сегодня провела здесь вечер. И вот уже в трех шагах отсюда наш дом.

– Сейчас я тебя выведу на эту авеню, а там уж сама разбирайся, где твой дом.

– Дом я точно найду! – воскликнула Поллианна.

Когда они взошли по ступенькам особняка миссис Кэрю, было уже совсем темно. Мальчик позвонил в дверь, ему открыли, и Поллианна увидела у порога не только Мэри, но и саму миссис Кэрю, и Бриджит, и Дженни. Все четыре женщины были очень бледны и страшно перепуганы.

– Деточка, где же ты была? – бросилась к ней миссис Кэрю.

– Я просто пошла погулять, – начала объяснять Поллианна. – А потом я заблудилась, и вот этот мальчик меня нашел.

– Где вы ее нашли? – спросила миссис Кэрю у провожатого, который, сам не свой от восторга, рассматривал сияющий огнями зал. – Мальчик, я тебя спрашиваю – где ты ее нашел?

Газетчик посмотрел на нее сперва робко, но потом вдруг принял самоуверенный вид и ответил спокойно:

– Я ее встретил на площади Боудуин, но, вообще-то, она блуждала, наверно, в северных кварталах, она там видела одних итальянцев и испанцев. Они не очень-то ее приветили, мэм!

– Детка, что же это такое? В северных кварталах? Одна? – воскликнула миссис Кэрю.

– Я вовсе не была одна! – стала успокаивать ее Поллианна. – везде столько народу. Мальчик, пожалуйста, подтверди, что это так.

Но мальчик только насмешливо улыбнулся и поспешил поскорее удалиться.

А Поллианна целых полчаса выслушивала нотации от миссис Кэрю. Хорошие маленькие девочки, говорила она, не гуляют одни в незнакомом городе, не сидят на скамейке в парках и не заводят разговоров с чужими людьми. И Поллианна только чудом попала домой в такой поздний час и чудом избежала многих неприятностей, которые могла навлечь на себя из-за своей глупости. И Поллианне надо запомнить одно: Бостон – это не Белдингсвилль и не следует даже пытаться

ся их сравнивать.

– Но миссис Кэрю! – с улыбкой возразила Поллианна. – Не надо больше сердиться. Ведь со мной ничего не случилось, я нашлась, поэтому давайте не будем больше мучить себя и порадуемся вместе.

– Да, девочка, я больше не сержусь на тебя, – вздохнула миссис Кэрю. – Но только ты так меня перепугала. Пожалуйста, ах, пожалуйста, пообещай мне, что такое больше никогда не повторится! Теперь иди, поешь. Ты ведь голодна!

Проснувшись среди ночи, миссис Кэрю, услышала, как девочка ворочается во сне и шепчет: «Как плохо! Я его не поблагодарила, не узнала, как его зовут, и не научила своей игре!»

7. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

После этих воскресных походов Поллианна попала под пристальный надзор. Теперь ей никуда, кроме школы, не разрешали ходить без сопровождения Мэри или самой миссис Кэрю. Поллианну это мало огорчало, ведь она любила и миссис Кэрю, и Мэри, ей было приятно проводить время с ними обеими. И они, в свою очередь, не жалели для девочки своего времени. Миссис Кэрю, с тех пор как она пережила страх, что с Поллианной случилась беда, а потом ра-

дось, что никакой беды не случилось, дала себе слово посвятить себя воспитанию странного ребенка.

Теперь Поллианна вместе с миссис Кэрю бывала на концертах и вечерах, посещала Публичную библиотеку и Художественный музей, а Мэри брала ее с собой на удивительные экскурсии по Бостону, в ратушу и в Старую Южную церковь.

Как ни любила Поллианна кататься на автомобиле, но трамвай с некоторых пор полюбился ей больше, и это в один прекрасный день заметила, к своему удивлению, миссис Кэрю.

– Мы поедem на трамвае? – нетерпеливо вопрошала Поллианна.

– Нет, нас повезет Перкинс, – ответила миссис Кэрю и удивленно спросила, заметив на личике девочки гримасу разочарования: – Ты же ведь так любила машину, в чем дело?

– Да нет... Я же все понимаю: машина дешевле трамвая.

– Машина дешевле? – недоуменно воскликнула миссис Кэрю.

– Ну да! – стала объяснять Поллианна. – Ведь за трамвай надо платить пять центов, а машина наша, она нам ничего не стоит. И я вообще-то люблю машину, – тараторила она, не давая миссис Кэрю вставить слово, – но просто в трамвае всегда так много людей, и мне очень интересно бывает их рассматривать. А Вы любите рассматривать людей, когда их много?

– Пожалуй, я бы этого о себе не могла сказать, Поллианна! – как обычно сухо отозвалась миссис Кэрю.

Дня через два миссис Кэрю услышала от Мэри нечто об отношении Поллианны к трамваям.

– Это просто удивительно, – говорила Мэри, – как люди к ней тянутся. Это даже помимо нее. Она просто выглядит радостной – и это к ней привлекает. Помню, однажды трамвай был набит битком. Взрослые ссорились, дети кричали. А через пять минут их было не узнать. Хотя и в темноте, но все стояли довольные и веселые. Иногда достаточно Поллианне кому-то сказать «спасибо», и сразу все спешат уступить нам место. Или иногда она улыбнется собачке или малышу. И вот все собачки виляют хвостами ей навстречу, а малыши улыбаются и лезут к ней на руки. Вообще такое впечатление, что ее уже знает весь Бостон.

– Да, очень может быть, – прошептала миссис Кэрю, не желая поддерживать разговор.

Октябрь месяц выдался в этом году просто удивительный. Стояли теплые золотые дни. И взрослым становилось все труднее поспевать за Поллианной. Миссис Кэрю по временам начинала бранить Мэри за то, что та потакает всем прихотям и фантазиям этого ребенка.

Но разумеется, и она понимала, что удерживать девочку дома в такие изумительные октябрьские вечера попросту грешно. И ее даже стали отпускать ненадолго в Общественный сад. Она была, с одной стороны, свободна, а с другой, связана по рукам и ногам запретами и обещаниями.

Ей не велено было разговаривать с незнакомыми людьми, играть с чужими детьми или выходить хотя бы на шаг за территорию парка. Мэри объяснила ей, что из парка надо выходить на Арлингтон-стрит, а с Арлингтон-стрит переходить на Федеративную авеню. И, как только стрелка на башенных часах подойдет к половине пятого, Поллианна должна была идти домой.

Поллианна часто теперь ходила в сад. Иногда ее туда приглашали с собой подруги по школе. Но чаще она ходила одна. Несмотря на жесткие ограничения, она все-таки радовалась этим прогулкам. Она могла рассматривать людей, хотя и не заговаривала теперь с ними, зато собеседниками девочки стали белки, голуби и воробьи, которых она подкармливала зернышками и орешками, захваченными из дома.

Поллианне очень хотелось увидеть тех, с кем она познакомилась в первый день – мужчину, который радовался, что у него есть руки и глаза, и хорошенькую девушку, которая отказалась пойти куда-то с красивым молодым человеком. Но она больше не повстречала их. Зато какой-то мальчик в инвалидной коляске постоянно катался по аллее, и Поллианна мечтала с ним познакомиться. Он тоже кормил белок и птиц и до того их приручил, что голуби садились ему на голову и на плечи, а белки вытаскивали у него из карманов орехи. Но Поллианна, издали наблюдая за ним, отметила одну странную вещь: хотя мальчик с наслаждением проводит птичий банкет, провиант его иссякает в первые же минуты. Почему-то он всегда приносит мало еды и из-за этого

очень расстраивается. Поллианне показалось, что это странно.

Когда мальчик не играл с белками и птицами, он почти все время читал. Он очень много читал. В коляске у него всегда лежало несколько зачитанных книг и два-три журнала. Поллианна привыкла встречать этого мальчика всегда в одном и том же месте, и ее удивляло, как ему удастся добираться туда.

И вот в один прекрасный день она открыла эту тайну. Однажды в день школьного праздника она пришла в сад до полудня и увидела, как какой-то курносый мальчишка с волосами песочного цвета, везет на коляске читателя-инвалида по одной из тропинок. Она пристальнее всмотрелась в обладателя песочной шевелюры и с радостным возгласом побежала к нему.

– Ой, это ты! Я тебя знаю. Только я не знаю, как тебя зовут. Ты ведь нашел меня. Помнишь? Как я тебе рада! Мне надо сказать тебе «спасибо»!

– Ах, ты та маленькая пропажа с авеню! – ухмыльнулся мальчишка. – Ты что, опять потерялась?

– Нет, нет! – восклицала Поллианна, пританцовывая на месте от неудержимой радости. – Я теперь не могу потеряться, потому что мне не велят выходить из сада. И еще мне не разрешают ни с кем разговаривать. Но с тобой я могу – ты же знакомый. И с ним я теперь тоже могла бы, если ты меня ему представишь! – говорила она, глядя с лучезарной улыбкой на маленького инвалида и сгорая от нетерпения.

Песочный сразу стал тормозить за плечо своего спутника.

– Слышишь, ты! Сейчас я тебя начну представлять. – И он принял важную позу. – Мадам, это мой друг, сэ́р Джеймс, лорд аллеи Мэрфи, а также... – но мальчик в кресле прервал его разглагольствования:

– Замолчи, Джерри, перестань нести вздор! – А потом он с сияющим лицом обратился к Поллианне: – Я тебя уже много раз тут видел. Я наблюдаю, как ты кормишь птичек и белок. Ты столько всего им приносишь! Ты щедра, как озерный Ланселот. Наверно, даже леди Ровена не устроила бы такого богатого пира для Джиневры.

Поллианна в недоумении глядела на обоих друзей. Пегий мальчишка несколько раз повернул коляску и поставил в прежнее положение. Потом он повернулся и зашагал прочь. Однако он успел еще обернуться и крикнуть Поллианне:

– Ты не подумай, крошка, что он сумасшедший или пьяный! Он всем своим дружкам давал имен из книг. – Продавец газет широким жестом указал на пушистых и пернатых «друзей», отовсюду стекавшихся и слетавшихся на тропинку. – Он весь свой обед отдает им, а сам питается одними книжками. Ладно, Джеймс, поздравляю с хорошим знакомством. Пока.

Поллианна глядела ему вслед, оставаясь в недоумении. Потом мальчик в коляске обратился к ней с улыбкой:

– Не обращай внимание на то, что болтает Джерри. Он может задразнить человека до слез, а потом отдаст ему последнее. Вы что, знакомы? Он не сказал мне, как тебя зовут.

– Я Поллианна Уиттиер. Я заблудилась, а он меня нашел и отвел домой.

– Да, это на него похоже. Представляешь себе, он каждый день отвозит меня сюда.

Взгляд Поллианны засветился состраданием:

– Ты совсем не можешь ходить, сэ́р Джеймс?

Мальчик весело рассмеялся:

– Сэ́р Джеймс! Джерри в своем репертуаре. Какой я сэ́р?

В глазах Поллианны отразилось разочарование:

– Не сэ́р? А что ты лорд – это он сказал неправду?

– Конечно же!

– Да? А я думала ты как маленький лорд Фаунтлерой!

Тут мальчик просиял от радости:

– Ты знаешь, кто такой маленький лорд Фаунтлерой? И знаешь про сэ́ра Ланселота, про Святой Грааль, про короля Артура, рыцарей Круглого стола, леди Ровену, Айвенго и всех других? Ты все это знаешь?

Поллианна неуверенно покачала головой:

– Боюсь, что я не знаю всех, про кого ты сказал. Это все герои книг?

Мальчик кивнул:

– Мне тут дают эти книги. Я их перечитываю по много раз. И всегда как будто читаю впервые. А некоторые книги мои собственные. Они были папины... Ну ты, плутовка! – обратился он к пушистой белочке, которая прыгнула к нему на колени и принялась шарить в кармане брюк. – Они, наверно, съедят меня, если я не принесу им обеда. Послушайте, друзья, что скажет вам ваш великодушный Ланселот!

После этих слов мальчик извлек откуда-то картонный ящичек, видимо, на потребу своим маленьким нетерпеливым питомцам. Вокруг сразу же послышалось воркование, щебетание и чирикание. Тут же были и пушистые подружки: одна белочка сидела на ветке соседнего дерева, другая на земле у ног Поллианны, а третья прыгнула на ручку инвалидного кресла.

Из ящичка были извлечены несколько орешков, маленькая булочка и пончик. На пончик он взглянул с тоской, словно ему жалко было с ним расставаться.

– Скажи, а ты что-то принесла сегодня?

– Конечно, очень много! – ответила Поллианна и раскрыла свой бумажный пакетик.

– Ну тогда я, пожалуй, и сам сегодня пообедаю! – с радостью воскликнул мальчик, убирая пончик обратно.

Поллианна, не поняв смысла его действий, весело принялась расточать собственные припасы. Банкет был в разгаре.

Какой удивительный час провела она в саду! Пожалуй, подобное она испытывала впервые в жизни, потому что ей попался собеседник, еще более разговорчивый, чем она, и, несомненно, более сведущий. Этот странный подросток знал невероятное количество разных чудесных историй о храбрых рыцарях, прекрасных дамах, сражениях и турнирах. При этом он так живо все это описывал, что Поллианна воочию представляла себе доблестные деяния, рыцарей, одетых в доспехи, дам в украшенных драгоценностями платьях и головных уборах, и даже голуби, воробьи и белочки как будто преображались в романтических героев.

Про «Женскую помощь» Поллианна и думать забыла. Даже об утешительной игре ей некогда было сегодня вспомнить. Раскрасневшаяся и сияющая, она слушала удивительные истории и не подозревала о том, как торжествует в душе он сам, получивший наконец после стольких дней одиночества и тоски достойную собеседницу и слушательницу.

Как только часы на башне пробили полдень, Поллианна побежала скорее домой и только дорогой вспомнила, что она ведь так и не спросила, как зовут этого удивительного мальчика.

– Я, правда, знаю, что он сэр Джеймс. Пока этого достаточно. А завтра я узнаю о нем все поподробнее, – успокоила она себя.

8. ДЖЕЙМИ

На следующий день мальчик не повстречался Поллианне. А через день пошел дождь, и Поллианне не разрешили идти на прогулку. Но и на третий день, хотя ярко светило солнце и она долго бродила по аллеям сада, мальчик в коляске так и не появился у нее на пути. Видимо, Джерри просто не привозил его. Лишь на четвертый день Поллианна вновь увидела его и бросилась навстречу, радостно восклицая:

– Привет! Как я рада! Что же ты не появился вчера? С тобой ничего не случилось?

– Я не смог, потому что у меня был сильный приступ! – объяснил мальчик, и Поллианна заметила, что он выглядит очень бледным.

– Приступ? Тебе было очень больно? – с сочувствием спрашивала Поллианна.

– Мне всегда больно, – ответил мальчик как-то небрежно, точно сообщая нечто само собою разумеющееся. – Но я все-таки себя обычно пересиливаю и стараюсь прожить день, как все. Но иногда бывает уж совсем скверно. Вот как вчера.

– Но как же ты выносишь такие мучения? – вырвалось у Поллианны.

– А что поделаешь? Я ведь ничего не могу изменить. Какой смысл думать о том, что было бы, если бы... Потом, чем сильнее болит, тем радостнее бывает, когда отпускает.

– Да! Это совсем как иг... – начала было Поллианна, но мальчик ее перебил.

– Ты сегодня принесла всего побольше? У меня только на тебя вся надежда. Я сегодня ничего им не смог принести. Джерри не выручил вчера даже на арахис. И ящичек мой сегодня пу-

стой.

Поллианна буквально остолбенела.

– Послушай, так это значит, что тебе и самому сегодня нечего будет поесть?

– Ну да. Да ты не тревожься. Мне не привыкать. Это не первый раз и не последний. Гляди! Вон наш Ланселот!

Но Поллианна не могла теперь любоваться белочками.

– Но дома-то у тебя есть обед?

– Нет, дома я не обедаю. Маму кормят там, где она моет и убирает, домой она редко что приносит. Вся надежда на Джерри. Если у него купят газеты, то мы с ним покупаем пирожок или пончик.

Поллианна была потрясена:

– А если он ничего не выручит, то ты голодаешь?

– Да, приходится немножко поголодать.

– Как же так? Я впервые слышу, чтобы кто-то здесь, у нас, кто-то из моих знакомых... Мы с папой одно время очень бедствовали, но все-таки у нас каждый день были печеные бобы и рыбные палочки. Но почему же нельзя обратиться ко всем этим людям, которые живут в таких домах?

– А какой смысл?

– Ну как же! Ведь они бы тебя обязательно хотя бы покормили!

Мальчик горестно усмехнулся в ответ:

– Видишь ли, детка, я совсем из другой среды. Никто из моих знакомых не ест ни ростбифов, ни тортов из морозильника. Но, с другой стороны, те, кто никогда не голодал, никогда и не поймут, до чего бывают вкусны картошка и молоко. И если бы у них завелась Книга радостей...

– Какая, какая книга?

Мальчик смутился и внезапно покраснел:

– Не обращай внимания, я про это говорил с мамзи и Джерри, а ты не знаешь.

– Но какую книгу ты имеешь в виду? – не отставала Поллианна. – Пожалуйста, расскажи. Это опять про рыцарей, лордов, дам?

Он покачал головой. Глаза его уже не светились прежним весельем. Вид у него стал мрачный и недоверчивый.

– Нет... Если бы так! – печально вздохнул мальчик. – Когда ты не можешь даже ходить, то тем более не можешь ни сражаться, ни завоевывать трофеи, ни обнажать меч за честь прекрасной дамы, ни получать от королей награды из чистого золота. – В его глазах снова зажегся огонь. Он вскинул голову, как будто услышал зов военной трубы или охотничьего рожка. Но вспыхнувший было огонь погас, и мальчик опять погрузился в какие-то свои невеселые мысли. – Тогда остается только сидеть и думать. И иногда приходят ужасные мысли. Это когда я обдумываю свою жизнь. Я хотел бы пойти в школу и там научиться разным вещам, которым не может научить меня мамзи. И я думаю про это. Я хотел бы бегать и играть в мяч с другими мальчишками. Про это я тоже все время думаю. Я хотел бы бегать по улице с газетами, как Джерри. Я и об этом частенько думаю. Я не хотел бы быть ни для кого обузой. И это тоже не выходит у меня из головы.

– Я понимаю, я все это понимаю, – выпалила Поллианна, и глаза у нее засверкали. – Я тоже долго была неподвижной, и почти все считали, что я никогда не буду ходить.

– Правда? Значит, ты можешь понять, каково мне. Но ты вот пошла, а мне, как видно, не суждено, – вздохнул мальчик, впадая уже в совершенное уныние.

– Но ты мне все еще не рассказал про книгу радостей, – напомнила Поллианна, стараясь во что бы то ни стало увести его от невеселых раздумий.

Мальчик застенчиво улыбнулся, как будто почувствовав себя пристыженным.

– Видишь ли, эта книга, наверно, никому не интересна, кроме меня. Ты бы даже не дочитала ее до конца – бросила бы. Я начал ее в прошлом году. У меня был какой-то отвратительный день. Ничего не получалось, все валилось из рук. Я был сердитый, ездил без конца из угла в угол на своей коляске. А потом я стал рыться в папиных книгах. И вот в одной книге мне бросились в

глаза такие стихи:

Отыщешь радость, где и не чаял ты.
Есть не только листки, что с ветвей летят,
Но есть листки, что и радость в себе таят.

Он, этот поэт, имел в виду не только листки отрывного календаря, но и дни нашей жизни! Я так был благодарен ему за то, что он это написал! И вот я решил, что буду отыскивать какую-нибудь радость в каждом своем дне. Однажды Джерри нашел в метро маленькую красивую записную книжку, она была совершенно новая, и он мне ее подарил. И вот я решил записывать в ней радости каждого моего дня. Хочешь, я тебе покажу, сколько я за один год накопил радостей?

– Да, да! – закричала Поллианна; ей в самом деле не терпелось это увидеть.

– Знаешь, я думал, в книжке будет совсем не много записей, а их тут смотри сколько! Если я хоть немножечко чему-то радовался, то это уже попадало в книжку. И самая первая радость та, что мне эту книжку подарили и я стал в ней писать. Потом я еще получал разные подарки, знакомился с людьми – и все это попадало сюда. А Джерри придумал всему этому название и написал на обложке: «Книга радостей». Вот, в общем, и все!

– Как здорово! – Поллианна восторгалась и в то же время недоумевала. Он ведь, оказывается, тоже играет в утешительную игру и сам об этом не подозревает! – Ведь ты же играешь в игру, которую придумал мой папа. Мы с тобой оба в это играем, но только ты играешь гораздо лучше. Я бы, наверно, вообще бросила играть, если бы я голодала и не научилась опять ходить.

– Ты говоришь – игра. Что за игра? Расскажи про нее.

Поллианна захлопала в ладоши:

– Да, я понимаю. Мы с тобой независимо друг от друга пришли к одному и тому же. И это так удивительно! Давай я тебе подробно расскажу про мою игру.

– Да! Это просто какое-то чудо! – воскликнул мальчик, выслушав ее рассказ.

– Ты тот человек, который играет в мою игру лучше всех, кого я знаю, а мне даже неизвестно до сих пор, как тебя зовут! – восклицала в нетерпении Поллианна. – Я все хочу знать о тебе, все!

– Чем же я могу быть тебе интересен? – пожал плечами мальчик. – Смотри, сэр Ланселот негодует: мы совсем про него забыли. Он хочет обедать!

– Бедняжки мои, сейчас вам все будет! – обратилась Поллианна к маленьким прыгуньям и летуньям. – И она высыпала из бумажной сумочки все ее содержимое. – Ну вот, теперь они сыты, а мы можем продолжить наш разговор. Мне так много надо о тебе узнать! Во-первых, скажи, как тебя зовут. Я только знаю пока, что ты не сэр Джеймс.

Мальчик улыбнулся:

– Нет, это просто меня так прозвал Джерри. А мамзи и все другие называют меня Джейми.

– Джейми? – Поллианна с трудом перевела дыхание. – Безумная надежда проснулась в ней, тут же уступив место тягостному сомнению.

– Мамзи – это ведь значит мама?

– Ну, разумеется.

Поллианна разочарованно вздохнула. Итак, у этого Джейми есть мама, а значит, он не может быть тем Джейми, о котором говорила миссис Кэрю. Ведь та «мамзи» давно умерла. Ну ничего, все равно он интересный человек.

– А где ты живешь? – продолжала допрашивать она. – И, кроме мамы и Джерри, есть ли у тебя еще родные? С каких пор ты стал проводить время в этом саду? И где твоя Книга радостей? Можно мне ее немного полистать? И скажи еще, что говорят твои врачи? Ты будешь опять ходить? И кто тебе покупал эту коляску?

Мальчик снова пришел в хорошее настроение:

– Скажи на милость, как я могу ответить сразу на столько вопросов? Пожалуй, я пойду от конца к началу. Если я что-то пропущу, ты мне напони. Кресло у меня появилось только в прошлом году. Джерри знает кого-то, кто пишет для газет, и вот в газете однажды про меня

напечатали – что я не могу ходить и о Книге радостей. И чуть ли не в день публикации ко мне пришли сразу много мужчин и женщин и ввели это кресло. Им хотелось, чтобы я запомнил все их имена.

– Представляю себе, как ты тогда радовался.

– Да еще бы! Я целую страницу своей Книги посвятил этому креслу.

– А вдруг ты еще будешь ходить? – спросила Поллианна, и в глазах у нее засверкали слезы.

– Вряд ли. Все считают, что нет.

– Но ведь и мне так говорили. А потом меня стал лечить доктор Эймз, и я через год стала ходить. Давай напишем ему о тебе!

Мальчик покачал головой.

– Ничего из этого не выйдет. Он ведь очень дорогой доктор. Я уже примирился с тем, что никогда не встану на ноги. И хватит об этом. Будет. – Он нервно съежился. – Я стараюсь про это не думать. Когда начинаешь слишком надеяться, то раскисаешь.

– Да, наверно, ты прав. Ты ведь лучше меня играешь в игру – и продолжай играть!.. Но ты пока ответил только на половину моих вопросов. Где ты живешь? И потом, Джерри твой единственный брат или еще есть братья и сестры?

Мальчик опять погрузился:

– У меня на самом деле никого нет из родных. Джерри мне не брат. И мамзи тоже на самом деле мне не мама. Просто они необыкновенно добрые люди.

– Но где же твоя настоящая мама?

– Я не помню ее. Совсем не помню. А папа умер шесть лет назад.

– Сколько тебе было тогда лет?

– Не знаю. Я был еще маленький. Мамзи говорит, что, когда она меня взяла к себе, мне было лет шесть.

– И тебя зовут Джейми? – взволнованно прошептала Поллианна.

– Я же тебе сказал.

– А фамилия? – со страхом и надеждой спрашивала девочка.

– Я не знаю.

– Не знаешь?

– Не помню. Я же был маленький. Даже Мэрфи этого не помнят. Они знают меня только как Джейми.

Вначале на лице девочки отобразилось разочарование, но вдруг она просияла, словно какая-то счастливая догадка осенила ее.

– Ну хорошо, ты забыл свою фамилию. Но ты ведь определенно знаешь, что ты не Кент?

– Кент? – изумился мальчик.

– Да, – возбужденно стала объяснять Поллианна. – Понимаешь, был такой мальчик Джейми Кент. – Тут она вдруг закусил губу и умолкла. Лучше пока не вселять в него никаких надежд. Сначала она должна навести справки, иначе она опечалит его, а не обрадует. Поллианна припомнила, как дважды опечалила Джимми Бина – в первый раз, когда объяснила ему, что «Женская помощь» не примет в нем участие, а потом еще когда в первый раз мистер Пендлтон отказался его приютить, и Поллианна передала это Джимми. Но в третий раз она не допустит такой ошибки. Надо до поры до времени не обращаться к этому щекотливому предмету.

– Бог с ним, с Джейми Кентом. Давай опять говорить о тебе. Это так интересно!

– Что же обо мне говорить. Про папу мне так никто ничего и не мог толком рассказать. Даже и его фамилию никто не знает. Все его называют профессором. Мамзи говорит, что мы жили в боковой комнатке на верхнем этаже того дома, где жили и они. Они и тогда были бедные, но не так, как сейчас. Тогда еще папа Джерри был жив, у него была работа.

– Да, да, продолжай!

– Мамзи говорит, что мой папа стал болеть, ему с каждым днем делалось все хуже. Они еще при его жизни забрали меня к себе. Тогда я еще ходил, но у меня уже болели ноги. Я играл с Джерри и еще с маленькой девочкой, она потом умерла. И чуть ли не в один день с этой девочкой умер мой папа, так что меня взяли на ее место. Я потом тяжело заболел, а папа Джерри тоже

заболел и вскоре умер. Они теперь живут страшно бедно, но они меня не бросили!

– Да! – воскликнула Поллианна. – И они за это обязательно получают награду. Я уверена! – Поллианна вся трепетала от восхищения. У нее уже не оставалось никаких сомнений в том, что она отыскала потерянного Джейми. Но пока она ему ничего не скажет. Сперва миссис Кэрю должна увидеть его. И тогда... Тогда! Она даже не могла вообразить, что будет, когда миссис Кэрю соединится вновь со своим любимцем.

Она вскочила на ноги, потому что сэр Ланселот защекотал ее носиком, ища в кармане орешки.

– Мне пора, но я завтра приду. И еще я, может быть, приведу с собой одну леди, с которой тебе интересно будет поговорить. Ты ведь завтра здесь будешь?

– Да, наверно. Джерри привозит меня сюда каждое утро. Я захвачу с собой свой обед и мы с тобой побудем до четырех. А тогда Джерри вернется за мной.

– Да, да! И, может быть, ты завтра кого-то увидишь, кого тебе приятно будет увидеть! – Сделав это таинственное заявление, Поллианна, удовлетворенная, пошла домой.

9. ПЛАНЫ И ЗАГОВОРЫ

Но дороге домой Поллианна обдумывала дальнейший план действий. Завтра надо каким-то образом уговорить миссис Кэрю, чтобы она пошла с ней на прогулку в Общественный сад. Пока непонятно, как можно это устроить, но Поллианна обязательно это устроит.

Просто говорить миссис Кэрю, что нашелся ее Джейми, конечно, нельзя. Все-таки может оказаться, хоть это и маловероятно, что мальчик – не ее Джейми. И тогда она обманется в своих надеждах и снова будет угрюмой и замкнутой, как вначале. Мэри говорила, что когда миссис Кэрю показали одного мальчика, говоря, что это Джейми, а он оказался совсем не похож на ее племянника, то после этого бедная женщина долго и тяжело болела. Поэтому Поллианне не следует говорить, зачем она приглашает миссис Кэрю на прогулку в сад. Но девочка была уверена, что удастся придумать какой-то ход, и летела домой на крыльях.

Судьба, однако, опять вмешалась, приняв образ затяжного дождя, и Поллианна, едва выглянув на улицу, поняла, что никакая прогулка в саду сегодня невозможна. Хуже того, облака не захотели рассеяться ни на другой, ни на третий день, и все три вечера девочка переходила от окна к окну, вглядываясь в тучи и умоляя каждую из них поскорее уйти с горизонта.

Такое необычное поведение отнюдь не глубокомысленной девчушки насторожило миссис Кэрю.

– Объясни, ради бога, что происходит. Неужели в плохую погоду тебе нечем себя занять. Вспомни хотя бы свою утешительную игру.

Поллианна покраснела, весь ее вид выражал крайнюю растерянность:

– Да, моя дорогая миссис Кэрю, пожалуй, теперь я забыла даже про игру. У меня просто нет материала для игры. Я должна поохотиться за ним, понимаете? Конечно, я могла бы утешиться, например, словами Господа о том, что нового потопа не будет. Но все равно такая погода сегодня меня не устраивает.

– Именно сегодня?

– Да, я так сегодня была настроена погулять в Общественном саду! – Поллианна старалась избегать разговора о конкретных вещах. – Я даже задумала, что мы с вами сегодня отправимся туда вдвоем.

Внешне Поллианна старалась выглядеть спокойной. Но на самом деле она была в сильном возбуждении, даже в смятении.

– Чтобы я пошла в сад? – спросила миссис Кэрю, напрягая складки на лбу. – Спасибо, но это вряд ли.

– Нет, я прошу, не надо отказываться. – Поллианна была почти в панике. – Просто есть особая причина, почему я должна повести вас туда. Это будет только один раз.

Миссис Кэрю поморщилась, собираясь сказать еще более веское «нет», но и теперь она не могла устоять перед умоляющим взглядом Поллианны.

– Хорошо, так и быть, я пойду с тобой. Только, пожалуйста, отойди от окна и перестань беседовать с тучами.

И как только они дали друг другу обещание, в окно проглянул первый солнечный лучик.

– Ну вот, тучи меня послушались! – закричала Поллианна, выбегая из комнаты.

Наутро небо прояснилось, но в то же время и резко похолодало, а к вечеру, когда Поллианна возвратилась из школы, поднялся сильный ветер. Но, несмотря на все протесты миссис Кэрю, Поллианна уговорила ее пойти с ней в сад.

Как и следовало ожидать, прогулка не дала никакого результата. Из обычных посетителей Поллианна встретила только щепетильную няню со своей подопечной. Но мальчика не было в том месте, где они обычно встречались и вели беседы. Не было его и в других уголках сада. Что же она скажет теперь миссис Кэрю, которая уже замерзла, покашливает и требует, чтобы они возвращались домой? И Поллианне пришлось подчиниться.

Началось печальное время. То, что для миссис Кэрю было обыкновенным дождем, Поллианне рисовалось поистине вторым потопом. Потянулась череда сырых, унылых, холодных, беспросветных дней. На смену морозящим дождям пришли настоящие ливни. Когда изредка проглядывало солнце, Поллианна сразу бежала в сад. Но ни разу она не встретила Джейми. Было уже начало ноября, и сад выглядел теперь темным и безрадостным. Деревья оголились, лодки

были убраны с причала. Правда, белочки и голуби продолжали веселить редких посетителей, и воробьи были все так же прожорливы и бойки, но теперь кормить их было скорее грустно, чем радостно, и пушистый хвостик сэра Ланселота каждым своим взмахом напоминал ей про мальчика, придумавшего белке это имя. Он больше не появлялся в саду.

– Как же я могла не спросить, где он живет! – сокрушалась Поллианна, и отчаяние ее с каждым днем росло. – Как я могла! Ведь это же он, Джейми. У меня нет уже никаких сомнений, что он и есть тот Джейми! И вот я до самой весны не увижу его. А вдруг с ним что-то случится до тех пор? Да и я уже буду жить не в Бостоне, а в Белдингсвиле. А ведь это тот самый Джейми!

И вот в один из мрачных ноябрьских вечеров произошло непредвиденное. Поллианна, проходя через верхний зал, услышала внизу сердитые голоса, из которых один принадлежал Мэри, а другой тоже как будто был ей знаком.

– Да никогда в жизни! Я сроду не попрошайничал! Впустите меня, я должен видеть Поллианну. У меня для нее записка от сэра Джеймса. Если хотите, порвите ее, но скажите ей, что я тут был.

Радостно вскрикнув, Поллианна сбежала вниз.

– Я тут, смотри, я тут! – Она споткнулась на последней ступеньке и едва не упала. – Что случилось? Тебя прислал Джейми?

Она в порыве восторга готова была уже броситься на шею Джерри, но испуганная Мэри встала между ними.

– Мисс Поллианна! Мисс Поллианна, когда вы успели познакомиться с этим попрошайкой?

Мальчик покраснел от гнева, но прежде чем он успел заговорить, Поллианна храбро бросилась ему на защиту:

– Он никакой не попрошайка. Это один из моих самых лучших друзей! Он выручил меня из беды. Помнишь, это он привел меня сюда, когда я заблудилась. – Потом она нетерпеливо обратилась с расспросами к Джерри: – Так, значит, тебя прислал Джейми?

– Ну а кто же! Его здорово скрутило месяц назад. Только теперь отошел.

– Господи, я ничего не понимаю.

– Ну скрутило... Слег в постель. Болеет. И хочет тебя видеть.

– Болеет! Ой, как это грустно. Я непременно с тобой пойду. Только подожди, я надену пальто и шляпку.

– Мисс Поллианна! – возмущенно воскликнула Мэри. – Неужели миссис Кэрю тебя отпустит с подобным кавалером?

– Перестань его обижать. Он очень хороший человек. Я очень давно знаю и его, и другого мальчика, который заболел. Я должна пойти.

– Что все это значит? – ледяным тоном вопрошала уже миссис Кэрю, выглядывая из прихожей. – Поллианна, что это за мальчик? Что он тут делает?

– Миссис Кэрю! Вы ведь меня отпустите, да?

– Это куда же?

– Она пойдет навестить моего брата, мэм, – вставил Джерри торопливо, но стараясь быть как можно более вежливым. – Он, понимаете, калека, совсем не ходит. И вот он не отставал от меня с просьбой, чтобы я ее к нам привел, – он показал пальцем на Поллианну, и это вышло очень смешно и неуклюже. – Он на нее только взглянет – и все.

– Вы же меня отпустите, да? – умоляла Поллианна.

– Отпустить тебя одну вот с этим мальчиком? Нет, это невозможно. Это было бы просто безумие!

– Да, пожалуй, я попросила бы, чтобы и ты пошла с нами.

– Еще этого не доставало! – Миссис Кэрю едва не расхохоталась. – Если хочешь, давай мы передадим деньги этому больному, но...

– Спасибо, мэм, я пришел сюда не за деньгами, – с нескрываемым гневом проговорил Джерри. – Я пришел за мисс Поллианной.

– Да, миссис Кэрю, я ведь не успела вас познакомить. Моего друга зовут Джерри Мэрфи,

и вы, между прочим, уже его видели у вас в доме.

– У меня в доме?

– Да! Вы не узнали его? Это же тот самый мальчик, который привел меня, когда я потерялась. Теперь вы меня отпустите?

– Об этом не может быть речи.

– Но ведь там другой мальчик, он очень болен и хочет меня увидеть!

– Жаль, но я ничем не могу помочь.

– Я же давно подружилась с тем мальчиком. Он читает замечательные книги, про лордов, рыцарей, прекрасных женщин... Он кормит в аллее птичек и белочек, причем он дает им имена. А сам он при этом иногда голодает по много дней, – задыхаясь, рассказывала Поллианна. – И, представляешь себе, он уже давно играет в мою счастливую игру, даже не зная, что это моя игра! Причем он играет в нее намного лучше, чем я. И вот все эти последние дни я ради него бегала в парк. И мне, честное слово, совершенно необходимо с ним повидаться! Иначе я могу снова надолго его потерять.

Миссис Кэрю была уже не на шутку рассержена:

– Поллианна, это все какая-то чепуха! Ты меня удивляешь. Ты требуешь, чтобы я тебе разрешила сделать то, к чему я отношусь без одобрения, и ты это знаешь. Я не отпущу тебя с этим мальчиком. И кончим этот разговор.

– Что ж, тогда я должна вам все сказать. Я не хотела вам говорить сразу, я хотела, чтобы вы сперва увидели его. Но теперь мне ничего не остается, как... Иначе мы его потеряем. Я думаю, миссис Кэри, что это Джейми.

– Джейми? Как? Мой Джейми? – Она страшно побледнела. – Да!

– Нет, это невозможно.

– Да, это удивительно, но вот, послушайте. Его все зовут Джейми. Своей настоящей фамилии он не знает. Его папа умер, когда ему было шесть лет, и он смутно его помнит, а маму не помнит совсем. Ему примерно двенадцать лет. Его взяли к себе одни добрые бедные люди. А отец его был, как все говорят, чудак, нелюдим и даже никому не представлялся. Поэтому люди даже не запомнили, как его звали...

Миссис Кэрю сделала знак, чтобы Поллианна замолчала. Она теперь была еще бледнее, чем прежде, а глаза горели огнем.

– Мы сейчас же поедem, – сказала она. – Мэри, вели Перкинсу немедленно приготовить машину. Поллианна, пойди надень пальто и шляпку. А ты, мальчик, подожди пока тут. Мы будем готовы через пять минут.

– Ну вот так-то лучше. Не надо таскать Поллианну по этим чертовым трамваям. И сама госпожа с нами едет. Интересно, что скажет сэр Джеймс? – вслух размышлял Джерри.

10. В ПЕРЕУЛКЕ У МЭРФИ

С характерным мурлычущим рокотом, по которому знаток сразу может отличить лимузин от других автомобилей, машина миссис Кэрю повернула с Федеративной авеню на Арлингтон-стрит, а потом на улицу Чарльза. В кабине сидели девочка со светящимся взглядом и еще молодая женщина, напряженная и бледная. Снаружи рядом с шофером ехал Джерри, показывавший дорогу с невероятно гордым и важным видом.

Когда лимузин остановился возле обшарпанных ворот перед въездом в узкий и грязный переулок, мальчик спрыгнул на землю и, смешно подражая роскошным метрдотелям в ливреях, которых ему нередко приходилось наблюдать, распахнул дверцу навстречу миссис Кэрю и Поллианне.

Как только Поллианна вышла и огляделась, личико ее скривилось в гримасу. Все, что она увидела здесь, явно пришлось ей не по душе. А миссис Кэрю просто передернуло от вида грязи, убожества и одетых в лохмотья детишек, которые с криком высыпали из домов и в мгновение ока окружили машину.

Джерри сердито замахал на них рукой: – Идите отсюда! Тут вам не бесплатная киношка. Дайте нам дорогу. Это гости Джейми!

Миссис Кэрю вновь содрогнулась и положила руку на плечо Джерри.

– Я не могу здесь! – простонала она.

Но маленький газетчик не слышал ее слов, так как он в это время пытался растолкать лок-

тями жильцов дома, и миссис Кэрю даже не заметила, как оказалась вместе с Поллианной у выщербленного лестничного пролета в темной вонючей прихожей.

– Погодите! – властным тоном обратилась она к Поллианне и Джерри. – Вы ни в коем случае не должны ему говорить, что он, возможно, тот мальчик, которого я разыскиваю. Я сама должна его повидать и расспросить.

– Конечно! – согласилась Поллианна.

– Я вам не стану мешать, провожу, а сам уйду, – вставил Джерри. – Вы только будьте осторожны тут на ступеньках. Можно попасть каблуком в дырку или наступить на спящего малыша. Тут это запросто. К тому же сегодня как назло и лифт не работает. Придется топать, ничего не поделаешь!

И в самом деле, каблук миссис Кэрю застрял в сломанной доске, а потом она чуть не наступила на двухлетнего малыша, который катал пустую консервную банку по ступенькам между первым и вторым этажами. Двери все сплошь были либо слегка приоткрыты, либо распахнуты настежь. В комнатах всюду можно было увидеть непричесанных женщин, в одном исподнем белье, и детишки были под стать матерям – неопрятные и взъерошенные. Какой-то малыш жалобно хныкал. На следующем этаже мужчина посылал проклятья в чей-то адрес. И везде пахло скверным виски, прокисшей капустой и потным человеческим телом.

Наконец, они пришли на третий, самый верхний этаж и остановились перед закрытой дверью.

– Сэр Джейми всегда бурно выражает свою радость. Помню, я принес ему подарок в обертке, так что с ним было! Мамзи думала, что я его зашекотал. – Джерри распахнул дверь. – А вот и мы. Ну и натолкались мы в этом чертовом трамвае!

Комнатка была маленькой, холодной, неудобной, почти не обставленной, но тщательно убранной. Ни растрепанных мамаш, ни взъерошенных детей, ни виски, ни капусты, ни пота. Вся обстановка состояла из двух кроватей, трех поломанных стульев, кухонного стола и печурки, слабый огонек которой не мог согреть даже это крошечное помещение. На одной кровати лежал подросток с пылающим лицом и возбужденно горящими глазами. Возле него сидела хрупкая, бледная, с ревматическими суставами женщина.

Миссис Кэрю, пройдя в комнатку, прислонилась к стене, чтобы перевести дыхание. Поллианна с восторженным возгласом кинулась к больному, а Джерри вежливо попрощался и удалился.

– Ой, Джейми, как я рада, что ты наконец нашелся! – восклицала девочка. – Ты даже не представляешь себе, сколько дней я тебя разыскивала! Только очень жаль, что ты болен.

Джейми ласково улыбнулся и протянул Поллианне худую незагорелую руку.

– А я не жалею – я рад, – многозначительно ответил он, – потому что благодаря этому ты пришла меня навестить. И потом мне уже лучше. Мамзи, познакомься, это та самая девочка, которая мне рассказала про игру в радости. Мамзи теперь тоже играет! – сообщил он Поллианне. – У нее от работы очень болит спина, поэтому она может радоваться моей болезни – ее на это время освободили от работы.

Тем временем миссис Кэрю подошла ближе, со страхом и надеждой всматриваясь в лицо разбитого параличом мальчика.

– Это миссис Кэрю, я привела ее к тебе, Джейми, – представила Поллианна дрожащим голосом.

Хрупкая женщина с трудом поднялась на ноги, уступая миссис Кэрю свой стул. Та машинально села, не говоря ни слова. Она неотрывно смотрела на Джейми.

– Тебя зовут Джейми? – выдавила она с трудом.

– Да, мэм! – Он ласково заглянул ей в глаза.

– А как твоя фамилия?

– Не знаю.

– Он не ваш сын? – обратилась она наконец к маленькой женщине, которая стояла возле кровати больного.

– Нет, мадам.

– И вы тоже не знаете его полного имени?

– Нет, мадам. Я никогда его не знала.

Сделав отчаянный жест, миссис Кэрю опять обратилась к мальчику:

– Ну попытайся вспомнить, не называл ли тебя кто-нибудь не Джейми, а по-другому.

Мальчик покачал головой, но по лицу его было заметно, что он напряженно думает, пытается припомнить.

– Нет, никто меня не звал по-другому.

– Нет ли здесь чего-то, что принадлежало твоему папе и, может быть, им подписано. Или его письма?

– Мы ничего не сохранили, за исключением его книг, – вставила миссис Мэрфи. – Может быть, вы захотели бы на них взглянуть? – Она указала на ряд потрепанных книг на полке. Потом она невольно полюбопытствовала: – Вам кажется, что вы знали его отца?

– Я не уверена, – сдавленным голосом прошептала миссис Кэрю, потом встала и подошла к книжной полке.

Там было всего десять или двенадцать книг: драмы Шекспира, иллюстрированное издание «Озерной девы», антология стихов, Теннисон с оторванным переплетом, обветшалый «Маленький лорд Фаунтлерой», несколько книг по истории древности и Средних веков. Миссис Кэрю листала и перелистывала каждую из книг, но ни на форзацах, ни на полях не отыскалось ни одной надписи. Тогда она с отчаянным вздохом вновь обратилась к мальчику и женщине, все это время нетерпеливо наблюдавшими за ней.

– Я бы хотела, чтобы вы поподробнее рассказали о себе – вы оба, – сказала она, вновь присаживаясь на стул перед кроватью.

Они стали рассказывать, но это было все то же самое, что слышала от Джейми Поллианна в Общественном саду. Миссис Кэрю задавала много наводящих вопросов, но не услышала ничего нового или важного.

– Вы думаете, что знали отца? – спросил теперь Джейми. Миссис Кэрю закрыла глаза и обхватила ладонью лоб.

– Ничего не могу тебе сказать, – ответила она. – Вероятно, нет.

У Поллианны вырвался горестный взглас, но она тут же умолкла, покорная строгому взгляду миссис Кэрю. Почти с ужасом она стала рассматривать тесную комнатку.

Джейми, отведя взгляд от миссис Кэрю, вспомнил о том, что ему надо занять гостей.

– Как здорово, что ты пришла, – исполненный признательности, обратился он к Поллианне. – Как там сэр Ланселот? Ты кормила его все эти дни, да? – Девочка не отвечала, и тогда он показал глазами на что-то розовеющее на подоконнике в бутылке с отбитым горлышком. – Видишь, какой букет. Это Джерри нашел. Кто-то его бросил, а Джерри подобрал. Красивый, правда? И пахнет приятно.

Но Поллианна как будто не разбирала его слов. Она продолжала оглядывать комнату, нервно сжимая и разжимая руки.

– Как ты можешь, живя здесь, играть в радостную игру? Я еще не видела такого ужасного места! – Ее просто передергивало от негодования.

– Ну разве тут так уж плохо? Ты бы посмотрела, что делается на нижнем этаже у Пайков! В тысячу раз хуже! А здесь столько хороших вещей. Два часа в день в окнах бывает солнце, а иногда видишь из них большой кусок голубого неба. Главное, чтобы только нам удалось сохранить за собой эту комнату.

– Сохранить?

– Ну да. Мы задолжали немного, – голос Джейми стал грустным, когда он заговорил об этом. – На этот раз, правда, нас выручила мисс Доулан. Это та дама, у которой я оставляю кресло. Но она тоже не всегда может. Так что вся надежда на Джерри. Если он не разбогатеет – придется съезжать.

– А не можем ли мы... – начала было Поллианна.

Но в этот момент миссис Кэрю встала со стула и поспешно заговорила:

– Пойдем, Поллианна. Нам пора. – Потом она повернулась к женщине: – Я обещаю вам,

что вы не съедете. Я теперь же пришлю вам деньги и еду. И потом я поставлю вопрос о вас в какой-нибудь из благотворительных организаций – я имею к этому отношение...

Она не успела закончить фразу, как вдруг маленькая женщина вздрогнула и резко выпрямилась, насколько позволяла ее сутулость. Лицо миссис Мэрфи буквально пылало, а глаза пламенили.

– Спасибо, миссис Кэрю, ничего не надо, – она говорила взволнованно, но гордо. – Богу известно, что мы бедные люди. Но мы все же не состоим на попечении у благотворительных обществ.

– Ну это вздор, – повысила на нее голос миссис Кэрю. – Мальчик только сейчас сказал, что вы задолжали женщине на нижнем этаже.

– Это правда, – все так же взволнованно спорила миссис Мэрфи, – но это не имеет отношения к благотворительности. Миссис Доулан – наш друг. Она знает, что при случае и я смогу ее так же выручить. Помощь друга – это не подачки от благотворительных организаций. Благотворительность – это обида и унижение. Спасибо вам, но мы не можем принять ваших денег.

Миссис Кэрю совсем спала с лица. Она была разочарована, опустошена, ее надежды были разбиты. Она была раздражена и крайне озадачена.

– Хорошо, пусть все будет, как вы скажете, – холодно заключила она, а потом гневно добавила: – Но почему вам хотя бы не пойти к домовладельцу и не попросить, чтобы он тут все обустроил? За что вы ему платите? За пробоины в окнах, забытые газетами и тряпьем? За лестницу, на которой можно попросту убиться?

Лицо женщины вновь приняло смиренное выражение.

– Мы пытались, но безрезультатно. Нас допустили только к агенту, а он сказал, что за ремонт мы должны платить дополнительно.

– Какой вздор! – выкрикнула миссис Кэрю, нашедшая наконец выход своему гневу. – Это позор! Это в конце концов просто беззаконие. Эти ваши лестницы! Я подам на него в суд, и он понесет наказание! Как зовут агента и кто владелец этих чудесных апартаментов?

– Кто владелец, нам не говорят. А вот агента зовут мистер Доудж.

– Вы сказали – Доудж? Это не Генри Доудж?

– Да, мадам. Его, кажется, зовут Генри.

Краска выступила на щеках миссис Кэрю, а потом она побледнела еще больше, чем прежде.

– Хорошо, я займусь этим, – сухо проговорила она. – Нам пора, Поллианна.

Джейми едва удержался от слез, прощаясь с ней.

– Но я вернусь! Непременно! – пообещала она, уходя следом за миссис Кэрю.

Они сошли с третьего этажа и с трудом протиснулись сквозь толпу галдящих и жестикулирующих мужчин, женщин и детей, окруживших вконец растерявшегося Перкинса и его лимузин. Едва только шофер захлопнул за ними дверцу, как Поллианна умоляющим голосом проговорила:

– Дорогая миссис Кэрю, ну, пожалуйста, признайтесь, что это ваш Джейми. Как было бы здорово, если бы он оказался тем Джейми!

– Нет, он другой Джейми, не мой.

– Вы совершенно уверены?

После минутной паузы миссис Кэрю закрыла лицо руками:

– В том-то все и дело, что я не могу быть уверенной до конца. Как будто бы это не он, это не может быть он. Но порой появляется сомнение, и это меня убивает.

– Ну а почему бы вам не согласиться с тем, что он и есть ваш Джейми? Дать ему как бы роль вашего Джейми? Потом вы взяли бы его к себе домой...

– Что? – в гневе перебила ее миссис Кэрю. – Взять его к себе домой, зная, что он не Джейми! Нет, Поллианна, никогда в жизни!

– Но если вы пока не нашли Джейми и ничем не можете ему помочь, то разве отчасти не утешительно помочь другому? – взволнованно настаивала на своем Поллианна. – Если ваш Джейми сейчас беден и болен, разве вам не хотелось бы, чтобы о нем кто-то заботился?

– Нет, нет, Поллианна, – миссис Кэрю зарыдала в ответ, – если бы мне сказали, что мой

Джейми в таком же положении...

Она не могла договорить, потому что ее душили слезы.

– Но ведь я права! – торжествующе воскликнула Поллианна. – Если это ваш Джейми, то счастье, что он нашелся, а если нет, то ведь вы не причините зла вашему Джейми тем, что позаботились о другом мальчике. А потом, если вы найдете настоящего Джейми, то у вас будет два воспитанника, как бы даже два сына... Во всяком случае, вы сделаете счастливыми двух людей вместо одного!

– Поллианна, не говори мне больше ничего. Я хочу подумать. Понимаешь, мне надо подумать.

Какое-то время Поллианна молчала, наблюдая за тем, как меняется выражение лица у миссис Кэрю. Но вскоре она не выдержала и возобновила разговор:

– Ведь правда мы были в совершенно ужасном месте? Вот бы этому домовладельцу пожить самому в этом переулке. Интересно, каково бы ему было?

Миссис Кэрю вздрогнула и сразу переменилась в лице. – Она как будто бы загоразивалась рукой от слов Поллианны.

– Нет, она скорее всего ничего не знала. Она просто не видела, что она приобрела во владение. Но теперь все выяснилось. Теперь выяснилось.

– Так это женщина? И вы ее знаете? И даже знаете ее агента?

– Да, – едва слышно проговорила миссис Кэрю, потупив взгляд. – Я знаю и ее, и ее агента.

– Ой, как я рада! – вздохнула Поллианна. – Теперь все будет в порядке!

– Да, теперь кое в чем можно будет помочь этим бедным жильцам, – уклончиво ответила миссис Кэрю, в то время как Перкинс останавливал лимузин у ее подъезда.

Миссис Кэрю не смогла признаться Поллианне в том, что дома в переулке Мэрфи недавно стали ее собственностью. Однако перед сном она успела написать письмо Генри Доуджу, требуя, чтобы он срочно принял меры и занялся ремонтом в жилых домах, во владение которыми она вступила. Промелькнуло и несколько резких выражений о тряпье вместо оконных стекол и лестнице, на которой можно убиться.

Прочитав это, он не преминул выругаться про себя, но в то же время испугался не на шутку.

11. СЮРПРИЗ ДЛЯ МИССИС КЭРЮ

За ремонт взялись всерьез, и когда он был близок к завершению, миссис Кэрю решила про себя, что она выполнила свой долг и здесь можно поставить точку. Обо всем этом следует просто забыть. Этот мальчик не Джейми, просто невозможно, чтобы это был он. Может ли быть, чтобы жизнь возвратила ей ее дитя немощным и изувеченным? Нет. Надо выкинуть из головы такие мысли.

Но забыть это не удавалось. Темная комнатуха и задумчивое лицо мальчика неотступно стояли у нее перед глазами. И она задавала себе без конца один и тот же мучительный вопрос: «А если это все-таки Джейми?» И во все это оказалась замешана Поллианна. Еще можно было отделаться от нее, когда она проповедовала и вопрошала, но как отстраниться от этих глаз, полных мольбы и укора? Уже дважды миссис Кэрю навещала больного мальчика, и ей казалось, что следующий визит обязательно откроет ей истину. Что-то такое будет увидено или сказано, по чему она поймет, что этот мальчик – не ее Джейми. Уже в присутствии мальчика она решительно сказала, что он не имеет к ней отношения, но вопросы продолжали возникать и возникать. Наконец, загнанная в тупик, она решила сесть и написать обо всем Делле. Подробно изложив всю историю своего знакомства с мальчиком, она продолжала:

Наверно, я напрасно навешиваю на тебя свои заботы и напрасно питаю какие-то надежды. Я как будто бы минуту назад была совершенно уверена, а сейчас моя уве-

ренность поколебалась. Вот почему я зову тебя сюда. Ты должна тоже на него взглянуть.

О, как мне хочется услышать, что ты скажешь! Конечно, мы помним только четырехлетнего Джейми, а теперь, если он жив, то ему исполнилось двенадцать лет. Судя по всему, этому мальчику тоже двенадцать лет, хотя он даже не знает дня своего рождения. Глаза и волосы у него чуть темнее, чем были у Джейми, но ведь с возрастом это обычно меняется. Он калека, но не от рождения. В шесть лет он упал, и сперва сильно хромал, а потом и вовсе потерял способность ходить. Его отца никто не может описать сколько-нибудь подробно. Но в том, что я узнала, есть общее с характером мужа нашей бедной Дорис. В доме его звали «профессором», он слыл чудаком, и всю его собственность составляли только книги. В чем-то и Джон Кент был именно таким – чудаковатым, божественным. Но был ли он так помешан на книгах, я точно не помню. Может быть, в твоей памяти отложилось больше? Во всяком случае прозвище «профессор», сам ли он сочинил его для себя в шутку или придумали люди, весьма к нему подходило. А кто этот мальчик – я не знаю. Не знаю! Надеюсь, что ты заметишь что-то и скажешь решительное «нет». Или безусловное «да».

Твоя измученная сестра Руфь.

Едва пробежав глазами письмо, Делла тут же собралась и поехала к сестре. И сразу же они навестили мальчика. Но и Делла не смогла сказать ничего определенного. Скорее она была согласна с Руфью, что это не Джейми. Но нельзя исключать и того, что это все-таки он. Но в том, как вести себя дальше, Делла всецело была солидарна с Поллианной.

– Ну почему бы тебе его не взять? Да, он серьезно болен, но он умница, и у него прекрасное сердце. К тому же если за него возьмутся лучшие врачи санатория, то можно будет вернуть ему здоровье. А представляешь, сколько радости ты доставишь этому несчастному?

Но Руфь только негодовала и раздражалась.

– Не могу, не могу! – повторяла она сквозь слезы. – Никого не хочу. Только моего Джейми.

В конце концов Делла оставила сестру в покое, если можно было назвать ее состояние покоем. Вновь для Руфи потянулась череда беспокойных дней и бессонных ночей. Все короче казалось ей расстояние между «возможно» и «несомненно». И все тяжелее складывались отношения с Поллианной.

Поллианна была озадачена всеми произошедшими событиями. Все давало повод к вопросам и беспокойству. Впервые в жизни она столкнулась лицом к лицу с настоящей бедностью. Она увидела и узнала людей, которым нечего есть, которые носят старые лохмотья и живут в тесных, грязных, ужасных комнатах. Первым ее порывом было, конечно, прийти на помощь. Два раза посетив Джейми вместе с миссис Кэрю, она страшно обрадовалась тому, что мистер Доудж привел жилища в относительный порядок. Но Поллианне казалось, что это лишь первые шаги. Ведь кроме семьи Джейми в переулке обитало множество других семей – опустившиеся мужчины, измученные женщины, оборванные дети. И иногда она решалась просить миссис Кэрю, чтобы та помогла им тоже.

– Что же мне, снабдить их всех новыми обоями, масляной краской, добротными лестницами? Ведь это же не один переулок, а целый квартал. Так ты и меняпустишь по миру! Ну говори мне, чего ты еще хочешь?

– Ах, очень многого! Вы же видите, скольких необходимых вещей им недостает. Как мне хочется вырастить и разбогатеть, чтобы всем им помочь. Но пока я счастлива быть с вами, когда вы им помогаете.

Миссис Кэрю изумленно всплеснула руками. Она обстоятельно, хотя и не слишком терпеливо объясняла Поллианне, что она больше ничего не хочет делать для этого «переулочка Мэрфи» и не видит для этого никаких оснований. Она и так сделала вдвое больше обещанного и всех покорила своей щедростью (правда, в том, что она владелица этих жилищ, миссис Кэрю никому не призналась). Далее она объясняла Поллианне, что существует масса благотворительных организаций, которые помогают всем, кто заслуживает заботы, и что в эти организации она платит

солидные взносы. Однако даже это не убеждало Поллианну.

– Но не лучше ли собирать людей в клубы и делать для каждого то, чего ему больше всего хотелось бы. Ведь Джейми приятнее было получить книгу в подарок от нас, чем от каких-то неизвестных старушек. Лучше пусть все будет по дружбе, а не по обязанности.

– Может быть, – раздраженно отвечала миссис Кэрю. – Но не кажется ли тебе, что Джейми уже немножко устал от нашей опеки?

Потом она стала сыпать какими-то новыми для Поллианны словами: «пауперизация бедноты», «вред неразборчивых субсидий», «парниковый эффект неорганизованной благотворительности».

– И кроме того, – убеждала она взволнованную девочку, – еще неизвестно, примут ли эти люди от меня помощь. Помнишь, когда я предложила миссис Мэрфи свою помощь, она сказала, что ей лучше быть обязанной соседям с первого этажа?

– Да, я помню. Мне это было не совсем понятно. Но может быть, мы их просто раздражаем? Ведь это несправедливо, что у одних есть столько чудесных вещей, а у других ничего нет.

День проходил за днем, и миссис Кэрю чувствовала, что Поллианна начинает играть в ее жизни все большую роль. Но далеко не всегда вопросы и комментарии со стороны Поллианны благотворно действовали на душевное состояние миссис Кэрю. Да и сама Поллианна уже не могла утешиться своей игрой.

– Я никак не могу придумать, что может быть утешительного в нашем общении с этими бедными людьми. Конечно, можно радоваться тому, что мы живем не так, как они. Но, если я этому радуюсь, то одновременно мне очень жаль их, и тогда я не могу долго радоваться. Конечно, радость может быть в том, что мы помогаем бедным людям. Но если мы не помогаем или они не берут от нас помощь, то чему же тогда можно радоваться?

И девочка не представляла себе, кто бы мог дать ей удовлетворительный ответ.

Особенно часто она обращалась с этими вопросами к миссис Кэрю, но та все не могла решить, Джейми – ее мальчик или это другой Джейми, и чувствовала себя от этого удрученной и отчаявшейся. Даже приближение Рождества не приносило ей радости. Ни огни, ни подарки не забавляли ее, а пустующий детский уголок в доме напоминал ей о том, что там жил Джейми.

И вот за неделю до Рождества произошло ее последнее и решительное сражение с самой собой. Уверенно, но не выражая никакой радости, она отдала необходимые распоряжения Мэри, а потом позвала Поллианну.

– Вот что, – обратилась она к девочке довольно резко, – я решила взять Джейми. Сейчас подойдет машина. Я поеду за ним и привезу сюда. Если хочешь, поедem со мной.

Личико Поллианны совершенно преобразилось от восторга.

– Какая радость! Какая же это радость! – восклицала она. – Я на седьмом небе! Я хочу кричать! Миссис Кэрю, а почему когда человек очень счастлив, ему всегда хочется кричать?

– Я, право, не знаю, Поллианна, – сухо ответила миссис Кэрю. Радость отсутствовала на ее лице.

Войдя в комнату Мэрфи, она коротко изложила обстоятельства, связанные с судьбой ее племянника. Она не скрывала, что сильно сомневается в том, что Джейми, воспитанный миссис Мэрфи, – это ее Джейми. Вместе с тем она выразила желание взять мальчика к себе в дом и заняться его воспитанием. Потом, как будто ей это безразлично, она стала говорить о том, что могла бы ему дать.

Миссис Мэрфи стояла возле кровати больного и тихонько плакала. Джерри, выслушивая миссис Кэрю, повторял что-то вроде: «везет же тебе, лорд!» А Джейми сперва показалось, что для него приоткрываются двери в настоящий рай, но потом взгляд его стал постепенно тускнеть. Он закрыл глаза и отвернулся.

Прошло время, прежде чем он опять посмотрел на миссис Кэрю и ответил ей. Он был страшно бледен, из глаз катились по щекам слезы.

– Спасибо, миссис Кэрю, но я не могу поехать к вам, – сказал он очень просто.

– Что ты говоришь? Почему? – воскликнула миссис Кэрю, отказываясь верить собственным ушам.

– Джейми! – закричала Поллианна.

– Да ты понимаешь, чем тебя будут там кормить? А книги! – затараторил Джерри, подскокивая к постели больного.

– Да, но только я не могу, – повторил бедный мальчик.

– Но Джейми, подумай, у тебя будет совсем другая жизнь! – проговорила миссис Мэрфи.

– Я было подумал... Конечно, мне бы всего этого хотелось, какой разговор? – Он вдруг повернул покрасневшее от слез лицо к миссис Кэрю. – Я не могу позволить, чтобы все это делалось для меня. Я знаю, что вы постараетесь сделать для меня все. Но именно постараетесь... Ведь я вам не нужен – вам нужен другой мальчик. Вы хотите настоящего Джейми. А я, видимо, не настоящий. Я вижу это по вашим глазам.

– Пусть даже так. Но, послушай... – В растерянности она не могла подобрать слов.

– И потом... Если бы я был как другие мальчишки, бегал, играл! – с жаром продолжал Джейми. – Вы от меня будете очень уставать. Вы даже теперь уже от меня устали. Я не перенесу, если я стану обузой. Конечно, если бы вы как мамзи... – Он понял, что сказал неподобающее, откинул голову, поправил прядь волос, упавшую на глаза. – Я просто не ваш Джейми. Я не могу переехать к вам. – Его тонкая рука на фоне черного платка, которым он был укрыт, казалась совсем белой.

Воцарилось молчание. Потом миссис Кэрю поднялась, чтобы уйти. Казалось, что ее лицо ничего не выражало, но Поллианна заметила что-то такое, что заставило ее перестать плакать.

– Пойдем, Поллианна! – Это были единственные слова, произнесенные миссис Кэрю.

– И дурак же ты, скажу я тебе! – набросился Джерри на больного, как только дверь за гостями затворилась.

А Джейми печально улыбнулся и вдруг зарыдал, как будто открытая для него дверь в рай внезапно захлопнулась, захлопнулась навсегда, навечно.

12. МАЛЕНЬКАЯ ПРОДАВЩИЦА

Миссис Кэрю была разгневана. Пойти после стольких раздумий на жертву, согласиться взять в свой дом калеку – и услышать от этого мальчишки холодный отказ. Это было невыносимо. Еще никогда никто не отвергал ее помощи и не пренебрегал ее желаниями. И вот теперь, когда мальчик отказался переехать к ней в дом, она стала еще сильнее мучиться сомнениями: а что, если он в самом деле ее Джейми? Она понимала, что настоящая причина, почему она согласилась его взять, заключалась не в желании позаботиться о нем и не в намерении его осчастливить – просто ей надо было успокоить свою совесть. И вот теперь в ее мозгу постоянно звучал один вопрос: а что, если это в самом деле мой Джейми?

Но она отгоняла от себя эту мысль, ей хотелось во всем упрекнуть этого маленького гордеца. Ему, видите ли, нужна ее забота! Довольно! Она и сама горда. Он не стоит ее заботы. Он не сын ее сестры. И вообще обо всем этом пора забыть.

Но забыть никак не удавалось. Сколько она ни пыталась переключиться на другие занятия, задумчивый взгляд мальчика, прикованного к постели в нищенской каморке, продолжал ее преследовать.

И в доме была Поллианна. Она бродила по комнатам как потерянная, не умея ничем себя занять.

– Нет, я не заболела, – отвечала она на все расспросы.

– Но ты чем-то явно обеспокоена.

– Да нет, я ничего. Просто я думаю о Джейми, что он не получил всех этих красивых вещей – ковров, картин, портьер.

Аппетит у нее совершенно пропал. В некоторые дни она просто оставалась голодной. Но при этом она утверждала, что совершенно здорова.

– Поверьте, мне легче голодать, чем есть. Если я ем, значит, я сразу начинаю думать о Джейми, что у него нет ничего вкусного. Поэтому я лучше пока не буду есть.

Миссис Кэрю стремилась любой ценой переломить Поллианну. Куплена была огромных размеров елка, принесли украшения, самые роскошные рождественские подарки. Впервые за много лет в доме зажгли все огни, и на елке ослепительно сияли игрушки. Устроен был даже сочельник, и миссис Кэрю сказала, чтобы Поллианна обязательно позвала всех своих лучших подруг из школы.

Но и здесь миссис Кэрю почти ничего не удалось. Хотя Поллианна была вежлива и за все ее благодарила, по временам даже проявляя возбуждение и заинтересованность, все же чаще всего она ходила как в воду опущенная. И радость рождественской вечеринки тоже обернулась печалью. Как только на елке зажглись все огни, девочка принялась громко рыдать.

– Поллианна, ну что ты? В чем дело теперь? – обращалась к ней миссис Кэрю.

– Ни в чем, – заплакала Поллианна. – Просто при виде такой изумительной красоты мне всегда хочется плакать. И еще я подумала, как бы радовался Джейми, если бы его пригласили к нам на елку.

Терпение миссис Кэрю наконец иссякло.

– Джейми, Джейми, Джейми! – закричала она. – Послушай меня, Поллианна! Ты когда-нибудь прекратишь говорить мне про этого мальчишку? Ты же понимаешь, что никакой моей вины нет в том, что он не разделяет с нами праздник. Я звала его сюда, чтобы он с нами жил. Ты что, забыла про свою утешительную игру? Теперь нам самое время в нее поиграть.

– А я играю... Я только не понимаю, почему все так странно. Раньше, если я радовалась каким-то вещам, то я была и счастлива. И вот – прости, что я опять о Джейми. Мне надо бы радоваться, что у меня есть ковры, картины, всякие вкусные вещи и сладости, что я могу бегать, гулять, ходить в школу. Однако чем больше я радуюсь за себя, тем горестнее мне из-за него. Мне как-то хочется подключить сюда игру, но я не знаю как. Если можешь, подскажи мне.

Миссис Кэрю только махнула рукой и оставила девочку одну.

На другой день после Рождества произошло одно радостное для Поллианны событие, которое даже заставило ее ненадолго забыть о Джейми. Миссис Кэрю взяла Поллианну с собой в магазин, и, пока она выбирала себе нарядное кружево, девочка вдруг заметила в толпе знакомое лицо. Поколебавшись минуту, Поллианна с радостным возгласом бросилась в проход.

– Ой, это ты! – И она подскочила к девочке постарше себя, которая несла поднос с разноцветными бантами. – Как я рада, что мы опять встретились!

Девочка уставилась на Поллианну в изумлении. Но вдруг и на ее сосредоточенном лице вспыхнула счастливая улыбка.

– Ну конечно. Моя маленькая спасительница из Общественного сада!

– Как я рада, что ты меня вспомнила! Но почему же ты больше не приходила туда? Я столько дней тебя искала!

– Я не могла. Мне надо работать. Тогда был мой последний свободный день... Пятьдесят центов, мадам, – бросила она в ответ даме с приторной улыбкой, которая спрашивала о цене черно-белого банта, лежавшего на самом углу подноса.

– Пятьдесят центов? М-м... Вообще-то вещица в самом деле очень красива, – пробормотала дама, рассмотрев бант и положив его на место.

Потом две веселые девчушки, хихикая и перебрасываясь шутками, подхватили сверкающее стекляшками творение из вишневого бархата и прелестную заколку с розовым тюльпаном. Поллианна вздохнула:

– И ты целые дни проводишь вот так? Какая радость, что у тебя такая работа!

– Ты думаешь, это радость?

– Ну конечно! Столько людей вокруг, все такие разные! Ты можешь с каждым разгово-

риться – ведь этого требует работа. Мне бы хотелось так работать. Наверно, я тоже, когда подрасту, пойду продавать какие-нибудь красивые вещи. Ведь ты радуешь людей, это так здорово!

– Здорово! Радостно! – с горечью передразнила ее маленькая продавщица. – Глупенькая, если бы ты только знала... Это стоит доллар, мадам! – пояснила она молоденькой женщине, залюбовавшейся желтым бархатным бантом с бисером.

– Послушайте, я уже дважды к вам обращалась! Почему вы заняты болтовней в рабочее время? – зашипела пожилая покупательница.

Девушка поклонилась и виновато закусила губу:

– Простите, мадам, я не расслышала.

– Вы обязаны слышать. Вам платят за это деньги. Сколько стоит вот этот черный?

– Пятьдесят центов.

– А вон тот синий?

– Доллар.

– Вы всегда очень нелюбезны, мисс. Я собираюсь на вас пожаловаться. Покажите вон тот ящичек, в котором розовые!

Взгляд маленькой продавщицы погрузнел, чувствовалось, что она вот-вот расплачется. Когда она убирала лоток с розовыми бантами на место, у нее дрожали руки.

– За такую ерунду брать такие деньги! Возьмите ваши тряпки! – злобно зашипела покупательница.

– Хорошо, мэм, – тихо проговорила маленькая продавщица, а потом она обратилась к Поллианне: – Ну что ты теперь скажешь? Очень радостно быть продавщицей бантов?

Но Поллианну капризная покупательница тоже довела почти до истерики.

– Да, бывают, к сожалению, и такие дамы. Но давай порадуемся, что не все такие, как она.

– Порадуемся! – с горечью повторила девушка у прилавка. – Знаешь, малышка, я верю, что твоя игра, о которой ты мне рассказывала в саду, приносит тебе облегчение, но я... – Она не успела договорить, ее опять затормошили покупательницы. – Пятьдесят центов, мадам... Доллар... – отвечала она, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

– И ты по-прежнему одинока? – спросила Поллианна у маленькой продавщицы, когда они на минуту остались вдвоем.

– Нет, у меня было пять званных вечеров и семь раутов! – Даже Поллианна почувствовала в ее тоне сарказм.

– Ну а хотя бы в Рождество ты смогла развлечься?

– О да! Я весь день пролежала в постели, закутавшись в разное тряпье, и прочла четыре газеты и журнал. А вечером я пошла в ресторан. Там снижают цены по случаю праздника. Так что я съела пирожок с курицей не за сорок, а за тридцать пять центов.

– Наверно, у тебя болят ноги оттого, что всегда надо стоять и ходить?

– Еще бы! Они все в волдырях. А уж в рождественские каникулы и говорить нечего!

– Милая! – с нежным сочувствием проговорила Поллианна. – И у тебя нет даже маленькой елочки? И тебя не пригласили на вечер?

– Какое уж там!

– Ой, дорогая моя! Я хочу, чтобы ты пришла ко мне на елку. У нас она такая огромная. Послушай, приходи сегодня или завтра вечером! Я тебе объясню, где я живу.

– Поллианна! – послышался вдруг ледяной голос миссис Кэрю. – Что все это значит? Почему ты все время от меня куда-то сбегаешь? Я уже три раза возвращалась в отдел верхнего платья...

Поллианна бросилась к ней с радостной улыбкой:

– О, миссис Кэрю! Как хорошо, что вы пришли. Вот... Я еще не спросила, как ее зовут, но мы уже давно знакомы. Я тоже с ней встретила в Общественном саду. Она живет одна, у нее совсем нет знакомых. Она тоже дочка священника, как и я. Но у нее родители живы. У нее нет даже елки – только волдыри на ногах и пирожок с курицей. Пусть она придет к нам и посмотрит на нашу елку! Я ей сказала, чтобы она пришла сегодня вечером или завтра. Вы разрешите мне зажечь к ее приходу все огни?

– Ну если ты уже пригласила человека в гости, Поллианна... – начала говорить миссис Кэрю тем же отчужденным голосом.

Но девушка обратилась к ней таким же холодным и даже неприветливым тоном:

– Не утруждайте себя, мадам. Я не приду на ваш праздник.

– Ой, ну пожалуйста, – стала умолять ее Поллианна. – Я так хочу, чтобы ты побывала у нас в гостях!

– Но ведь от мадам я не получила приглашения! – ответила продавщица почти злобно.

Миссис Кэрю вспыхнула и поспешила отойти в сторону, но Поллианна взяла девушку за руку и стала успокаивать.

– Ну она же хочет тебя видеть! Она хочет! – уговаривала ее Поллианна. – Ты не знаешь, какая она добрая. Она столько дает денег разным благотворительным организациям и вообще людям...

– Поллианна! – опять позвала миссис Кэрю. Ей хотелось поскорее уйти отсюда. Но резкий, звонкий голосок маленькой продавщицы буквально приковал ее к месту.

– Да! И такие организации еще спасают заблудших девушек. Но ни одна организация не помогает бедным девушкам, которые еще не успели стать заблудшими. И хорошим бедным девушкам никто не дарит ни книжек, ни картинок, ни музыкальных инструментов, ни мягких ковров. Им никто даже не скажет ни одного ласкового слова! Не будь так, может быть, меньше было бы девушек, сбившихся с дороги... Господи, что я такое говорю! – опомнилась она и обратилась к молодой покупательнице, разглядывающей синий бант: – Это стоит пятьдесят центов, мадам! – донесся ее звонкий голос до миссис Кэрю, которая уходила из магазина и уводила с собой Поллианну.

13. ОЖИДАНИЕ И ПОБЕДА

У Поллианны созрел замечательный план. Она минут пять проговаривала его про себя, а потом изложила суть дела миссис Кэрю. Но миссис Кэрю не разделила ее восторга, о чем и сказала Поллианне.

— Но им это придется по душе, — переубеждала ее Поллианна. — И ведь все это очень просто проделать. Надо только купить подарки, а елка у нас уже есть. Мы позовем эту девушку на новогодний сочельник, и она с радостью придет к нам в гости. А то ведь подумайте, у нее никаких радостей, кроме волдырей на ногах и пирожка с курицей.

— Ты просто невыносима, Поллианна! — нахмурилась миссис Кэрю. — Ты же ведь даже не знаешь, как зовут эту юную особу.

— Но ведь это ничего. Главное, что мы уже давно знаем друг друга. — Поллианна улыбнулась. — У нас был такой долгий приятный разговор в саду. Она рассказывала, как она одинока, и говорила, что для нее лучшее место на свете там, где нет толпы, где никто не обращает внимания и не одергивает. Между прочим, один человек обратил на нее внимание, но, понимаете, сделал это как-то уж слишком. Он не должен был этого делать, потому что она хочет остаться хорошей и честной. И вот тогда он подошел к нам в саду и долго ее куда-то звал, но она не пошла с ним, хотя на вид он был очень хорош собой. Вообще мне казалось, что это настоящий джентльмен, пока он не рассердился и не стал ей выговаривать. Тут и мне тоже досталось. Люди сразу меняются в худшую сторону, когда они злятся, ведь правда? Вот и она, когда торгует бантами, не ка-

жется такой красивой, как когда она гуляла в саду. Но позвольте мне позвать ее к нам на новогодний сочельник, миссис Кэрю! И потом еще давайте позовем Джейми. Ему теперь гораздо лучше, и он может к нам выбраться. Разумеется, его должен привезти Джерри, так что и Джерри нам надо пригласить.

– Ну да, еще и Джерри, – с иронией вставила миссис Кэрю. – Но почему же надо останавливаться на Джерри? Наверно, у него есть масса всяких дружков, которым тоже хочется увидеть большую елку.

– Ой, миссис Кэрю! – воскликнула Поллианна. – Как вы это замечательно все придумали! Какая вы хорошая, добрая! И мне бы еще хотелось...

Но миссис Кэрю выглядела удивленной и даже растерянной.

– Нет, Поллианна, нет! – запротестовала она.

Однако Поллианна, не понявшая смысла ее обращения, уже продолжала разрабатывать свой план:

– Не говорите «нет». Вы самая добрая, самая лучшая на свете! И пусть это будет всем вечером вечер! Давайте позовем Томми Доулана и его сестру Дженни, и двух братиков Макдональдсов, и еще тех трех сестричек, которые живут в том доме, где Мэрфи, на нижнем этаже. И еще кого-нибудь можно позвать. Ведь у нас такая большая комната, там много поместится народу. Представляете себе, как они обрадуются! Миссис Кэрю, у меня еще никогда в жизни не было такого замечательного праздника. И это вы мне его устроили! Теперь я буду посылать приглашения и буду просить, чтобы они тоже приглашали всех кого захотят.

И миссис Кэрю, еще недавно и слышать не желавшая ни о чем подобном, покорно проговорила:

– Да. Делай все так, как ты хочешь.

Теперь она должна была принимать и угощать в новогодний сочельник дюжину детишек из переулка Мэрфи и какую-то продавщицу, которую даже не знала по имени.

Может быть, ее задела слова этой девочки: «Но почему никто не помогает хорошим девушкам, которые еще не успели сбиться с дороги?». Может быть, на нее произвела впечатление рассказанная Поллианной история о том, как эта девочка хочет отгородиться от городского столпотворения и как она отказалась пойти с молодым человеком, который «слишком уж обращал на нее внимание». Может быть, в ней проснулась надежда, что, сделав это доброе дело, она хотя бы ненадолго обретет душевное спокойствие. А может быть, повлияла Поллианна, которая не замечала ее сарказма и хотела видеть в ней только щедрую и великодушную хозяйку. Как было разочаровать это дитя? Словом, дело было уже сделано. Миссис Кэрю поняла, что она по уши втянута в водоворот планов и заговоров, средоточием которых были, конечно, Поллианна и предстоящий новогодний вечер.

В мрачных тонах она описала все обстоятельства сестре и завершила письмо такими словами:

Я, признаться, не знаю, что делать. Но все же надеюсь, что и это как-то обойдется. Ничего уже не поделаешь. Но только предупреждаю: все это до тех пор, пока Поллианна не взялась меня поучать. Если только она возьмется, я тут же отправлю ее к тебе, и моя совесть будет чиста.

Делла прочла это письмо вслух всему санаторию и в конце от души расхохоталась.

«Она все еще ни разу не взялась проповедовать, – довольная, размышляла про себя Делла Уэтербай, – золотое ты сердце! А тебе, сестричка, придется распоряжаться на двух елках. И твой дом, еще недавно мрачный, как склеп, будет сиять багряными и зелеными огнями на всю Федеративную авеню! И до сих пор еще Поллианна воздерживается от поучений!»

Вечер удался на славу. Даже миссис Кэрю должна была с этим согласиться. Джейми в своей коляске, Джерри со своей дикой, но по-своему выразительной манерой общения, Сейди Дин (так звали маленькую продавщицу бантов), соперничая друг с другом, старались во что бы то ни стало развлечь и развеселить других, более робких и застенчивых гостей. Сейди, ко всеоб-

щему и своему собственному удивлению, проявила настоящий талант ко всякого рода увлекательным играм, многим из которых она же и научила компанию. И вот эти игры Сейди, истории Джейми и незлобивые прибаутки Джерри веселили общество до самого ужина. Гости расходились довольные, нагруженные снятыми с елки гостинцами.

Правда, Джейми (который вместе с Джерри уезжал с елки последним) иногда задумчиво оглядывал все, что окружало его в доме, но никто этого не заметил, кроме, может быть, миссис Кэрю, которая, говоря ему «доброй ночи», добавила каким-то даже смущенно-виноватым тоном:

– Ну, Джейми, ты не передумал?

Мальчик опустил глаза. Лихорадочный румянец проступил у него на щеках. Потом, посмотрев в глаза хозяйке дома, он тихо покачал головой:

– Если бы всегда было так, как сегодня, я бы остался. Я даже подумал, что, если вы предложите, я останусь у вас. Но сегодня праздник. А потом пойдут обычные дни, недели, месяцы. И как бы мне потом не пожалеть, что я остался.

Миссис Кэрю думала, что после этого вечера Поллианна позабудет о девочке из магазина. Но она ошиблась. Утро следующего дня началось как раз с разговора о Сейди.

– Я так рада, что опять на нее наткнулась. Конечно, жаль, что я не отыскала вам вашего Джейми. Но я заметила, что вы полюбили Сейди, и я так этому рада!

Миссис Кэрю в ответ тяжело вздохнула. Эта несокрушимая вера Поллианны в доброту ее сердца и великодушное желание помогать всем и каждому смущала, а порой просто раздражала ее. Но разочаровывать эту девочку она тоже не смела, особенно когда замечала на себе ее счастливый, доверчивый взгляд.

– Но Поллианна! – обратилась она к девочке с чувством, что разрывает какие-то опутывающие ее сети. – Ты же понимаешь, что Сейди никак нельзя сравнивать с Джейми.

– Я понимаю, – отозвалась Поллианна. – И мне, конечно, жаль, что она не Джейми. Но ведь для кого-то и она в своем роде Джейми. Для кого-то она самая любимая, кого никем нельзя заменить. И вот я думаю, что когда вы делаете чужим людям добро, то, наверно, думаете, что и о Джейми, который теперь далеко от вас, тоже заботятся какие-то люди.

Миссис Кэрю вздрогнула и снова проговорила со слезами в голосе:

– Но я хочу *моего* Джейми.

– Я знаю, – кивнула Поллианна. – В вашем доме пока недостает *присутствия ребенка*, это любимое выражение мистера Пендлтона, но зато в нем чувствуется *рука хозяйки* – это тоже его любимое выражение.

– Рука хозяйки?

– Да, теперь у него есть ребенок, но нет еще женщины в доме. Он так и говорит: *дом создается присутствием ребенка и женскими руками*. Ему одно время хотелось взять меня от тети Полли, но я вместо этого нашла ему Джимми.

– Джимми? – Миссис Кэрю встрепелась, услышав имя, близкое по звучанию к Джейми.

– Да, Джимми Бин.

– Ах, его фамилия Бин, – вздохнула миссис Кэрю.

– Да, он жил в доме сирот, а потом он оттуда сбежал. Я его нашла, и он говорил мне, что хочет жить в другом доме, где вместо воспитательницы настоящая мама. Я не сумела найти ему маму, но зато я нашла ему мистера Пендлтона, который его усыновил. Так что теперь он стал Джимми Пендлтоном.

– А прежде был Бином.

– Да, был Бином.

– О, господи! – проговорила миссис Кэрю, выслушав историю еще одного мальчика-сироты.

Миссис Кэрю все ближе узнавала Сейди Дин, лучше узнавала она и Джейми. Поллианна просила, чтобы они почаще приходили в дом, и миссис Кэрю, к своему собственному удивлению, не чинила запретов. Открытое сердце Поллианны постоянно ее обезоруживало.

Постепенно миссис Кэрю стала замечать, что она усваивает многие вещи, которых не

могла уразуметь прежде, когда сидела запершись в своих покоях и отдавала Мэри распоряжения никого из посторонних не впускать в дом. Она начинала понимать, что значит для молоденькой девушки быть одинокой в большом городе, где надо зарабатывать на пропитание и где никто не позаботится о тебе – разве что те, кто слишком заботлив, потому что чересчур беззаботен.

– Помнишь, тогда, в магазине, ты что-то кричала мне вслед, это касалось помощи девушкам?

Сейди стыдливо опустила голову.

– Я тогда вам нагрубила, простите, – извинилась она.

– Я не в обиде. Объясни мне, что ты имела в виду. Я столько раз думала про эти твои слова. Девушка помолчала, а потом поведала ей печальную историю одной своей подруги:

– Мы с ней из одного города. Она была красивая и добрая, но у нее был слишком мягкий характер. Мы целый год перебивались вместе, снимали одну комнатку на двоих, ели рыбные палочки и разную мешанину в том самом ресторане. Вечером все что мы могли – это погулять в Общественном саду, сходить в кино, если оказывалась лишняя монетка, но чаще мы просто оставались у себя в комнатке, хотя там и было неуютно. Летом жара, зимой холод, газовая горелка едва теплится и коптит, так что нельзя ни читать, ни шить. А потом у нас над головой одна шальная парочка все время танцевала рок, а внизу мальчишку обучали играть на корнете.¹ Вы когда-нибудь слышали, как детей учат играть на корнете?

– Пожалуй, нет, – пробормотала миссис Кэрю.

– Ну так вы много потеряли, – язвительно вставила Сейди и продолжила свой рассказ: – Иногда, особенно под Рождество или в другие праздники, мы гуляли по вашей авеню и другим большим улицам, выслеживали незашторенные окна и подсматривали, как живут состоятельные люди. Мы были одиноки, и нас все это немножко развлекало: семьи, яркий свет, обеденные столы, играющие дети. Но потом мы от этого еще больше приходили в уныние, потому что для нас это было недостижимо. И совсем уж грустно было смотреть на автомобили, как молодые люди, сидящие там, смеются и болтают друг с другом. Нам тоже хотелось весело проводить время, и вот моя подружка вскоре в самом деле стала развлекаться. И это нас разлучило: она пошла своей дорогой, а я своей. Мне не понравилась ее компания, о чем я сказала ей напрямую. Потом мы два года не виделись, и вот вдруг я получаю от нее записку. Это было буквально только что. Она попала в один из этих домов спасения. Ничего не скажешь, место приятное: мягкие коврики, красивые картинки, цветы, книжки, пианино, уютная комнатка – все, чего можно хотеть. Нарядные богатые дамы возят ее на вечера, на концерты. Она изучает стенографию, и если постарается, то получит хорошее место. Все эти дамы очень добры к ней, и каждая на свой лад пытается помочь, но только она рассказала мне еще кое-что... Она говорила: «Сейди, если бы тогда, когда я была честной, достойной, работающей, привязанной к дому, они сделали для меня хотя бы половину того, что теперь, – я не нуждалась бы сейчас в спасении». И вот у меня все время звучат в голове эти ее слова. Я не против этих домов спасения, они, конечно, вещь нужная. Но лучше бы они предупреждали, а не спасали.

– Но ведь есть же всевозможные работные дома и другие воспитательные учреждения, – проговорила миссис Кэрю таким изменившимся голосом, что, пожалуй, даже близкие друзья не узнали бы его.

– Да, все это есть. Но вы когда-нибудь бывали внутри?

– Нет, я не заходила, но... Я даю средства на эти дома. – В голосе ее почти звучало извинение.

Сейди Дин грустно улыбнулась:

– Да, я знаю. Многие добрые женщины поддерживают все это, но никто туда не заглянет. Вы, пожалуйста, опять не подумайте, что я против. Они, конечно, необходимы. Хорошо, что есть хоть они, потому что больше вообще неоткуда ждать помощи. Но это такая малость!.. Мне пришлось там немного пожить. Простите, что я говорю резко, но там надо не только побывать, но и пожить, чтобы понять. Знаете, сердцем, душой эти дамы далеки от того, что делают. Им это про-

¹ *Корнет* — медный духовой мундштучный музыкальный инструмент в виде рожка.

сто неинтересно... Я что-то много вам наговорила всего, но вы ведь сами меня попросили.

– Да, я попросила вас, – отвечала миссис Кэрю печально и уже не продолжала больше этого разговора.

Не только Сейди учила миссис Кэрю по-новому смотреть на жизнь, но и Джейми тоже этому способствовал.

Джейми проводил довольно много времени у миссис Кэрю. Поллианне всегда хотелось видеть его, и он радовался каждой их встрече. Сперва он робел, а потом освоился и часто говорил Поллианне, что ходить в гости это совсем не то, что быть нахлебником.

Миссис Кэрю часто заставляла обоих детей за столиком в библиотеке, а инвалидное кресло стояло пустое поодаль. Иногда они с головой погружались в какую-нибудь книгу. И она слышала, как мальчик говорит Поллианне, что он бы так не страдал от своего увечья, имей он столько книг, сколько их в этом доме, и что уж, конечно, он был бы на седьмом небе, если бы у него были «и ноги, и книги». А порой он рассказывал свои любимые истории, а Поллианна слушала его, не отрываясь.

Миссис Кэрю удивлял столь пристальный интерес Поллианны к этому мальчику, но вот однажды она случайно уловила их разговор. И заинтересовалась. Речь у мальчика, как у многих его сверстников, была не совсем правильной, но он так живо и живописно рассказывал, что она почувствовала желание побывать в этих прекрасных местах, о которых говорил Джейми. Этот подросток с пылающими глазами просто очаровывал.

Можно было подумать, что Джейми сам придумывал всякие опасные затеи и совершал подвиги, хотя на самом деле он был всего лишь калекой, прикованным к инвалидному креслу. Но главное было то, что этот мальчик начинал играть важную роль в жизни миссис Кэрю. Она ловила себя на том, что ждет его прихода и роется в книгах, ища ту, которая привела бы его в восторг. Она сама того не заметила, как Джейми стал казаться ей *тем самым Джейми*, сыном ее покойной сестры.

Прошли февраль, март, апрель, а в мае Поллианну должны были увезти домой. И миссис Кэрю вдруг поняла, что все в ней мучительно противится этому отъезду.

Она была поражена тем, как быстро подошел этот день, и всерьез испугалась. Еще совсем недавно она не могла дожидаться, когда эта несносная девчонка оставит ее в покое. Она представляла себе тихий, спокойный дом и солнечные лучики на деревянных стенах. Ей казалось, что все тревожное и докучное исчезнет из ее жизни вместе с этим ребенком. Она снова будет представлять себе утраченного четырехлетнего мальчика, который затворил за собою двери и канул в неизвестность. Увезут Поллианну – и тогда возвратится ее обычная, нормальная жизнь.

Но вот отъезд Поллианны был совсем близок, а идиллия пустого дома и солнечные зайчики казались ей теперь чем-то тоскливым, противоестественным и невыносимым. Долгожданный покой оборачивался для нее постылым одиночеством. И надежда спрятаться от беспокойств и тревог в дороге сердцу воспоминания об утраченном мальчике – нет ли и здесь самообмана? Потому что уже невозможно перечеркнуть свежих впечатлений, связанных с новым Джейми (а может быть, это все-таки и есть ее Джейми), уже никуда не деться от его испытующего, задумчивого взгляда.

Да, теперь она вполне отдавала отчет, как тоскливо станет в доме без Поллианны. А если еще к ней перестанут привозить Джейми, то будет просто невыносимо. Но при этом ее мучила раненая гордость. Как колючка, вонзился в ее сердце вторичный отказ Джейми поселиться у нее в доме. Все дни накануне отъезда Поллианны миссис Кэрю боролась сама с собой, но гордость все время вставала ей поперек дороги. И вот когда Джейми появился в доме, чтобы повидаться с Поллианной накануне ее отъезда, она все-таки решилась и еще раз попросила мальчика остаться.

Что еще она говорила при этом, потом не вспоминалось. Зато осталось незабываемым услышанное в ответ.

Мальчик долго и внимательно вглядывался в ее лицо, потом весь просиял и воскликнул:

– Конечно, я буду с вами! Теперь вы меня любите, я знаю.

14. ДЖИММИ ВСПОМИНАЕТ ОТЦА

На этот раз Белдингсвилль не встречал Поллианну с флагами и оркестром – может быть, потому, что час ее приезда был известен лишь немногим в городке. Но зато не было числа радостным приветствиям, когда она вместе с тетей Полли и мистером Чилтоном вышла из вагона поезда. Все первые дни по приезде Поллианна ходила по гостям. «Только что была тут – и глядишь, как будто растаяла!» – жаловалась Нэнси.

Повсюду, куда она приходила, ей первым делом задавали один и тот же вопрос:

– Ну как тебе понравился Бостон?

Но ни с кем у нее не было такого серьезного и подробного разговора об этом, как с мистером Пендлтоном. Когда он задал ей этот же вопрос, она поначалу нахмурилась:

– Да, мне понравилось. Довольно многое мне понравилось там.

– Но, однако, не все? – с улыбкой спросил мистер Пендлтон.

– Нет, не все... Но я очень рада была там побывать. Я замечательно провела время. Но там многое по-другому, чем у нас, даже странно. Там, например, обедают не днем, как у нас, а поздно вечером. Но все ко мне были очень добры, и я столько увидела разных замечательных вещей: Банкер-хилл, Общественный сад, автобусные прогулки по Бостону, сотни картин и статуй, улицы, витрины магазинов – ах, да разве все перечислишь? И люди. Я нигде больше не видела столько людей.

– Ну да, ты ведь так любишь людей.

– Да... – Поллианна нахмурилась и призадумалась. – Но что толку в таком многолюдий, если все равно всех не узнаешь и не запомнишь? И потом миссис Кэрю неохотно мне это разрешала. Она сама знает немногих и почти ни с кем не разговаривает. – Поллианна какое-то время помолчала, потом продолжила: – Вот если бы все эти люди могли перезнакомиться, тогда это было бы замечательно! И вот еще... Почему так много людей живут на грязных узких улочках? У них иногда даже не бывает на обед бобов и рыбных палочек, и никакие миссионеры их не финансируют. А другие, как миссис Кэрю, например, живут в великолепных домах, и у них столько вещей, еды и нарядов, что они даже не знают, что со всем этим делать. А вот если бы одни люди познакомились с другими людьми и поделились с ними...

Мистер Пендлтон расхохотался в ответ на ее заявление:

– А ты думаешь, что этим людям очень хочется знакомиться и делиться с теми?

– Бывает, что да! – возразила ему Поллианна. – Например, Сейди Дин – девочка, которая продает красивые банты в большом магазине, – она любит знакомиться с людьми. И я представила ее миссис Кэрю, а потом мы приглашали Сейди к нам, и еще у нас бывали Джейми и много других ребят. Вообще можно было бы постепенно познакомить бедных людей с богатыми. Но я не могла этого сделать. Я ведь мало кого успела узнать. А если бы это удалось, то все богатые люди отдали бы бедным часть своих денег.

В очередной раз мистер Пендлтон рассмеялся:

– Ты что-то ныряешь в глубокие заводи, Поллианна! Не заразиться бы тебе идеями социализма!

– Я не очень хорошо себе представляю, что такое социализм. Но я хочу быть социально активной. Потому что я люблю людей. И я хочу внести свою лепту в общее дело.

– Я не сомневаюсь, Поллианна, в твоих благих намерениях. Но они могут нарушить баланс в нашем обществе, где все построено на купле-продаже. Ты встаешь перед неразрешимой проблемой.

Поллианна смерила его долгим взглядом:

– Я это знаю. Я уже слышала от миссис Кэрю про разорение, пауперизацию, парниковый эффект. Там еще были какие-то трудные слова.

Мистер Пендлтон продолжал смеяться.

– И все равно я не могу согласиться, что так надо: одним людям все, а другим ничего. Я бы все равно отдала все, что могу, тем, кто в этом нуждается, пусть бы даже это было мне во вред.

Мистер Пендлтон, однако, продолжал так заразительно хохотать, что Поллианна рассмеялась вместе с ним.

– Ну в самом деле, – продолжила она, когда приступ смеха прошел, – я все равно не понимаю.

– Трудно в этом что-то до конца понять, – сказал мистер Пендлтон, посмотрев вдруг на девочку с нежностью и грустью. – Ты лучше скажи мне, кто такой этот Джейми, о котором ты уже не раз говорила мне с таким восторгом?

И Поллианна стала рассказывать.

Голос ее теперь звучал беззаботно. Она любила говорить про Джейми. Тут ей было все понятно. Здесь не нужны были длинные, пугающие слова. Потом она понимала, что никто лучше мистера Пендлтона не сможет понять поступок миссис Кэрю, взявшей, как и он, в дом мальчика-сироту, потому что *в доме необходимо присутствие ребенка*.

Про Джейми Поллианна рассказывала всем. Она была уверена, что другим это так же интересно, как ей. Она не сомневалась, что об этом можно говорить с утра до вечера. Но вот один человек одернул ее – и это был не кто иной, как Джимми.

– Послушай, неужели в Бостоне нет ничего интереснее, чем этот твой пресловутый Джейми?

– Что ты хочешь этим сказать, Джимми Бин?

– Я не Джимми Бин. Я Джимми Пендлтон. И я хочу сказать, что во всем Бостоне на тебя, видимо, произвел впечатление один этот чокнутый парень, который называет белочек леди Лан-

селот и все такое прочее.

– Ты кругом не прав, Джимми Би... Прости, пожалуйста, Джимми Пендлтон. Джейми никакой не чокнутый. Он очень хороший. Он прочел такое множество книг и знает столько замечательных историй! А некоторые рассказы он просто берет из головы. И потом не леди Ланселот, а сэр Ланселот. Ах, если бы ты знал хотя половину того, что знает Джейми! – закончила она, сме-рив его гневным взглядом.

Джимми Пендлтон выглядел униженным, просто уничтоженным. Его снедала ревность.

– Довольно! Я слышать больше не желаю ни о каком Джейми. Ты поняла? Вообще в этом имени есть какое-то «сю-сю». Это, кстати, не только мое мнение!

– А чье же еще?

Джимми промолчал в ответ.

– Кто еще так считает?

– Считал. Мой папа, – упавшим голосом проговорил Джимми.

– Папа? – изумленно переспросила Поллианна. – Но как мог твой папа что-то знать о Джейми?

– Он его и не знал. Просто в детстве меня тоже некоторые звали Джейми.

Поллианна заметила, сколько нежности было в голосе мальчика, когда он заговорил о покойном отце.

– Расскажи, что это был за разговор?

– Это было незадолго до папиной смерти. Мы тогда почти целую неделю гостили на ферме. Папа для них делал какую-то работу. Фермерша была ко мне очень добра, и вот она часто называла меня Джейми. Я даже не знаю, почему так. И когда папа услышал, что она меня так называет, он был просто взбешен. Я не могу забыть того, в какое он пришел тогда бешенство. Он кричал, что Джейми – это вообще не мужское имя и что никто не смеет так называть его сына. Он еще говорил, что это не имя, а сплошное «сю-сю», что он ненавидит это имя. И папа даже не стал заканчивать работу, и в тот же вечер мы с ним уехали с этой фермы. Я вообще-то очень был огорчен, потому что она мне нравилась, эта жена фермера. Такая она была добрая со мной.

Поллианна слушала его не только с сочувствием, но и с большим интересом. Никогда прежде он не раскрывал перед ней тайны своего прошлого.

– А что случилось потом? – выпрашивала у него Поллианна. На время она забыла, что поводом для разговора явилось имя Джейми, якобы немужское и сюсюкающее.

Мальчик вздохнул.

– Мы долго бродили, пока не нашли другое место. И там папа умер. А меня оттуда забрали в приют.

– А оттуда ты сбежал, и я тебя нашла у миссис Сноу. Так мы познакомились. И это на всю жизнь.

– Да, это на всю жизнь... – но голос его был теперь другим. Мальчик вспомнил опять настоящее, причину своего огорчения. – Но только ты запомни, что я не Джейми. – Он сделал со злобой ударение на этом имени, а затем повернулся и ушел, оставив Поллианну обескураженной и полной противоречивых чувств.

– Ничего, я могу радоваться, что он не всегда бывает таким, – вздохнула девочка, провожая взглядом его вертлявую мальчишескую фигуру, быстро удалявшуюся прочь.

15. ТЕТЯ ПОЛЛИ ВСТРЕВОЖЕНА

Через неделю по приезде Поллианны тетя Полли получила от Деллы Уэтербай такое письмо:

Мне очень хотелось бы написать Вам обо всем, что сделала Ваша племянница для моей сестры, но боюсь, что мне это не удастся. Вы ведь не представляете себе, какой она была еще совсем недавно. Впрочем, кое-что Вы, наверно, поняли, побывав у нее и увидев, среди какого уныния и мрака она жила в своем доме. И это продолжалось много лет. Вы, верно, оценили тогда многое в ней: горечь потери, отсутствие интересов в жизни, постоянная скорбь. – И вот к ней приехала Поллианна. Я, кажется, писала Вам, что сестра, позволив мне привезти к ней Поллианну, в ту же минуту об этом пожалела; потом она поставила мне строгое условие: если только Поллианна возьмется ее каким-нибудь образом поучать, она тут же отправит ее ко мне в санаторий. И, представьте себе, девочка ни разу не взялась ее поучать. И вот теперь я расскажу Вам, что я увидела, когда приехала вчера к Руфи. Пожалуй, трудно подобрать более красноречивое свидетельство того, какой переворот удалось совершить Вашей чудесной малышке. – Еще не войдя в дом, я заметила, что темные шторы сняты со всех окон. Вошла в дом – и представьте себе, там звучала музыка «Парсифаля». Ни одна комната не заперта, повсюду аромат роз. – Сразу ко мне выходит служанка и

говорит, что миссис Кэрю и мистер Джейми сейчас в музыкальной комнате. И вот я застаю ее вместе с мальчиком, которого она взяла к себе, они прослушивают запись знаменитой оперы. – Мальчик пока не расстается с инвалидной коляской, но у него такое красивое и радостное личико! Сестра помолодела по меньшей мере на десять лет. Она была просто серая, а теперь у нее чудесный румянец, а глаза горят и светятся. Я поговорила немного с мальчиком, а потом мы с сестрой поднялись по ступенькам к ней в комнату, и тут она принялась взахлеб рассказывать мне о Джейми. Не о том, пропавшем Джейми, которого она не могла вспоминать без слез и тягостных вздыханий, а об этом, новом Джейми. И, представьте себе, не было ни вздыханий, ни слез, хотя мальчик серьезно болен. Она вся была энергия и заинтересованность. – «Делла! – говорила она мне. – Ты себе не представляешь, как тонко он чувствует все настоящее, лучшее в музыке, литературе, искусстве, хотя, конечно, его еще много надо развивать и обучать. Я уже взялась за дело. Завтра придет учитель. У него есть сводный брат, продавец газет, от которого Джейми набрался всяких уличных словечек, но все равно у него богатая речь, потому что он прочитал много прекрасных книг. А ты бы послушала, как он рассказывает! Конечно, образование его пока только начинается, но он просто жаждет всему научиться. Он очень любит музыку, и я, конечно, дам ему музыкальную подготовку. Я уже вытащила на свет божий нашу коллекцию записей. Ты бы видела его лицо, когда он в первый раз услышал музыку „Святого Грааля“! Он все знает про короля Артура и его Круглый стол, и он так говорит про всех этих рыцарей, лордов и дам, как будто бы они его семья. Только временами я не могу понять, когда он упоминает сэра Ланселота, имеет ли он в виду средневекового рыцаря или белку в нашем Общественном саду. И, Делла, я уверена, что его смогут поставить на ноги. Надо обязательно пригласить к нему доктора Эймза!»

Она еще долго о нем говорила, а я сидела, как говорится, набрав в рот воды, но все равно я торжествовала. Я хочу сказать Вам, миссис Чилтон, что Руфь теперь совершенно другой человек. Она увлечена, она горит желанием вырастить и развить Джейми, а от этого изменилось и ее отношение к жизни. Ведь то, что она делает для него, она делает в какой-то мере и для себя. Былой угрюмой затворницы нет и в помине. И все это благодаря Поллианне.

Наша ненаглядная девочка, она и сама не подозревает, что сумела сотворить. Наверно, и моя сестра не может еще до конца осознать, чем обязана ей.

Но миссис Чилтон, скажите, чем мы можем Вас отблагодарить? Я понимаю, что у нас нет достойного дара для Поллианны, но я на всю жизнь остаюсь признательной Вам и нашей дорогой девочке.

Делла Уэтербай.

– Ну вот, наше снадобье подействовало! – повторял доктор Чилтон по ходу прочтения письма.

Но миссис Чилтон резко подняла руку:

– Томас, прекрати!

– Но, Полли, в чем дело? Разве ты не рада, что наше лекарство помогло?

Но миссис Чилтон стояла на своем:

– Да, я повторяю: прекрати это. Нет слов, конечно, хорошо, что эта женщина поняла, что может быть кому-то полезной. И я, разумеется, рада, что это вышло не без участия Поллианны. Но она тебе не флакончик с сигнатурой и не «снадобье»!

– Да что ты в самом деле! Уже и пошутить нельзя. Я давно говорил, что Поллианна, безусловно, обладает тонизирующими свойствами. И не думаю, что лишняя похвала ей будет во вред.

– Именно во вред. Девочка растет, а между тем люди не перестают ее портить. Она уже ведет себя как власть имеющая! И, может быть, эта уверенность в себе до поры до времени ей по-

могает. Но ты замечаешь, что когда она что-то вобьет себе в голову, она делается просто невыносимой. И не дай бог ей уверовать, что она какое-то ходячее лекарство от всех бед, недугов и страданий.

– Перестань! Я этого не опасаюсь.

– А вот я опасаюсь!

– Но, Полли, подумай о том, что она уже сотворила за последнее время. Вспомни миссис Сноу, Джона Пендлтона, ведь они преобразились даже гораздо больше, чем миссис Кэрю. И благослови, Господь, нашу Поллианну, чтобы и дальше она изменяла людей к лучшему.

– Да, пусть она и дальше помогает людям, – согласилась миссис Чилтон, – но не надо, чтобы она возомнила о себе невесть что. Конечно, в некотором смысле она уже что-то про себя знает. Она знает, что научила людей своей утешительной игре и тем самым сделала их счастливее. Что ж, это хорошо. Она придумала игру, а играют все вместе. Наедине с тобой я даже могу сказать, что Поллианна прочитала нам с тобой одну из самых сильных проповедей, какую я только слышала в своей жизни. Но я боюсь, что наступит момент, когда ей станет об этом известно. Я не хочу этого. Ну хватит, довольно. Да, вот что. Я решила, что этой осенью мы с тобой поедем в Германию вместе. Сначала я не хотела тебя брать, потому что не хотела бросать Поллианну одну. Но я ее и не брошу. Просто она поедет вместе с нами.

– С нами? Так ведь это будет замечательно!

– Да, я так решила. Более того, я намерена остаться там надолго, если, конечно, ты не будешь возражать. Помимо всего прочего, я не хочу, чтобы Поллианна оставалась в Белдингсвиле. Ее здесь просто могут вконец испортить. Но как ты думаешь, Томас, она не слишком будет страдать от разлуки со своими друзьями?

– Трудно сказать. Но вообще-то вспомни, что я не хотел уезжать отсюда именно из-за Поллианны. Поэтому нам лучше поехать в Германию ненадолго, а потом благополучно возвратиться на насиженное место. Да и оставлять свою практику мне не хочется.

– Ну что ж, когда-нибудь мы вернемся, – удовлетворенно вздохнула тетя Полли.

16. В ОЖИДАНИИ ПОЛЛИАННЫ

В городке Белдингсвиле царило волнение. Никогда еще с тех пор, как Поллианна вернулась из санатория и стала ходить, не было тут так шумно в каждом дворике и на каждом углу. И виновницей опять стала Поллианна. Вновь ожидали ее возвращения, но теперь Поллианна была двадцатилетней девушкой. Шесть зим она провела в Германии, а шесть лет путешествовала по свету вместе с доктором Чилтоном и его женой. За все это время она только один раз навестила Белдингсвиле и провела в нем всего четыре недели. Тогда ей было шестнадцать лет. А теперь они с тетей Полли вернулись в Белдингсвиле, решив обосноваться здесь надолго.

Но доктор не сопровождал их. Полгода назад городок был потрясен и опечален вестью о внезапной кончине доктора Чилтона. После этого все думали, что миссис Чилтон и Поллианна сразу же возвратятся в свой родной дом, но они решили еще задержаться. Миссис Чилтон надо было оправиться от своего горя.

Чуть погодя по городу прошли слухи, что у миссис Чилтон очень плохо с деньгами. И, пожалуй, это были не только слухи. Несколько железнодорожных компаний, за счет которых существовало поместье Харрингтон, разорились в пух и прах.

Другие вклады были ничтожны. От имения покойного доктора доходы тоже были невелики. Он был небогатый человек и за эти шесть лет вконец исрасходовался. Так что новая весть, о том, что миссис Чилтон возвращается назад в Белдингсвиле, ни у кого не вызвала удивления.

И вот старое имение Харрингтон, заброшенное на долгие годы, вновь распахнуло окна и

растворило двери. Снова в доме хозяйничала Нэнси – теперь все звали ее миссис Тимоти Даргин – она все отмывала и отчищала до блеска.

– Никаких указаний мне не давали, нет, нет! – поясняла Нэнси любопытным друзьям и соседям, которые толпились сперва у калитки, а потом, осмелев, вторглись во двор. – Конечно, у мамы были ключи, она время от времени заходила, следила за порядком. А тут приходит письмо, что они с мисс Поллианной пожелают в пятницу и надо проветрить комнаты, постелить белье и оставить ключ под ковриком у боковой двери.

– Подумайте! – продолжала она. – Меня просто обидели. Можно подумать, что я позволю им, бедняжкам, распоряжаться тут одним после трудной дороги! Они уж думают, что я теперь стала сама такая госпожа, что не дам себе труда посидеть и подождать их! Господи, я больше никогда не увижу доктора, мир его доброму сердцу! И ведь они вконец разорены. Вы слышали про это? Какое несчастье! Я просто не могу примириться с мыслью, что мисс Полли стала просто бедной женщиной.

Но особенно доверительно и охотно Нэнси разговаривала с приятным юношей, у которого был твердый взгляд и необычайно обаятельная улыбка.

– Да, ты ведь виделся с ней. Расскажи мне про нее.

В глазах Джона Пендлтона промелькнула хитринка:

– О, а я думал, что когда Поллианна станет взрослой, она не будет тебе нравиться.

– Она красивая?

– Ох уж эти молодые люди! – разочарованно вздохнул Джон Пендлтон. – Всегда у них первый вопрос – красивая ли?

– Но все-таки да или нет? – допытывался юноша.

– Ну уж об этом судить тебе, я здесь не судья. Наверно, ты будешь разочарован. Если тебе нужны идеальные черты лица, черные кудри и все такое, то ты, пожалуй, найдешь Поллианну дурнушкой. Мне кажется, ее беда в том, что она убеждена в своей непривлекательности. Когда-то она мне говорила, что хочет заслужить себе в другой жизни черные кудри. А в прошлом году в Риме я слышал от нее кое-что еще. Разговор был про то, что она мечтает, чтобы кто-то написал роман, и пусть у его героини будут прямые волосы и носик с веснушками. Хотя она думает, что многим девочкам это не понравится.

– Как же я узнаю прежнюю Поллианну!

– Да она никуда не делась! – задумчиво улыбнулся Джон Пендлтон. – И потом я считаю, что она красива. У нее удивительные глаза. И она просто излучает здоровье. Она вся дышит юностью, весной, понимаешь? И когда она говорит, то так светится изнутри, что, право, становится безразлично, что у нее не такие уж правильные черты.

– Она все еще играет в свою игру?

Джон Пендлтон ласково улыбнулся:

– Я почти уверен, что играет. Но она теперь не говорит об этом вслух. Впрочем, мы ведь с ней встречались всего три раза.

– Ты меня слегка встревожил. Понимаешь, ведь эта игра очень много значит для людей. В нее играет весь наш городок. И для меня просто невыносимо думать, что она ее бросила и больше не будет играть. С другой стороны, я не очень представляю себе взрослую девушку в такой роли... Увещевать каждого, чтобы он находил радость во всем. В общем, мне не нравится, что она стала взрослой.

– Я бы не расстраивался на твоём месте, – возразил старший собеседник. – Поллианна была для нас как очистительный ливень, и в метафорическом смысле, и в буквальном. Мне думается, что ее принципы крепко заложены в ней, хотя, может быть, она теперь ведет себя сдержаннее. Бедная девочка, теперь игра опять ей понадобится, чтобы выносить все тяготы жизни.

– Ты имеешь в виду, что миссис Чилтон потеряла деньги? Они теперь будут бедными, да?

– Да, они могут просто обнищать. Потому что им теперь не из чего делать деньги. Все вклады миссис Чилтон погорели начисто, а поместье бедняги Тома маленькое, и там тоже все обросло долгами. Раньше их могла поддерживать его профессия, но увы! Если бы он закончил

одну свою работу в Германии, он обеспечил бы на всю жизнь и Полли, и Поллианну, но, увы, он не позаботился об этом.

– Да, я вижу, что дела плохи.

– И это еще не все. Через два месяца после смерти Тома я встречался в Риме с миссис Чилтон и Поллианной. Тетушка была в ужасном состоянии. К вдовству прибавился денежный крах – двойной удар! Она все повторяла, что не желает знать ни о Белдингсвиле, ни о его жителях. Она всегда была гордячкой, но сейчас это уже переросло в пунктик. Теперь ей кажется, что весь городок осуждал ее поздний брак с Чилтоном, что никто не посочувствует ей в ее скорби и что все будут злорадствовать теперь, когда она разорена. Словом, она полна предубеждений, чаще всего необоснованных. Но бедная Поллианна! На ней будут теперь срывать зло. Вот когда ей самой больше, чем всем нам, понадобится ее игра.

– Какая жалость! Почему же это должно было случиться именно с Поллианной? – чуть не всхлипывал Джимми, и голос выдавал его.

– И этот их сегодняшний приезд! – продолжал Джон Пендлтон. – Тайком, без оповещения. Бьюсь об заклад, что это тетушкины причуды! Никто не должен встречать – и точка. Она и от Нэнси бы утаила свой приезд, если бы у той не было ключей от дома.

– Ну Нэнси-то все мне уже рассказала, добрая ее душа! И она уж постарается, чтобы дом не выглядел гробницей разбитых надежд и былых усад! Кони тоже будут хороши, их ведь купил старый Том, а он знает, как их содержать. Но все же мне отчего-то неспокойно.

Они оба замолчали, потом Пендлтон-старший встрепенулся:

– Их непременно надо встретить.

– На этот счет ты не тревожься.

– Ты собираешься на станцию?

– Да.

– А ты знаешь, каким поездом они приедут?

– Нет. Даже Нэнси об этом не знает.

– Как же ты будешь их встречать?

– Я посмотрю расписание. И буду подходить ко всем прибывающим поездам. Их не так уж и много. А Тимоти все время будет держать возле станции экипаж.

– Гм, мне нравится твоя энергия, мальчик. Еще чуть побольше рассудительности – и тебе улыбнется удача.

– Да, только бы пережить тяжелые дни, – печально пробормотал Джимми.

17. ПРИЕЗД ПОЛЛИАННЫ

Поезд приближался к Белдингсвиллю, а Поллианна с тревогой посматривала на свою тетю. Она заметила, что миссис Чилтон становится с каждым часом все более беспокойной и мрачной. И Поллианна уже боялась, что по приезде что-нибудь произойдет.

Поллианне больно было видеть тетю Полли такой, какой она теперь стала. Трудно было поверить, что всего за полгода в человеке может произойти такая перемена. Взгляд ее потускнел, щеки побелели и впали, лоб пересекали глубокие морщины. Уголки губ опустились, а волосы были уложены так же, как и в тот день, когда Поллианна впервые увидела ее. За годы замужества она сделалась мягкой и ласковой, но теперь от этого вновь не осталось следа. Опять это была та же тяжелая и вздорная женщина, как в те годы, когда она звалась Полли Харрингтон и когда никто не любил ее и она сама ни к кому не питала добрых чувств.

— Поллианна! — позвала она неприятным, резким голосом. Девушка повернулась к ней с виноватым видом. У нее было такое ощущение, что та прочитали все ее мысли.

— Да, тетушка!

— Где моя черненькая сумочка?

— Вот она, тут.

— Найди, пожалуйста, мою черную вуаль, а то мы почти уже приехали.

— Ну зачем? Она такая плотная, а сегодня и так жарко.

— Поллианна, сделай то, о чем я тебя прошу. Чем меньше ты споришь со мной по каждому

поводу, тем мне легче. Зачем давать возможность всему Белдингсвиллю сокрушаться или злорадствовать, что я так плохо выгляжу?

– Тетушка, уверяю тебя, что никто тут не будет злорадствовать! – убеждала ее Поллианна, разыскивая в сумочке столь нужную тете Полли вещь. – И потом, кажется, никто не будет нас встречать. Мы ведь никого не уведомляли о своем приезде.

– Да, я в самом деле никого не просила нас встречать. Однако миссис Даргин я написала, чтобы она проветрила комнаты и положила ключ под коврик. Неужели ты думаешь, что Мэри Даргин примет информацию к сведению и удержит язычок за зубами? Какое там! Уже весь город оповещен о нашем приезде, и человек двадцать определенно ожидают нас на вокзале. Еще бы! Всем хочется увидеть, как выглядит бедная Полли Харингтон. Эти люди...

– Ах, милая тетя! – пыталась увещевать ее Поллианна, глотая слезы обиды за «этих людей».

– Если бы я еще не была так одинока. Если бы доктор был с нами и... – Она вдруг опомнилась, на лице появилась недобрая гримаса. – Где вуаль? – раздраженно спросила она снова.

– Вот же она, смотри! – Девушке хотелось теперь как можно скорее передать злосчастную вуаль из рук в руки. – Вот и наш городок. Хорошо бы нас встретили старый Том и Тимоти!

– Да, и все бы смеялись по дороге, какие у нас теперь рыдваны и клячи! И почему их у нас можно завтра купить! Нет, покорно благодарю. Мы возьмем казенный экипаж.

– Я все понимаю, но однако... – в этот момент состав остановился, пружиня и раскачиваясь, и фраза Поллианны повисла в воздухе.

Обе пассажирки сошли на платформу. Миссис Чилтон скрывала свой взгляд под вуалью и сама старалась никуда не смотреть. А Поллианна без конца вертела головой, не успевая отвечать на приветствия. И вдруг она заметила в толпе одно знакомое, до странности знакомое лицо.

– Да ведь это Джимми! – воскликнула она, сердечно протягивая руку. – Правда, наверно, надо уже обращаться к тебе как к мистеру Пендлтону? – поправила она себя с застенчивой улыбкой. – Я вижу, что ты возмужал и похорошел.

– О, только не надо титулов! – И он улыбнулся совсем так, как улыбался в детстве. Потом он хотел заговорить с миссис Чилтон, но она все время шла поодаль и как будто не замечала обращенных к ней приветствий.

Юноша вновь обратился к Поллианне, взволнованный и полный сочувствия:

– Она, наверно, устала. Я позову Тимоти, он тут со своим экипажем!

– Ой, спасибо ему! – воскликнула Поллианна, но вдруг взгляд ее упал на мрачную фигуру и лицо, закрытое вуалью. – Тетя, милая, – говорила Поллианна, подбегая к миссис Чилтон, – Тимоти здесь. Он приехал за нами. А это Джимми Бин. Ты помнишь Джимми Бина?

Волнуясь и переживая, Поллианна не заметила, что назвала юношу его прежним, мальчишеским именем. Миссис Чилтон, однако, это заметила. Она неохотно повернулась и слегка наклонила голову.

– Мистер Пендлтон весьма любезен, – проговорила она бесцветным голосом, – но я сожалею, что он и Тимоти так обеспокоились.

– Да что вы, миссис Чилтон? – засмеялся юноша, стараясь скрыть свое замешательство. – Позвольте мне взять у вас квитанции, я пойду получу багаж.

– Спасибо, – отвечала миссис Чилтон все тем же тоном, – но, по-моему, мы могли бы...

Но Поллианна, повторив слово благодарности, уже достала квитанции и, с достоинством обратившись к миссис Чилтон, потребовала, чтобы та не говорила больше ни слова.

Весь путь они молчали. Тимоти, уязвленный тем, что его госпожа не выказала при встрече с ним никаких чувств, сидел впереди, выпрямив спину и закусив губу. «Да, поедem, детка, ничего не сделаешь, раз уж он изволил явиться», – прошептала недовольно тетя Полли и погрузилась в тягостное молчание. Поллианна тоже не произносила ни слова, но ее молчание носило совершенно другой характер. Жадным, хотя и полным слез взглядом девушка ловила все с детства знакомые мелочи, встречавшиеся ей на пути. Лишь однажды она обратилась к тете Полли:

– Правда ведь, Джимми очень хорош собой? Он с годами будет все красивее. Какие у него замечательные глаза и улыбка!

Она ждала, что тетя Полли заговорит с ней, однако не дождалась и сказала не то вслух, не то про себя:

– Все-таки он очень хорош!

Тимоти был весьма удручен встречей и в то же время страшно боялся заговорить с миссис Чилтон о том, что ожидает ее дома. Увы, открытые настежь двери, цветы на окнах и Нэнси, присевшая в реверансе у порога, – вот и все сюрпризы, приготовленные для хозяек дома.

– Нэнси, как все хорошо! – воскликнула Поллианна. – Тетя, видишь, Нэнси нас дождалась! И, смотри, какую красоту она везде навела!

Поллианна изо всех сил старалась создать радостное настроение, но дрожь в голосе выдавала ее. Вернуться в дом без доктора, которого она успела так полюбить, было очень тяжело для нее самой, а уж как это перенесла тетя Полли, нельзя даже выразить словами. А еще тетя Полли осознавала, какой развалиной она выглядит рядом с цветущей Нэнси, и это усугубляло ее душевную драму. И Поллианна догадывалась, что под черной вуалью скрываются полные слез глаза и дрожащие губы. Догадывалась она и о том, что тетя Полли будет искать малейшего повода, чтобы придаться и дать разрядку всей горечи, переполняющей ее разбитое сердце. Поэтому ее не удивили слова тети, обращенные к Нэнси сразу за приветствием:

– Все, что ты сделала, конечно, очень хорошо, но только лучше бы ты этого не делала.

Выражение радости сразу исчезло с лица Нэнси. Она выглядела обиженной и перепуганной.

– Но мисс Полли... То есть я хотела сказать миссис Чилтон, – поправилась она. – Как же я могла допустить, чтобы вы...

– Довольно, Нэнси. Оставим это. Я не хочу сегодня вести разговор. – И обычной своей гордой походкой она удалилась из комнаты. Через минуту Нэнси и Поллианна услышали, как поворачивается ключ в двери ее спальни на верхнем этаже.

Нэнси не знала что делать.

– О, мисс Поллианна, что же это такое? Скажите, что я сделала не так? Я ведь хотела как лучше. Мне казалось, я все устроила как надо.

– Ну конечно, – бормотала Поллианна, вытаскивая из сумочки носовой платок. – Вы тут навели такой идеальный порядок. Все просто восхитительно.

– Но ей не понравилось.

– Ей все понравилось, уверяю вас. Она только не хочет нам показать, что ей понравилось. Это навело бы на разговор о другом... Ах, Нэнси, как хорошо, что мне есть с кем поплакать! – И, припав к плечу миссис Даргин, Поллианна громко зарыдала.

– Ах, значит, ты думаешь, дело не во мне? – говорила Нэнси, одной рукой обнимая девушку, а другой нащупывая уголок фартука, заменивший ей носовой платок.

– Понимаешь, я не могла заплакать, пока она была тут. Мне тоже в первый момент было очень тяжело. Представляю себе, каково ей!

– Да, мое солнышко, – утешала Поллианну Нэнси. – И наверно, я чем-то ее взволновала.

– Нет, Нэнси, ты тут ни при чем. Это у нее такой характер. Она не хочет показывать, как ей невыносимо тяжело после смерти доктора. Ей легче всех настроить против себя. Она и со мной так. Я ее изучила с некоторых пор.

– Да, солнышко. – В ее лице еще было несколько суровое выражение, но слова звучали все теплее и ласковее. – Овечечка ты моя! Конечно, я все равно рада, что осталась. Ради тебя!

– Ну все, милая! Я уже успокоилась. Спасибо тебе. Прости, что я тебя задержала. Тебе ведь нельзя тут оставаться...

– Отчего же? Я, пожалуй, останусь, – фыркнула Нэнси.

– Но ты ведь теперь... Я хотела сказать, что у тебя Тимоти.

– Ну он согласится одну ночь побыть без меня. И, кстати, он просит сам, чтобы ради тебя я осталась в услужении.

– Нет, Нэнси, вот этого мы не допустим. Нам сейчас нельзя никого брать... Я начну работать. И пока положение не поправится, нам придется на всем экономить. Так говорит тетя Полли.

– Да что же ты думаешь, я возьму с нее хоть шиллинг? – Но, посмотрев на девушку, она оставила в комнате эхо своего протестующего возгласа и пошла переворачивать на противне кур.

Поев с Поллианной, миссис Тимоти Даргин согласилась все же, чтобы муж отвез ее домой, но попросила разрешить ей почаще навещать и помогать.

Взойдя наверх к тете Полли, Поллианна застала ее в привычной теперь для миссис Чилтон позе – сидящей, закрыв ладонью глаза.

– Давай потушим свет, – предложила Поллианна.

– Как хочешь.

– Правда ведь, Нэнси все чудесно устроила?

Миссис Чилтон не проронила в ответ ни слова.

– Где она только достала столько разных цветов? Она везде их расставила – и внизу, и в обеих спальнях!

Тетя Полли по-прежнему не проронила ни слова. Поллианна бросила на нее задумчивый взгляд, а потом продолжала воодушевленно:

– Я видела старого Тома, там, в саду. Его совсем скрутило. Скрутился, как колесо. Он много про тебя расспрашивал.

Тетя Полли наконец повернулась к племяннице и растерянно посмотрела на нее:

– Поллианна, скажи, что нам теперь делать?

– Жить. Находить в жизни радость. – Поллианна почувствовала, однако, что теперь ее слова звучат не слишком убедительно.

– Ну повзрослей, Поллианна! Уже пора становиться серьезной. Это очень серьезный разговор. Что мы будем делать дальше? Ты знаешь, что доходы почти ниоткуда не поступают. Конечно, в доме есть кое-что из дорогих вещей. Впрочем, мистер Харт сказал, что сейчас я много не выручу от их продажи. Какая-то мелочь еще лежит на депозите, еще какая-то малость туда поступит, но опять же это будут гроши... Итак, остается дом. Но дом не подашь к столу и не наденешь на себя. И потом он чересчур велик для нас двоих. Продать его удастся разве лишь за полцены, если только не найдется кто-нибудь очень желающий.

– Нет, прошу тебя! Расстаться с этим прекрасным домом, полным замечательных вещей!

– Мне и самой жаль. Но ведь надо же нам с тобой что-то есть.

– Да, я знаю. И у меня, к сожалению, зверский аппетит. И я еще радуюсь тому, что я такая прожорливая.

– Тебе бы только радоваться! Лучше ответь, что нам делать! Хотя раз в жизни поразмысли серьезно.

Что-то сразу переменялось в облике Поллианны.

– Я сейчас думаю очень серьезно. Знаешь что? Мне надо начать самой зарабатывать на хлеб.

– Ну вот, надумала, нечего сказать. Дочь Харрингтонов пойдет сама зарабатывать свой хлеб.

– Ой, ну к чему эти предрассудки? Если дочь Харрингтонов не пропадет в беде, ты должна этому только радоваться. И потом беда – это вовсе не позор, тетя Полли.

– Ты, может быть, и права, но согласишься, что мы занимали в Белдингсвиле известное положение. И после этого едва ли приятно сознавать, что мы сели в лужу!

Поллианна молча раздумывала о чем-то, уставясь в одну точку.

– Хотя бы был у меня какой-то талант! Если бы я что-то умела делать лучше других, – вздохнула девушка, – а то пою так себе, играю посредственно, шью, вяжу, штопаю не хуже, но и не лучше других. Все не на том уровне, чтобы можно было этим заработать. Между прочим, – заговорила она, помолчав с минуту, – я могла бы готовить или заниматься хозяйством. Помнишь, в Германии, когда Гретхен несколько дней к нам не приходила, я взяла на себя ее обязанности и у меня выходило совсем не плохо. Только я все же не пошла бы к людям кухаркой.

– Господи, только этого еще нам не хватало! – Тетя Полли вся передернулась.

– Но в то же время если я буду делать эти дела в нашем доме, то мы сэкономим на прислу-

ге. Дайте попробовать. Все же хоть какая-то была бы от меня польза. Я, увы, не родилась человеком, который, как говорят, дорого стоит.

– Перестань говорить вздор, Поллианна! Если бы доктор...

Поллианна вдруг вскочила со стула и закружилась по комнате:

– Тетя, ну не мучьте вы себя! Почему вы уверены, что за эти дни я не разовью в себе какой-то талант? И вообще, в создавшемся положении много увлекательного. Это так здорово – захотеть чего-то, а потом ожидать, как это постепенно приходит. А когда ничем не рискуешь и уверен заранее, что все у тебя есть, можно сделаться таким занудой! – И она весело рассмеялась.

Но миссис Чилтон по-прежнему было невесело. Она лишь вздохнула и снова сказала:

– Ну повзрослей же, Поллианна. В твои годы уже нельзя оставаться таким ребенком.

18. ПОВОД ДЛЯ ОГОРЧЕНИЯ

Первые дни в Белдингсвиле оказались нелегкими для миссис Чилтон и Поллианны. Приходилось приспосабливаться к обстоятельствам, а это никому не дается легко.

От путешествий и впечатлений приходилось переключаться на заботы о том, где можно подешевле купить масло и как перехитрить ворюгу мясника. Прежде они всецело располагали

своим временем, а теперь дни надо было расписывать по минутам. Друзья и соседи с радостью, наперебой звали к себе в гости, и Поллианна от души радовалась этим приглашениям, а миссис Чилтон обычно находила повод для отказа и всякий раз прибавляла потом:

– До чего же людям любопытно взглянуть, как тяжело Полли Харрингтон примириться с бедностью.

О докторе миссис Чилтон заговаривала редко, но Поллианна знала, что она беспрерывно думает о нем. Да и ее молчаливость и вздорность были не более чем панцирь, за которым она скрывала свои подлинные, глубинные чувства.

За этот месяц Поллианна несколько раз говорила с Джимми. Встреча с ним и Джоном Пендлтоном в доме миссис Чилтон получилась скучная и натянутая, вернее, она не была таковой, пока в гостиную не спустилась миссис Чилтон. Правда, потом она переживала и укоряла себя в том, что Джон Пендлтон перестал у нее бывать. Между тем Джимми продолжал приходить то с цветами, то с книгой для тети Полли, то просто так. Поллианна принимала его со всем своим обычным радушием, а тетя Полли ни разу не выходила к нему.

Друзьям и знакомым Поллианна старалась не жаловаться на то, что ее жизнь переменилась, но с Джимми она обо всем говорила откровенно. И постоянным ее беспокойством было: «Ах, если бы я что-то могла делать для заработка!»

– Мне иногда хочется, чтобы я была очень расчетливая, – смеялась она, – чтобы я скрупулезно вела расходы, считала каждый шиллинг. Тете Полли так тяжело от того, что она перестала быть богатой.

– Как вам обоим не стыдно! – взорвался Джимми.

– Я знаю, что тетя Полли сгущает краски. На самом деле все не так уж страшно. Но все равно так хотелось бы ей помочь.

Джимми смотрел в ее лицо, и ему делалось грустно.

– А что бы ты хотела сделать, если бы могла?

– О, я хочу готовить еду и вести хозяйство, – Поллианна улыбнулась и вздохнула. – Мне так нравится делать гоголь-моголь и слушать, как сода шипит в кислом молоке! Я уже даже научилась печь! Но чтобы этим заработать, надо идти прислуживать кому-то. А смогу ли я?

– Думаю, что вряд ли, – язвительно ответил юноша.

Но вдруг его словно осенила какая-то догадка. Он бросил на девушку озорной взгляд.

– Но ведь ты еще могла бы выйти замуж. Такое никогда не приходило в голову мисс Поллианне?

Девушка весело рассмеялась. Это был чистый смех существа, чье сердце еще никогда не ранили Купидоновы стрелы.

– О нет, я никогда не выйду замуж, – отвечала она небрежно. – Прежде всего я ведь некрасива, ты это знаешь. И потом я решила, что буду жить с тетей Полли и заботиться о ней.

– Ты говоришь, некрасива? – усмехнулся Пендлтон-младший. – А тебе известно, что на этот счет существуют противоположные мнения?

– Существует зеркало, и оно-то не обманывает, – грустно отвечала Поллианна.

Это могло бы показаться кокетством. Скажи такое другая девушка, Джимми не усомнился бы в том, что она кокетничает. Но Поллианна... Он всматривался в ее лицо и понимал, что здесь нет никакого кокетства. И он вдруг понял, что Поллианна совершенно не похожа ни на одну из его знакомых девушек. Некоторые вещи она понимает на удивление буквально.

– Почему же ты считаешь, что некрасива? – спросил он.

– Но это же ведь так. И потом у меня есть свое представление о красоте, которому я не соответствую. Помнишь, я в детстве мечтала, чтобы в иной жизни Бог даровал мне черные кудри?

– Это и теперь твое основное желание?

– Теперь, пожалуй, нет, – смутилась Поллианна. – Но я и теперь люблю смотреть на женщин, у которых такие волосы. Потом у меня короткие ресницы. И нос у меня не греческий, не римский, вообще не относится ни к какому классическому типу. Обыкновенный нос. И лицо у меня слишком вытянутое, или, наоборот, слишком круглое, я уже забыла, что правильно. Во всяком случае, когда я его сопоставила с золотым сечением, то получилось просто караул! Пра-

вильно, чтобы лицо в ширину равнялось пяти глазам, а глаза при этом были такой величины... Ах, я все уже забыла! Главное, что у меня ничего этого нет.

– Прямо трагическая картина! – рассмеялся Пендлтон, восхищенно вглядываясь в оживленное лицо и выразительные глаза своей собеседницы. – Послушай, а ты когда-нибудь видела себя в зеркале в тот момент, когда ты говоришь?

– Ну конечно, нет.

– А ты как-нибудь проделай такой опыт!

– У меня вдруг появилась замечательная мысль! Когда мне взгрустнется от того, что у меня нет длинных ресниц и правильного носа, я буду радоваться тому, что у меня вообще есть ресницы, нос и, главное, я сама есть.

Они оба рассмеялись, потом Джимми вдруг спросил:

– А твоя игра – ты продолжаешь в нее играть? Поллианна обратила к нему взгляд, полный одновременно нежности и удивления:

– Ну а как же? Неужели, Джимми, я бы оставалась веселой в эти полгода, если бы не эта благословенная игра? – Голос у нее слегка задрожал.

– Но ты перестала говорить об игре.

Что-то изменилось в лице Поллианны после его вопроса.

– Я знаю. Просто я боюсь теперь быть слишком откровенной с посторонними людьми, которые не любят меня. Ведь мне теперь двадцать лет, а не десять. И потом надо считаться с людьми. Они не любят, когда их наставляют и поучают, ты и по себе это знаешь, – она загадочно улыбнулась.

– Да, я знаю, – мрачно кивнул головой молодой человек. – Но неужели ты не понимаешь, что такое твоя игра и что она дала тем, кто в нее играет?

– Я знаю, что это дало мне самой, – тихо сказала Поллианна и опустила глаза.

– Видишь ли, эта игра действует при том условии, что в ней участвуешь ты, – продолжал Джимми. – А вообще кто-то сказал, что если все люди до одного станут играть в эту игру, это произведет в мире настоящую революцию. И я с этим совершенно согласен.

– Да, но некоторые люди не хотят делать революцию в своем сознании, – грустно улыбнулась Поллианна.

19. ДВА ПИСЬМА

В конце июля Поллианна получила письмо от Деллы Уэтербай. Она писала:

Я обращаюсь к тебе с одной просьбой. Возможно, ты подскажешь мне какую-нибудь хорошую, спокойную семью в Белдингсвиле, которая согласилась бы приютить у себя на лето мою сестру. Они хотят отдохнуть втроем: она сама, ее секретарь и ее приемный сын (ты ведь знаешь – это Джейми). В гостинице или мотеле они не хотят останавливаться. Сестра очень переутомлена, и врач советует ей пожить в тихой местности – в деревне или небольшом городке, чтобы изменить обстановку и как следует отдохнуть. Он посоветовал ей отправиться либо в Нью-Хэмпшир, либо в Вермонт. Мы, естественно, сразу подумали про Белдингсвилль и про тебя. И мы, конечно, надеемся, что ты подыщешь для нас то, что надо. Я сказала Руфи, что напишу тебе. Они готовы приехать в конце июля. Я прошу тебя сразу, как только у тебя появятся какие-то варианты, сообщить нам об этом. Пиши мне в санаторий. Дело в том, что сестра сейчас проходит у нас курс лечения и пробудет еще пару недель.

Надеюсь на благоприятный ответ.

С дружественным приветом,

Делла Уэтербай.

Прочитав письмо, Поллианна сразу стала сосредоточенно перебирать в уме те дома в Белдингсвиле, где нашлось бы наилучшее пристанище для ее старых друзей. Внезапно ее осенило, и она с радостным криком побежала в комнату к миссис Чилтон.

– Тетя, тетя! – восклицала она. – У меня замечательная идея! Я тебя предупреждала, что у меня непременно откроется какой-нибудь талант. И вот, послушай! Я получила письмо от мисс Уэтербай. Это касается миссис Кэрю. Им хочется провести время где-нибудь в провинции, и вот они спрашивают, не подскажу ли я им какой-нибудь дом в нашем городе. В отеле они жить не хотят. Я уже всех перебрала, и все не то. Может быть, ты, тетя Полли, что-то мне подсказала бы?

– Да повзрослей же ты, Поллианна! Тебе не двенадцать лет. Ты почти женщина. Объясни мне вразумительно, о чем идет речь.

– Речь идет о летнем пристанище для миссис Кэрю и Джейми. Я его уже нашла!

– Ну а почему ты думаешь, что мне это так уж интересно?

– А потому что это должен быть наш дом. Мы непременно должны устроить их у себя!

– Поллианна! – воскликнула тетя Полли почти в ужасе.

– Ну тетя, прошу тебя, не отказывай им! – упрашивала Поллианна. – Это такая возможность. Можно было только мечтать о таком случае! А тут он сам идет в руки. Мы же их чудесно устроим. У нас много комнат. Ты знаешь, что я научилась готовить и хозяйничать. И потом они очень щедрые люди и, конечно, хорошо заплатят. Они приедут втроем – с ними еще секретарь.

– Нет, Поллианна, я не могу! Превращать мой дом в гостиницу! Частный пансион Харрингтон, дожили, нечего сказать! Нет, я отказываюсь наотрез.

– Но это не пансион, тетя. Это друзья! Это дорогие гости – в обоих, между прочим, смыслах. Они нам помогут свести концы с концами. Понимаешь, нужные нам деньги уже у нас в руках.

Боль уязвленной гордости запечатлелась на лице у миссис Чилтон.

– Но я не смогу заботиться о них! – тихо произнесла она наконец. – А ты заблуждаешься, если думаешь, что одна сумеешь обслужить троих. Да еще больной юноша!

– Но я буду не одна! – запальчиво говорила Поллианна, торжествуя, что выигрывает дело. – Я буду только готовить для всех, а для остального мы пригласим одну из младших сестер Нэнси! Ну а стирать будет сама миссис Даргин, как и сейчас.

– Но Поллианна, все равно главная забота ляжет на меня. А я теперь совершенно не в силах.

– Нет, мы тебя от всего освободим, кроме приятного общения и подписания денежного контракта. Понимаешь, у меня в руках деньги!

– У нее в руках деньги! Когда ты научишься понимать простые жизненные закономерности? Никто не платит большие деньги просто так. И уж если люди заплатили что-то, то потом они самым беспощадным образом будут цепляться к любой мелочи. Когда тебе придется побегать и покрутиться на кухне и когда ты почувствуешь, что с ног сбилась, угождая твоим гостям во всем, от яичка из-под курочки до хорошей погоды, тогда ты попомнишь мое слово.

– Непременно попомню, тетя Полли! – отшучивалась Поллианна. – Но думаю, что ты, как обычно, сгущаешь краски. Словом, мне надо поскорее написать ответ мисс Уэтербай и передать письмо Джимми Бину, когда он днем забежит ко мне по дороге на почту.

Миссис Чилтон поморщилась:

– Поллианна, тебе следует называть этого юношу его настоящим именем. А то это Бин постоянно приводит меня в дрожь. Сейчас он, насколько мне известно, носит имя Пендлтон.

– Да, но я все время забываю. В глаза я, правда, чаще называю его Пендлтоном, но мне это не по душе. Ведь он не сын, а только усыновленный... Но до чего же я рада, что все решилось! – проговорила она, кружась по комнате.

Письмо было написано до того, как в четыре часа появился Джимми. Поллианна была в радостном возбуждении и не преминула рассказать Джимми о том, что вызвало написание письма.

– Я безумно хочу их увидеть! Я еще с той зимы не видела никого из них. Я ведь говорила тебе, помнишь? О Джейми...

- Да, разумеется, – ответил Джимми безо всякой радости в голосе.
- Разве не чудесно будет, если они приедут?
- Я не знаю, так ли это для меня чудесно, – парировал Джимми.
- Ну а то, что я хоть немного смогу помочь тете Полли? По-моему, уже это само по себе замечательно. Ты не находишь, Джимми?
- Неужели я должен радоваться, что тебе придется пол-лета гнуть спину? – В голосе юноши прозвучало едва скрываемое возмущение.
- Ну разве жаль потрудиться за хорошие деньги? Видишь, какая я расчетливая! Не дав сразу ответа, Джимми чуть погодя спросил:
- Послушай, а сколько ему теперь лет, этому Джейми?
- Поллианна метнула на него озорной взгляд и весело заулыбалась:
- Да, я помню, что тебе всегда не нравилось это имя – Джейми. Но, наверно, полное его имя другое – или ты можешь звать его Кэрю.
- Ты, между прочим, не сказала мне, сколько ему лет.
- Видишь ли, точно этого никто не знает. Но можно предположить, что вы с ним ровесники. Я не знаю, что с ним сейчас, как его здоровье. Я про это спросила в письме.
- Да, конечно. – Джимми злобно глянул на конверт. Ему хотелось выкинуть его по дороге, разорвать, кому-нибудь отдать или еще что-то такое с ним сделать, только бы не отдавать на почту.

Джимми сознавал, что он откровенно ревнует. Да еще это имя, которое так похоже на его имя. Что никакой чувственной любви между ним и Поллианной не может быть, он отлично знал. Но он не желал, чтобы этот незнакомец со слащавым именем появлялся в Белдингсвиле, и Джимми готов был омрачить дни его пребывания тут. Он даже чуть не сказал об этом Поллианне, но вовремя удержался. Взяв с собой ее письмо, он удалился.

Свидетельством тому, что Джимми не выкинул, не разорвал и никому не отдал письмо Поллианны, было то, что довольно скоро Поллианна получила долгожданный ответ от мисс Уэтербай. И когда Джимми пришел к ней в следующий раз, она прочитала ему это ответное письмо. Вернее, прочитано было лишь кое-что, а в основном Поллианна пересказывала содержание письма своими словами.

– В первой части она говорит, что рада, что они у нас будут, ну и все такое. Я это не буду читать. А дальше тебе интересно будет послушать, поскольку ты их уже, можно сказать, знаешь с моих слов. И потом ты ведь скоро лично с ними познакомишься. Я рассчитываю на твою помощь в том, чтобы помочь им хорошо провести время.

– Ну что ж, я весь к вашим услугам или чьим там услугам, – саркастически отвечал Джимми.

– Не злись, Джимми. Я знаю, что тебе не нравится имя Джейми. Но я верю, что его самого ты полюбишь.

– Ну это еще вопрос. Однако будем надеяться. По крайней мере, с этой леди мы могли бы поладить.

– Да, конечно! Давай я тебе о ней прочитаю. Это письмо от ее сестры из санатория.

– Отчего бы и не послушать? Валяй!

И Поллианна, заметив его неподдельный интерес, с заговорщической улыбкой извлекла из конверта листок.

Ты просишь меня написать обо всех и о каждом в отдельности. Дело это непростое, но я постараюсь выполнить твою просьбу. Начну с того, что ты увидишь, насколько моя сестра переменилась. За те шесть лет, что она живет новыми интересами, с нею произошли просто чудеса. Правда, сейчас она выглядит несколько худой и утомленной, поскольку возложила на себя непосильные обязанности, но хороший отдых быстро ее восстановит, и ты увидишь, какая это теперь молодая, цветущая и счастливая женщина. Определение «счастливая» не скажет тебе того, что оно говорит мне. Когда ты приехала к ней в Бостон, ты была еще слишком юной, чтобы оце-

нить, насколько той зимою она была несчастна. Она тогда жила через силу, попросту говоря, влачила безрадостное существование. Теперь же ее жизнь полна интереса и счастья.

Не следует никому теперь говорить с ней о том, приходится ей или нет Джейми родным человеком. Она любит его как сына, и, по документам, он теперь ее сын. Впрочем, ты все это сама знаешь и понимаешь.

Теперь она еще и помогает молоденьким девушкам. Помнишь, ты познакомила ее с продавщицей Сейди Дин? Она помогла ей хорошо устроиться, но этим дело не кончилось. Она приняла на себя заботу о нескольких десятках таких же молодых девушек. Она для них всех просто добрый ангел. Руфь открыла Дом работающих девушек. Ей помогают еще пятеро состоятельных мужчин и женщин, поуправляет всем этим она сама. И каждой из этих девушек она готова отдать себя всю без остатка. Ты сама понимаешь, каким нервным напряжением это оборачивается. Но, к счастью, у нее есть деятельный секретарь, ее правая рука. Ты не догадываешься, кто это? Все та же самая Сейди! Она, конечно, изменилась за эти годы. Но ты без труда узнаешь в ней прежнюю Сейди. А вот Джейми... Бедняга Джейми. Теперь он сам знает, что никогда не будет ходить. Еще недавно у нас были какие-то надежды. Он целый год жил в нашем санатории, доктор Эймз много им занимался. Он стал передвигаться, опираясь на костыли, но дальше этого не пошло. И только в этом смысле можно назвать его калекой. Он держится так свободно и непринужденно, что люди забывают о его недуге. Это человек с очень свободной душой. Тебе ведь не надо объяснять, что я вкладываю в эти слова. Мальчишеская заинтересованность и жизнерадостность остались и у взрослого Джейми. Только одно теперь могло бы погасить в нем этот восторженный дух и ввергнуть в отчаяние – это если каким-то образом выяснится, что он не настоящий Джейми Кент, не наш с Руфью племянник. Мне все больше верится, что он тот самый, а если нет, то все равно это никогда уже не выяснится.

– Ну вот, как будто бы я тебе прочитала все, что относится к ним. – Поллианна сложила мелко исписанные листки. – Правда ведь, это очень интересно?

– Однако же! – В голосе Джимми звучало теперь сочувствие. Джимми вдруг подумал о том, какое счастье для человека, что у него на месте руки и ноги. Он теперь одобрял, что Поллианна отдает ему часть своей души, потому что многим ли он такой нужен? – Тяжело ему, бедняге!

– Тяжело! Ты мало что в этом понимаешь, Джимми Бин. Я все-таки понимаю больше, потому что сама могла остаться калекой.

– Да, конечно, конечно! – хмурился юноша, читая в глазах Поллианны сострадание к Джейми. В душе он все еще не очень хотел, чтобы в город приезжал этот парень, из-за которого Поллианна вдруг так могла преобразиться!

20. ГОСТИ БУДУТ ПЛАТИТЬ

Все дни накануне приезда «этих ужасных людей», как называла тетя Полли навязанных ей племянницей гостей-пансионеров, были для Поллианны заполнены делами, но одновременно это были для нее счастливые дни, так что она не падала духом, не роптала, не терялась перед возникавшими на каждом шагу трудностями.

Призвав к себе на помощь Нэнси и ее младшую сестру Бетти, Поллианна обходила все комнаты, наводя повсюду порядок и уют. Что касается тети Полли, то она почти не участвовала в этих приготовлениях. Во-первых, она плохо себя чувствовала. Во-вторых, у нее было весьма скептическое отношение ко всей этой затее, ей еще казалось, что этим ставится под угрозу честь фамилии и рода, и то и дело она вздыхала:

– Ох, Поллианна, во что же превратится поместье Харрингтон?

– Но ведь в поместье Харрингтон приезжает не кто-нибудь, а Кэрю! – со смехом отвечала Поллианна.

Но развеселить тетю Полли было трудно, все время она чувствовала себя обиженной или оскорбленной, и Поллианна была вынуждена оставить ее наедине со своими тревогами.

В назначенный для приезда день Поллианна вместе с Тимоти (он принял теперь в собственность всех лошадей поместья Харрингтон) отправились на станцию встречать дневной поезд. До последних минут в сердце Поллианны не было ничего иного, кроме радостных надежд. Но, как только раздался свисток паровоза, в ней проснулись сомнение, робость и страх. Ей вдруг

подумалось, что она одинока и беспомощна. Тетя Полли с ее нездоровьем и прихотями будет во всем только помехой. Вспомнила она и о том, что Джейми теперь молодой человек и едва ли похож на того мальчика, с которым она общалась в Бостоне.

В какой-то момент она даже почувствовала желание куда-нибудь скрыться, уклониться от встречи.

– Тимоти, я, кажется, заболеваю. Сделайте как-нибудь, чтобы это все без меня... – бормотала она, собираясь отойти от поезда.

– Мэм! – воскликнул удивленный Тимоти.

Стоило только Поллианне взглянуть теперь на Тимоти, и все ее страхи как рукой сняло. Она засмеялась и вновь почувствовала себя легко и свободно.

– Все прошло. Прости меня, Тимоти. Смотри, они должны быть вон в том вагоне.

Она узнала их сразу же. А костыли в руках высокого темноволосого юноши развеяли последние сомнения.

После долгих рукопожатий и восклицаний она не заметила, как оказалась на заднем сиденье экипажа рядом с миссис Кэрю. Джейми и Сейди Дин расположились впереди. Теперь она могла спокойно разглядывать своих старых друзей, отмечая перемены, произошедшие в них за шесть последних лет.

Миссис Кэрю вызвала в ней, пожалуй, удивление. Она забыла, что миссис Кэрю так миловидна. И забыла уже, какие у сестры Деллы Уэтербай длинные ресницы и как они подчеркивают выразительные глаза. Она подумала с завистью, что у нее как раз одно из тех лиц, которые выдержали бы этот ужасный тест на красоту. Но особенно удивило Поллианну то, что в ее лице не было больше ничего мрачного и тоскливого.

Потом она повернулась к Джейми. Тут она была удивлена еще больше. Он стал просто красивым. Поллианна про себя подумала, что у него очень значительное лицо. Темные глаза, черные вьющиеся волосы, обрамлявшие бледное лицо, казались Поллианне необычайно привлекательными. Потом ее взгляд упал на костыли, поставленные в углу экипажа, и болезненная жалость охватила все ее существо.

От Джейми она перешла к Сейди Дин. Внешне девушка не так уж сильно изменилась по сравнению с тем, как она выглядела тогда, в Общественном саду. Но прическа, костюм, манера держаться, речь – все было совершенно другое.

Джейми первый прервал молчание:

– Как хорошо, что ты устроила нас у себя. Знаешь, о чем я подумал, когда ты написала, что мы остановимся в вашем доме?

– Нет, разумеется, нет, – говорила Поллианна, а сама смотрела на костыли в углу экипажа и мучилась жалостью.

– Я подумал про маленькую девочку в Общественном саду с полной сумкой арахиса для сэра Ланселота и леди Джиневры, и вот теперь ты ставишь нас на место белочек. Ты ведь, если у тебя есть сумка, полная арахиса, а у других нет, не сможешь быть счастливой, пока не поделишься с другими тем, что имеешь.

– Ты помнишь эту сумку с арахисом!

– Да, а теперь эта сумка с арахисом обернулась прохладными комнатами в загородном доме, парным молоком, яйцами из-под несушки, – весело разглагольствовал Джейми. – Но, по сути, это все то же самое. И еще я должен тебя предупредить... Ты помнишь, как был прожорлив сэр Ланселот?

– Да, я все постараюсь учесть! – усмехнулась Поллианна и подумала о том, какое счастье, что тетя Полли не слышит этого, не то она подумала бы, как рано оправдываются худшие ее опасения. – Бедный сэр Ланселот! Вряд ли его теперь кто-то покормит, да и едва ли он еще живет в саду.

– Если сэр Ланселот по-прежнему живет в саду, то, будь уверен, что он сыт! – весело вступила в разговор миссис Кэрю. – Там раз в неделю разъезжает на велосипеде один чужак. У него карманы битком набиты арахисом, и он его рассыпает по всем тропинкам.

– Да, но позволь теперь мне! – перебил ее Джейми. И Поллианна вновь слушала с восхи-

щением старую историю про двух белочек в залитом солнцем саду. А потом она воочию увидела то, о чем писала ей Делла. Джейми подхватил костыли и с помощью других стал неуклюже выбираться из экипажа. Острый приступ жалости овладел Поллианной, но уже через десять минут юноша сумел заставить ее позабыть про его состояние.

Первая встреча тети Полли с миссис Кэрю, к счастью, прошла лучше, чем ожидала Поллианна. Приезжие так восторгались домом и всей его обстановкой, что хозяйке пришлось поневоле переменить свое мнение о них. И кроме того, прирожденное обаяние и магнетизм Джейми начинали растапливать ледяную стену недоверия, которой оградилась от окружающих миссис Чилтон.

Главная причина беспокойства Поллианны была, таким образом, устранена. Тетя Полли представляла перед гостями величавой, но вместе с тем и весьма любезной хозяйкой своих угодий.

Но перемена в настроении тети Полли еще не освобождала Поллианну от всех обязанностей, которые она на себя приняла. Ей приходилось работать, и много работать. Хотя сестра Нэнси Бетти была и добродушной, и работающей, все же ей было далеко до сноровки старшей сестры. Ей еще надо было учиться хозяйничать, а на это требовалось время. Поллианне все время казалось, что все идет не так, как надо. Там невытертая пыль осталась на мебели, там кусок пирога упал со стола на пол.

Но миссис Кэрю и Джейми стали ее укорять за то, что она выходит из себя по мелочам. И убедили ее: в их глазах преступление и трагедия не в том, что забыли вытереть пыль или уронили пирог, а в том, что Поллианна часто сердится, хмурится и гневается.

Если ты будешь убивать себя заботами, – заявил однажды Джейми, – то, боюсь, мы здесь надолго не останемся.

– И потом нас закармливают, – поддержала разговор миссис Кэрю. – Одна из моих «работающих девочек» в таких случаях говорит, что ей устраивают несварение.

Все трое постояльцев на удивление легко вошли в привычный ритм жизни маленького городка и поместья Харрингтон. На следующий день миссис Чилтон уже задавала миссис Кэрю множество вопросов о том, как организован ее дом для девушек. А Джейми и Сейди Дин тем временем помогали вылушивать горох и составлять букеты.

Через неделю после прибытия гостей к миссис Кэрю зашли Джон Пендлтон и Джимми. Поллианна все время их ждала. Знакома их, она проговорила:

– Вы все мои замечательные друзья. И вот я хочу, чтобы вы как следует познакомились и подружились между собой!

То, что Джимми и мистер Пендлтон были под огромным впечатлением от красоты и манер миссис Кэрю, не удивило Поллианну. Но время от времени Джимми бросал на бостонскую гостью такой взгляд, что это как раз очень удивляло и настораживало. Это был такой взгляд, как будто бы он спустя много лет увидел старую знакомую.

– Скажите, мистер Пендлтон-младший, – обратилась к Джимми миссис Кэрю, – а мы прежде нигде с вами не могли встречаться?

Юноша какое-то время пристально и с восхищением присматривался к ней.

– Я думаю, что нет, – с улыбкой ответил он наконец, – потому что если бы мы встречались, то я бы этого не забыл.

Какая-то значительность прозвучала в его словах.

– Я рад, что мой глупыш умеет ценить прекрасное! – заметил Джон Пендлтон.

Миссис Кэрю слегка смутилась, а потом рассмеялась вместе с другими.

– Шутки шутками, – продолжала она, – но все-таки ваше лицо мне кажется странно знакомым. Если даже мы и не общались, то все же я наверняка вас где-то видела.

– Все могло быть! – вмешалась Поллианна. – Джимми ведь наезжал в Бостон несколько зим подряд. Он, знаете, кем хочет быть? Когда он вырастет, он будет строить мосты и плотины. – Она веселым взглядом смерила его высокую фигуру.

Все опять засмеялись. Не смеялся только один Джейми. Что-то резко переменялось в выражении его лица. И первой эту перемену заметила Сейди Дин. Сейди также заметила, что раз-

говор теперь касался не только книг, цветов, животных и птиц – всего того, что любил и понимал Джейми, но теперь он затронул плотины и мосты, которыми Джейми никогда не интересовался.

Когда встреча окончилась и Пендлтоны стали собираться домой, миссис Кэрю вновь поймала себя на мысли, что где-то она видела юного Пендлтона.

«Где-то я определенно его видела, – размышляла она про себя, – конечно, это могло быть в Бостоне, но в то же время... – Мысленно произносимая фраза повисла в воздухе. – Просто очень приятный и красивый юноша, и он мне понравился».

О том же самом она сказала Поллианне и очень ее этим обрадовала:

– Вот и чудесно! Мне он всегда так нравился.

– А ты, Поллианна, давно его знаешь? – спросил Джейми несколько задумчиво.

– О да! Я его встретила еще в детстве. Его тогда звали Джимми Бином.

– Джимми Бин? Так, значит, он не сын мистера Пендлтона? – удивленно спросила миссис Кэрю.

– Он его приемный сын.

– Приемный! Значит, у нас с ним похожая судьба? – обрадованно воскликнул Джейми.

– Дело в том, – стала объяснять Поллианна, – что мистер Пендлтон никогда вообще не был женат. Он хотел, но из этого ничего не вышло! – Поллианне трудно было говорить об этом равнодушно. Ведь женщиной, которую любил Пендлтон и которая отказала ему, была ее мать. Получалось, что отчасти она была виновна в том, что он столько лет жил безрадостной жизнью холостяка.

Но миссис Кэрю и Джейми ничего об этом не знали. Они сделали свое заключение о том, почему девушка смутилась и покраснела. Каждый из них подумал, что, может быть, этот молодой человек полюбил Поллианну.

Конечно, ничего такого не было сказано вслух. Но эти мысли затаились в глубине сердца и рано или поздно должны были выйти на свет.

21. ЛЕТНИЕ ДНИ

Накануне приезда гостей Поллианна говорила Джимми, что надеется на его помощь в их обустройстве. Вначале он не проявил желания быть помощником в этом, но через две недели он весьма охотно принялся за дело. Он бывал в Харрингтоне по несколько раз в день, так что лошади стояли в конюшне усталые, а мотоцикл нуждался в починке.

Между ним и миссис Кэрю завязалась настоящая дружба, основанная, как казалось им обоим, на взаимной симпатии. Они выходили вместе на прогулки и разговаривали, Джимми обещал приезжать в Бостон и помогать в доме работающих девушек. Что касается Джейми, то ему уделяла много внимания хозяйка дома. Одна только Сейди Дин оставалась без внимания. Она гуляла в одиночестве и как будто постоянно о чем-то думала. Миссис Кэрю подозревала, что она вынашивает мысли о замужестве.

Не только Джимми постоянно навещался теперь в Харрингтон. Весьма часто вместе с ним приходил и Джон Пендлтон. Начались прогулки на автомобиле и лошадях, увлекательные вечера на веранде Харрингтона с чтением и играми.

Поллианна от души радовалась. Ее гости-постояльцы не маялись без дела и не скучали. Ее любимые друзья Кэрю подружились с другими ее любимыми друзьями Пендлтонами. И она, как курица с цыплятами, носилась со своими планами, как бы еще теснее их сблизить и сделать счастливыми.

Конечно, ни Кэрю, ни Пендлтоны не были довольны тем, что Поллианна наблюдает за

ними как бы со стороны, им хотелось бы видеть ее в центре внимания. Порой она откликалась на их призывы, а иногда ссылалась на свои обязанности.

– Хватит уже возиться с твоими замороженными пирогами! В такое утро нельзя сидеть дома. Поедем с нами на пикник!

– Но, Джейми, я не могу. Честное слово!

– Почему же? Тебе же не надо возиться на кухне, потому что мы обедаем не дома.

– Но все-таки на вечер...

– А мы пробудем до вечера! И ты проведешь весь день с нами!

– Но, Джейми, мне надо заморозить пирог.

– Я больше люблю свежий.

– Ну надо еще везде вытереть пыль.

– Подумаешь, подождет до завтра!

– Да, кстати, мне нужно все подготовить к завтрашнему дню.

– Утром мы обойдемся молоком и крекером. Лучше молоко и крекер с тобой, чем всякие деликатесы без тебя!

– Но я еще не перечислила и половины того, что мне надо переделать.

– А я даже не хочу слушать. Иди собирайся. Бетти говорила мне, что она сама со всем управится.

– Ну, мой хороший, пойми, что я не могу, – говорила Поллианна, высвобождая свою руку из его. – Я не могу с вами отправиться на пикник!

Но ей пришлось. И не только теперь, но и в дальнейшем она стала делить все развлечения новой компании. Она никак не могла устоять, потому что ее уговаривал не только Джейми, но и Джимми, и мистер Пендлтон, не говоря уже о миссис Кэрю и Сейди Дин. Даже тетя Полли стала уговаривать ее почаще выбираться из дома.

– Конечно, я рада, что буду выходить! – счастливо вздохнула она, когда большая часть ее тяжелой работы была переложена на плечи других. – Но, право, еще никогда ни у кого не было таких постояльцев, которые довольствуются молоком, крекерами и холодными закусками; и никогда еще не было такой хозяйки, которая развлекается наравне с гостями.

И вот Джон Пендлтон (тетя Полли не уставала утверждать впоследствии, что это был именно Джон Пендлтон) предложил, чтобы все отправились на две недели в поход на маленькое озеро в горах, расположенное в сорока милях от Белдингсвиля.

Все с восторгом подхватили это предложение. Все, за исключением тети Полли. Она заявила, что, конечно, рада тому, что Пендлтон уже не тот мрачный отшельник, каковым он был многие годы, но что едва ли следует радоваться, когда он ведет себя подобно двадцатилетнему мальчишке. Потом она во всеуслышание заявила, что не согласится ни на какое путешествие. Ночевать на сырой земле и питаться букашками и паучками – это не для женщины, которой за сорок.

Возможно, Джон Пендлтон был уязвлен ее словами, однако не показывал вида. Разговоры о походе не прекратились. Конечно, жаль, что тетя Полли настроена против, но ведь нельзя же из-за нее расстраивать такой замечательный план.

– Но зато как хорошо, что миссис Кэрю не отказалась участвовать! – непринужденно воскликнул Джимми.

В течение недели все разговоры велись вокруг палаток, провианта, автомобиля, рыболовных снастей, и все дела тоже сводились главным образом к приготовлениям.

– А давайте одичаем в полном смысле слова! – весело шутил Джимми. – Будем есть букашек и пауков, как сказала миссис Чилтон. – Он озорно заглянул в суровые глаза хозяйки дома. – И никаких диванных, столовых, гостиных! Мы будем разводить костры, печь картошку, жарить орешки и рассказывать всякие истории.

– И еще будем плавать, грести, удить! – подхватила Поллианна. – И... – она запнулась, посмотрев на Джейми. – Нет, конечно, не все время только это. Есть и другие развлечения – читать, говорить.

Джейми побледнел, нахмурился. И тут пришла на помощь Сейди Дин.

– Да, мы как только разобьем лагерь, сразу устроим соревнование, кто больше наловит рыбы. Мы были прошлым летом на Майне, и миссис Кэрю поймала там такую рыбку... Расскажи! – обратилась она к Джейми.

Джейми усмехнулся и помотал головой:

– Они не поверят, скажут – рыболовная байка.

– А ты нас убеди! – подзадоривала его Поллианна. Джейми продолжал мотать головой, но он заметно повеселел, к нему вернулся румянец. Посмотрев на Сейди, Поллианна удивилась, с каким видом облегчения та вернулась на свое место.

В назначенный день компания отъехала от городка в большом туристском автомобиле, принадлежавшем Джону Пендлтону. За рулем сидел Джимми. Поднялся шум, на улицах люди хором кричали: «До свидания! Счастливого пути!» Джимми весело засигналил.

Впоследствии Поллианна часто возвращалась в мыслях к той первой ночи в походном лагере. Этот новый опыт был замечателен во многих отношениях.

К половине четвертого сорок миль пути были преодолены. В четыре часа большая машина с трудом выехала на лесную просеку, не предназначенную для шестицилиндровых автомобилей. И для машины, и для того, кто вел ее, этот участок пути оказался самым трудным. Но беспечные пассажиры мало думали о колдобинах и трясине. Им было весело сворачивать во все более узкие просеки и объезжать низко нависавшие ветки.

Место для лагеря указал Джон Пендлтон. Он нашел его и страшно обрадовался.

– Как тут замечательно красиво! – хором воскликнули все.

– Я рад, что вам нравится. Это как раз то, что нам надо. Я, признаться, беспокоился, потому что места иногда меняются до неузнаваемости. Конечно, и тут немного поросло кустами, но мы быстро все приведем в порядок.

И все принялись за работу: расчистили площадку, установили две небольшие палатки, разгрузили машину, натаскали хворост для костра, разобрались с провиантом.

Поллианна все пристальнее наблюдала за Джейми и уже начала за него беспокоиться. Она понимала, что и на ровном месте не всегда легко управляться с костылями, а тут на каждом шагу были пригорки или впадины. И вместе с тем она видела, что, хотя он неуверенно ступал по земле на своих костылях, Джейми все же старался работать наравне со всеми. Это беспокоило Поллианну. Однажды она подскочила к нему и вырвала из его рук тяжелый ящик, который он собирался нести.

– Дай-ка я его донесу. Ты уже сделал достаточно, Джейми. Поди присядь, отдохни немного. Ты выглядишь утомленным.

Если бы она внимательно посмотрела на него, она заметила бы, что он в этот момент покраснел от смущения. Но она ничего не заметила. Зато она с удивлением увидела, как через минуту появилась Сейди Дин, нагруженная несколькими ящиками.

– Ой, мистер Кэрю, помогите мне все это дотащить!

И тут Джейми поднялся с места и, подхватив непонятно каким образом два ящика, запрыгал на костылях к палаткам.

Поллианна с удивлением и протестом взглянула на Сейди, но та улыбнулась, прикладывая палец к губам.

– Ты разве не видишь? Он страдает, когда ты даешь ему понять, что он не такой, как другие? Посмотри, как он теперь счастлив!

Поллианна посмотрела и увидела, как Джейми с победным видом, балансируя на одном костыле, опускает на землю свою ношу. Потом она услышала, как он кому-то объяснял:

– Вот это вам передает мисс Дин. Она попросила, чтобы я вам принес.

– Да, я поняла! – сказала Поллианна, обращаясь к Сейди, но та уже успела удалиться.

Поллианна все чаще следила за Джейми, стараясь при этом остаться незамеченной. И порой сердце у нее обливалось кровью. Два раза случалось так, что он не справлялся со своей ношей и падал. Сперва это было, когда он поднял тяжелый ящик, а в другой раз – когда понес складной стол, слишком громоздкий, чтобы нести одновременно и его, и костыли. И каждый раз он оглядывался, не смотрят ли на него. Он выглядел при этом очень усталым, его лицо казалось

бледным и изможденным.

«Все-таки мы напрасно все это затеяли. Как он вынесет эту бивачную жизнь со своими костылями? Надо было подумать о нем, прежде чем все затевать», – думала Поллианна, и на глаза ей наворачивались слезы.

Но часом позже, когда компания, поужинав, расположилась у костра, когда перед глазами у Поллианны заиграло пламя, а за спиной сгустились сумерки, она подпала под обаяние рассказов Джейми и начисто забыла про его костыли.

22. ТОВАРИЩИ

Они составили замечательную компанию. Их было шестеро, и у них была одна душа. Казалось, что каждый день будет приносить новые радости, и едва ли не высшей радостью было то, что они стали настоящими товарищами в той новой жизни, которая началась для них.

Как-то вечером Джейми обратился к Поллианне:

– Вряд ли и за год городской жизни мы бы так узнали друг друга, как за эту неделю в лесу.

– Да, а почему так? – спросила миссис Кэрю, наблюдая за игрой огня.

– А просто это в воздухе! – счастливо вздохнула Поллианна. – Это все творят небо, дере-

вья, озеро.

– Ты хочешь сказать, что мир здесь сузился, – воскликнула Сейди (она одна из всех всерьез отнеслась к умозаключению Поллианны и не засмеялась с другими). – Просто здесь все такое реальное и подлинное, что мы все стали самими собой. Не тем, что думает про нас мир, считая, что мы богатые или бедные, великие или убогие, а просто теми, какие мы есть.

– Хо! – беззаботно подшучивал Джимми. – Вы все очень красиво говорите, но главное, по-моему, то, что никакие мистеры Тома, Дики и Гарри на своих порогах и верандах не обсуждают каждый наш вздох и не интересуются, что мы делаем, зачем мы это делаем и как долго мы тут проторчим.

– Ох, Джимми, как же ты умеешь перечеркнуть всю поэзию! – с укоризной проговорила Поллианна.

– Мне положено быть рациональным. Как я смогу строить плотины и мосты, если не буду видеть в водопадах ничего, кроме поэзии?

– Но ведь мост тоже должен быть поэзией, Пендлтон, – провозгласил Джейми столь торжественно, что у костра все замолчали.

Наконец в разговор вступила Сейди:

– А мне нужен просто водопад, а все эти сооружения – они только портят вид.

Все рассмеялись, и напряжение удалось разрядить. Потом миссис Кэрю посмотрела на часы:

– Ребята! Вы знаете, что я строгая пожилая дама. Пора спать!

И все, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по палаткам.

Так летели дни. Это были чудесные дни для Поллианны; и самое чудесное было ощущение тесного, замкнутого круга, где все люди не похожи один на другого, но вместе выходит замечательно.

С Сейди Дин Поллианна много говорила о новом девичьем доме и о том, какая замечательная работа у миссис Кэрю. Вспомнили и о ранней юности Сейди, когда она за прилавком торговала бантами, и какое участие приняла в ее судьбе миссис Кэрю. Теперь пожилые родители Сейди благодаря помощи дочери жили в покое и достатке.

– И ведь все это потому, что на свете есть ты! – сказала она, обращаясь к Поллианне.

Но Поллианна помотала головой:

– Чепуха! Это исключительно заслуга миссис Кэрю.

Поллианна и с миссис Кэрю много говорила о девичьем доме и о том, как там помогают молодым работницам. Однажды во время одной из вечерних прогулок миссис Кэрю стала доверительно рассказывать о своей жизни. И она тоже, как и Сейди, заметила: «И ведь это все ты, Поллианна, все началось с тебя!» Но Поллианна не хотела долго выслушивать похвалы в свой адрес и перевела разговор на Джейми.

– Он очень мне дорог, – отвечала миссис Кэрю. – Я его люблю как сына. Едва ли я лучше относилась бы к нему, если бы он точно был сыном моей сестры.

– Вы все-таки думаете, что он...

– Я не знаю. Ведь нет никаких доказательств. Иногда я думаю, что он тот самый Джейми. А иногда сомневаюсь. Сам он, наверно, верит, что он мой – спасибо его золотому сердцу. Вообще-то несомненно одно – что у него хорошие корни. Он ведь и в бедности не был просто уличным мальчишкой, в нем с самого начала заметна была одаренность. А как ему легко все дается!

– Конечно. И вы уже так давно вместе, что, пожалуй, неважно, тот он Джейми или другой Джейми.

Миссис Кэрю вдруг погрузилась. На ее лице отразилось душевное страдание.

– С ним у нас все хорошо. Но иногда меня мучит вопрос: а если он другой Джейми, то где же тот? Здоров ли он? Счастлив ли? Любят ли его? И вот когда я начинаю так думать, я делаюсь сама не своя. О, я бы все отдала, чтобы быть уверенной, что наш Джейми – это и есть тот самый Джейми Кент.

Из разговоров с самим Джейми становилось ясно, что он почти поверил в свою родственную связь с миссис Кэрю, но что и его иногда мучит сомнение.

– Я это чувствую где-то на самом дне души, – говорил он Поллианне, – и я верю, что я Джейми Кент. Но иногда мне становится страшно. Если вдруг выяснится, что существует настоящий Кент, а я совсем другой, то я просто этого не перенесу. Представляешь себе, она всю себя отдала мне, а потом оказывается, что я чужой.

– Но она любит тебя, Джейми. Не это ли главное?

– Но мне больше всего от того, что ей может быть больно. Ей ведь хочется, чтобы я был тот самый Джейми. Мне как-то теперь надо себя проявить, понимаешь? Чтобы она стала гордиться мной. Мне надо как-то утвердиться по-мужски. Но ты же видишь? – И он с горечью кивнул в ту сторону, где лежали его костыли.

Поллианна была удручена. До сих пор он держался свободно и уверенно, а теперь опять вернулась та незащищенность, которая была в мальчике, кормившем белочек и птиц на аллее. Ей хотелось что-то сказать ему в утешение, но как только она сумела подобрать нужные слова, он уже опять сделался веселым и беззаботным, как прежде.

– Забудь все, что я тут говорил. Я это зря... Я вспомнил нашу игру и решил, что эти костыли – моя радость. Ведь насколько лучше ходить на костылях, чем передвигаться в инвалидном кресле!

– А у тебя еще цела Книга радостей? – осторожно спросила у него Поллианна.

– Разумеется! У меня еще целая полка этих книг. Они все в бордовых кожаных переплетах, кроме той, самой первой. Это та маленькая записная книжка, которую подарил мне Джерри.

– Да, я все собиралась у тебя про него спросить. Как он?

– Он в Бостоне. У него все такой же оригинальный лексикон, но он понимает, что его словечки не везде можно употреблять, и научился смягчать выражения. Работает в газете. Он теперь не продает газеты, а печатается в рубрике новостей. В общем, стал репортером. Я могу помогать им с мамзи. Знаешь, ее устроили в санаторий. Лечат ее ревматизм.

– Ей лучше?

– Гораздо лучше. Скоро она вернется домой, будет вести хозяйство. А Джерри будет наверстывать упущенное в школьные годы. Я ему помогаю, но он подчеркивает, что берет у меня в долг. Поставил такое условие и ни на какие уговоры не идет.

– Ну что ж! Я его понимаю. Тяжело брать займы, когда нечем расплатиться. Я бы тоже хотела помочь тете Полли, которая столько для меня сделала.

– Но ведь ты помогла ей этим летом.

Поллианна весело вскинула брови.

– Да, я нашла ей постояльцев на лето. – Она обвела рукой место, где стояли палатки. – Я ведь неплохо хозяйничаю, правда? А она не верила, что я это смогу. И у нее было столько предубеждений против постояльцев.

– А что?

– Не стоит теперь про это. Она ведь теперь уже вами очарована. А зимой я тоже буду ей помогать. Я придумала как. Я буду писать рассказы.

Джейми пришел в некоторое недоумение:

– То есть как?

– Писать и публиковать. Чтобы мне платили. Чему ты так удивляешься? Ведь очень многие пишут и печатаются. У меня были две знакомые девушки в Германии, они писали рассказы.

– А ты уже пробуешь?

– Ну... Пока нет. – И чтобы отвести дальнейшие расспросы, она добавила: – Я же сказала тебе, что сейчас я занимаюсь хозяйством. Нельзя одновременно писать и заниматься хозяйством.

– Да, конечно, нельзя.

Поллианна бросила на юношу укоризненный взгляд:

– Ты не веришь, что у меня может быть дар?

– Нет, я этого не говорю.

– Но я вижу, что ты сомневаешься. Ведь есть певцы со слабым голосом, а все же они учатся и начинают петь. Или музыканты.

– Мне все же кажется, что это не совсем так, – глухо отозвался Джейми и отвел глаза.

– Ты хочешь сказать, что карандаш и бумага – это не то, что фортепьяно и скрипка?

Он помолчал с минуту и ответил так же тихо, продолжая смотреть в сторону:

– Твой инструмент, Поллианна, должен быть огромное сердце Вселенной. И главное для тебя научиться. И тогда мир откликнется на твоё слово смехом и слезами.

Поллианна вздохнула, и в глазах у неё сверкнули слезы.

– Ах, Джейми, как ты все прекрасно умеешь определить. Мне самой такое никогда бы не пришло в голову. Может быть, я и не научусь их писать. Но когда я читаю рассказы в журналах, мне кажется, что я писала бы не хуже. И я часто повторяю про себя те истории, которые в разное время рассказывал ты. И тогда я смеюсь или иногда плачу.

Джейми встрепенулся:

– И неужели мои немудреные истории смешат тебя или заставляют плакать? – В его голосе прозвучало нетерпение.

– Да, разве ты сам этого не чувствуешь? Это ведь началось ещё тогда, в Общественном саду. Никто не умеет так рассказывать, как ты, Джейми. Это тебе бы надо писать рассказы, а вовсе не мне. Ну почему ты не пишешь? У тебя бы это замечательно выходило!

Он не ответил, и, может быть, он даже не слышал, что говорила Поллианна, потому что в это время он наблюдал за бурундучком, снующим неподалёку среди кустарников.

Поллианна прогуливалась и беседовала не только с Джейми, миссис Кэрю и Сейди. Все чаще её приглашали погулять вдвоём Джимми и сам Джон Пендлтон.

Поллианне становилось ясно, что до похода она совсем не знала Пендлтона-старшего. Последние остатки его замкнутости и угрюмости пропали, как только он оказался в лагере. Он скакал на лошади, плавал, удил рыбу и играл в различные игры с не меньшей сноровкой и, пожалуй, с большим увлечением, чем Джимми. А рассказчик он был почти под стать Джейми, но только Джейми сочинял свои истории, а сюжеты Пендлтона, смешные, а подчас пугающие, были взяты из жизни, из его заграничных поездок.

– Расскажите про пустыню Сарры, что так нравится Нэнси! – попросила его в один из вечеров Поллианна.

Но ещё больше она любила гулять с Джоном Пендлтоном и слушать его истории о своей матери, которую он знал и в которую был влюблен в дни своей молодости. Поллианна радовалась тому, что он так откровенен с ней, хотя в то же время это её и удивляло. Прежде она никогда не слышала от него этих рассказов о безнадежной любви. Для него и самого было неожиданностью то, что он явил вдруг такую душевную открытость, и он как-то сказал Поллианне:

– Я, право, и сам не понимаю, с чего это я вдруг так разболтался!

– Но я ведь так люблю вас слушать! – вздохнула девушка.

– Да, но я обычно никому не рассказываю о себе. Может быть, все дело в том, что вы с ней так похожи. Ты ведь очень напоминаешь мне её в те дни, когда мы с ней были знакомы. Ты необычайно похожа на свою мать.

– Но я почему-то думала, что моя мама была красивая! – воскликнула девушка с нескрываемым удивлением.

Джон Пендлтон загадочно улыбнулся:

– Ну она, конечно, была красивая!

Поллианна сразу же пришла в замешательство:

– Но как же тогда вы говорите, что она была красивая?

Он простодушно рассмеялся:

– Ну когда молоденькие девушки говорят такое... Ах, Поллианна, маленькая колдунья!

Поллианна строго посмотрела ему прямо в глаза:

– Пожалуйста, мистер Пендлтон, не говорите со мной таким тоном. Я люблю быть красивой, это так. Но я нисколько не обольщаюсь на свой счет. В конце концов у меня есть зеркало.

– А знаешь, что я тебе посоветую... Когда ты разговариваешь с кем-то, отвлекись и посмотри на себя в зеркало.

Поллианна удивленно взглянула на него:

– Но ведь совершенно то же говорил мне Джимми, – воскликнула она.

– Да, он во всем меня опережает, негодник! – воскликнул Джон Пендлтон. Потом он помолчал и заговорил уже иным тоном: – У тебя глаза и улыбка твоей матери, и, на мой взгляд, ты очень хороша собой!

Глаза Поллианны затуманились слезами, она замолчала. Поллианне нравилось гулять и разговаривать с мистером Пендлтоном, но, конечно, не так, как с Джимми. Им с Джимми и не обязательно было вести долгие беседы, чтобы чувствовать себя счастливыми. Джимми все понимал. Джимми был большой, сильный и счастливый. Джимми не грустил ни о потерянном племяннике, ни о юношеской любви, которая ничем не увенчалась. Джимми не ковылял на двух костылях, и его не надо было жалеть. Только он был поистине радостен, счастлив и свободен. Одним словом, только он был *Джимми*.

23. «ПРИВЯЗАН К ДВУМ ПАЛКАМ»

Это случилось перед самым окончанием похода. И впервые Поллианна вдруг загрустила и почувствовала себя несчастливой.

– Лучше бы мы уехали домой позавчера. Тогда бы ничего этого не произошло.

Но они не уехали позавчера, и вот что случилось.

Рано утром в день отъезда решено было совершить прогулку к маленькой бухте. Это было в двух милях от лагеря.

– Наловим рыбы на прощальный ужин, – так объяснил цель прогулки Джимми. И все с радостью согласились.

Позавтракав и приготовив рыболовные снасти, компания на рассвете отправилась в путь. Смеясь и весело окликая друг друга, они повернули на узкую тропинку, которую протоптал в лесу Джимми, хорошо знавший эти места.

Сперва Поллианна шла по тропинке вслед за Джимми, но потом отстала и оказалась позади Джейми, который всегда следовал замыкающим. Поллианна наблюдала за Джейми, и ей казалось, что на его лице было такое выражение, какое бывало, когда ему нездоровилось или он выбивался из сил. Она понимала, что в очередной раз уязвит его, если заговорит об этом во всеуслышание. В то же время, если она убирала с его пути камень или корягу, он бывал ей благодарен. И она при любой необходимости приходила ему на помощь и принимала как награду его благодарный взгляд.

Компания вскоре вышла из леса. Перед ними тянулась старая каменная стена, по обе стороны которой расстилались широкие луга, на них выгоняли пастись скот. Вдалеке виднелся живописный домик, принадлежавший фермеру. На пастбище, ближе к дому, росли красивые цветы золотарника на красных стеблях. И Поллианне захотелось нарвать этих цветов.

– Джейми, подожди, я сбегая на луг. Это будет такой букет для нашего пикника! – И тут же она стала перебираться через стену на другую сторону.

До чего же ее манили и дразнили эти цветы! Чем дальше, тем их становилось больше и тем они казались красивее. Она, окликая Джейми и весело подпрыгивая, отдалялась от стены, чтобы прибавить к букету новые цветы. Поллианна очень красиво смотрелась на лугу в своем алом свитере. Цветы уже не помещались у девушки в руках, когда вдруг позади нее раздался страшный рев разъяренного быка. Затем до нее донесся ужасный возглас Джейми и тяжелый стук бычьих копыт.

Она не могла до конца осознать, что произошло потом. Она бросила все цветы и побежала. Еще никогда она не бежала с такой бешеной скоростью. Уже близко от нее были стена и Джейми... Но и стук копыт раздавался совсем рядом. Как в тумане, она увидела искаженное лицо Джейми, услышала его истошный крик. А потом раздался еще один голос. Он ободрял и вселял мужество – Джимми!

Она бежала, не разбирая дороги. В какой-то момент она споткнулась и чудом удержалась на ногах. Силы ее были уже на исходе. И вдруг до нее вновь донесся голос Джимми. Она зашаталась, ткнулась вдруг во что-то теплое, стало темно, и что-то монотонно забило возле самого уха. Она услышала, как стучит сердце Джимми. В следующий момент она оказалась у него на руках, и тут же ее обдало жаркое дыхание разъяренного животного. Бык пронесся мимо. И вот они были уже за стеной. Она лежала на траве, и Джимми, склоняясь над ней, спрашивал, не умерла ли она.

С истерическим смехом, к которому примешивались рыдания, Поллианна отстранилась от Джимми и вскочила на ноги.

– Умерла? С чего ты взял? Все прекрасно. Ой, как я была счастлива, когда услышала твой голос! Как все замечательно! Но как тебе это удалось? – стала допытываться она.

– Да мне это ничего не стоило, я... – он вскрикнул, потому что увидел распростертого на земле Джейми, и они оба бросились к нему.

– Джейми, Джейми, что с тобой? – тормошила его Поллианна. – Ты упал, ты ранен?

Юноша молчал.

– Дружище, что с тобой? Ты жив? – спрашивал Джимми.

Джейми резко приподнялся. Увидев его лицо, Джимми и Поллианна отпрянули в страхе и изумлении.

– Ранен? Вы говорите – ранен? – Он отбрасывал от себя их руки. – Это хуже всякой раны, когда видишь такое, и знаешь, что ты беспомощен, привязан к этим двум палкам... Какая рана может быть больнее и тяжелее?

– Джейми! – ласково успокаивала его Поллианна.

– Довольно! – закричал юноша почти грубо. Он силился и никак не мог подняться на ноги. – Еще не хватало, чтобы я теперь устраивал сцену. – Каким-то нечеловеческим усилием он заставил себя подняться и доковылял до тропинки, которая вела назад к лагерю.

Джимми и Поллианна пристально наблюдали за ним.

– Ну слава богу! – вздохнул Джимми, потом тихо произнес: – Да, трудно ему!

– А я опять не подумала! Восхваляла тебя, а он был тут же и слышал! – Поллианна почти рыдала. – Ты видел его ладони? Они кровоточат, как будто от гвоздей!

– Поллианна, куда ты? – кричал Джимми.

– Разумеется, к Джейми. Неужели я теперь его брошу? Мы во что бы то ни стало должны его вернуть.

И Джимми, со вздохом, который, конечно, не относился к Джейми, пошел следом за девушкой.

24. ДЖИММИ ПРОБУЖДАЕТСЯ

О походе во всеуслышание говорили с восторгом, но все равно чувствовалась какая-то не-

досказанность.

Поллианна не могла понять, в ней ли самой происходит разлад, или между всеми участниками похода вдруг изменились отношения. Во всяком случае, она ощущала некую напряженность и полагала, что и другие ее замечают. И как главную причину она без всяких колебаний определила тот последний день со злополучной прогулкой к бухте.

Правда, надо сказать, что ей и Джимми тогда без особого труда удалось уговорить Джейми вернуться и пойти к бухте вместе со всеми. Но никто не мог вести себя на этой прогулке непринужденно. Поллианна, Джимми и Джейми были как-то подчеркнуто веселы, а другим, не имевшим точного представления о случившемся, все же бросалось в глаза какое-то неблагополучие, и они не слишком старались это скрыть. Одним словом, беззаботная радость ушла. Даже долгожданный ужин показался невкусным, и вся компания вернулась в лагерь еще до наступления темноты.

Поллианне казалось, что как только начнется домашняя жизнь, злосчастный эпизод с разъяренным быком сам собой позабудется. Но ничто не забывалось, и винить в происшедшем нельзя было никого, кроме себя самой. Джейми был как немой укор. Лицо его выражало страдание, и багровые пятна на ладонях никак не проходили. Поллианне было больно за него, и она не могла быть прежней в его присутствии. В раскаянии она призналась самой себе, что ей не нравится теперь ни оставаться наедине с Джейми, ни беседовать с ним. И, однако, она часто оставалась с ним наедине.

Она всегда приходила на зов его дружбы, а порой и сама искала его общества. Но теперь Джейми нуждался в ней.

Причиной всему этому было, как думала Поллианна, ее чудесное избавление. Джейми никогда не заговаривал об этом. Вообще он казался даже веселее обычного, но прежде за его веселостью не замечалась та потаенная горечь, которая бросалась в глаза теперь. Кроме того, после злополучной прогулки он явно тяготился обществом и чувствовал себя свободно только наедине с ней.

Как-то, наблюдая за игрой в теннис, он сказал Поллианне:

– Никто не может понять того, что понимаешь ты.

Поллианна удивилась его словам, не зная, что ответить, и он уточнил:

– Да, ты ведь сама какое-то время не могла ходить.

– Да, это так, – подтвердила Поллианна, но по ее реакции он понял, что она не хочет продолжать разговор в этом русле.

– Поллианна, почему ты не возвращаешь меня к игре? На твоём месте я бы обязательно прекратил разговор... Прости меня, я просто скотина, если мог тебя огорчить! Прошу тебя забыть все это.

Поллианна улыбнулась:

– Ничего, это пустяки!

Однако она не забыла, не могла забыть. Она требовала от себя предельного внимания к юноше. Она хотела во что бы то ни стало ему помочь.

«Мне всегда надо вести себя так, как будто бы мне с ним очень хорошо», – подумала Поллианна и решила обратиться за помощью к своей игре.

Тягостно было теперь не одной Поллианне. Джимми тоже переживал несчастливые дни. От беззаботной юности, когда ничто не мешало ему прокладывать великолепные мосты над безднами, он шагнул в молодые годы, когда почти неизбежно влюбляются и встречают соперника на своем пути.

Джимми теперь вполне отдавал себе отчет в том, что он любит Поллианну. С некоторых пор он утвердился в этом чувстве. И теперь он ощущал себя беззащитным и бессильным. Чего стоили даже его любимые пролеты и опоры рядом с улыбкой девушки и словом, сорвавшимся с ее губ. Он был уверен, что самый чудесный мост тот, который поможет преодолеть бездну страха и сомнения, отделявшую его от Поллианны. Сомнение относилось к Поллианне. Страх был связан с тем, что поблизости находился Джейми.

Пока тем утром на пастбище над Поллианной не нависла смертельная угроза, он не мог

осознать, как пуст оказался бы мир – его мир – без этой девушки. Пока он сам не унес Поллианну в безопасное место от страшной угрозы, он не мог оценить, насколько она ему дорога. Джимми взял ее на руки и прижал к своему сердцу. Страшная опасность обернулась высочайшим блаженством. Но в ту же минуту он увидел Джейми, его раненые руки, скорбное выражение его глаз. С тех пор он узнал, что Джейми тоже любит Поллианну. Иначе не прозвучало бы столь нескрываемое отчаяние в его словах о том, что он «привязан к двум палкам». Да, он и сам ощутил бы себя калекой, во всяком случае нравственным калекой, если бы другой человек спас его возлюбленную, а он оказался бы в стороне по какой-то пусть даже не зависящей от него причине.

Когда Джимми вернулся в лагерь, в душе у него воцарились смутение и страх. Поллианна оставила его, чтобы проявить заботу о Джейми. Но потом он стал успокаивать себя. Пусть даже ее забота на время перерастет в любовь – но означает ли это, что ему, Джимми, надо сдаться без борьбы? Все в нем восставало против этой мысли. Нет, он ни за что не отдаст Поллианну. Отныне начинается его честное единоборство с Джейми.

Но тут же при этой мысли он почувствовал стыд. Что значит в данном случае «честное единоборство»? Когда-то совсем еще ребенком он подрался с незнакомым мальчиком из-за яблока. Он свалил его на землю и вдруг понял, что у того повреждена рука. И тогда он позволил сопернику одолеть себя. Но ведь тут было совсем другое дело. Речь шла уже не о яблоке, а о счастье всей его жизни. А может быть, это окажется и борьба за ее счастье! Как знать? Может быть, она и не проявляла бы заботы о Джейми, а была всей душой с ним, своим старым другом Джимми, если бы Джейми не показал ей всем своим видом, что рассчитывает на заботу с ее стороны? Так вот, теперь и он покажет ей, что рассчитывает на то же самое.

И опять он покраснел до корней волос, а потом сердито нахмурился. Разве мог он забыть, какой взгляд был у Джейми, когда он говорил про то, что его привязали к двум палкам? Нет, о честном единоборстве здесь не могло быть и речи. А нечестное?.. Ему оставалось теперь наблюдать и выжидать. Он предоставит Джейми возможность. И если он почувствует, что Поллианна не наскучило заботиться о нем, что она отвечает любовью на его любовь, тогда он уйдет с их пути, и они никогда в жизни не догадаются о том, как он жестоко мучился. Он опять уйдет в чертежи своих мостов и когда-нибудь проложит мост до самой Луны, которая теперь казалась ему ближе, чем Поллианна.

Во всех этих мыслях было что-то героическое и прекрасное, и в эту ночь он уснул почти счастливый. Но мученичество в мыслях и на практике – это очень разные вещи. Слишком мало походил Джимми на мучеников давних времен. Можно рассуждать о том, что он предоставит Джейми возможность, но каково ему видеть, что изо дня в день они с Поллианной многие часы проводят вдвоем? Она так беспокоится о больном юноше, так печется о нем! Невольно думается, что ее чувство к нему – нечто большее, чем просто забота. Однако один разговор с Сейди Дин пробудил в нем сомнения.

Как-то Джимми пришел на теннисный корт. Там была Сейди. Она сидела и наблюдала за игрой двух молодых людей.

Джимми подошел к ней и спросил, придет ли сегодня играть Поллианна.

– Она сыграла уже одну игру и больше сегодня утром не будет играть.

– Вот как? – нахмурился Джимми, который очень рассчитывал провести с ней время хотя бы за игрой. – Почему же она больше не придет?

– Она мне сказала вчера вечером, что наши слишком длинные сетки досаждают мистеру Кэрю, который не может играть.

А потом у Сейди вырвались еще другие слова, к которым он с надеждой прислушался.

– Но ведь он не хочет, чтобы она себя ограничивала и сковывала. Ему тяжелее всего как раз тогда, когда она ради него приносит какие-то жертвы. Но она этого не понимает. Совсем не понимает. Я понимаю, а она нет.

Он почувствовал в этих словах приглашение к разговору. Постаравшись скрыть серьезность за улыбкой и шуткой, он спросил:

– А как вам кажется, мисс Дин, они питают друг к другу какие-то нежные чувства?

– Неужели ты сам не видишь? Она же обожает его! Они оба друг друга обожают!

Джимми поспешил попрощаться с девушкой. После того, что она сказала, о чем еще он мог расспрашивать ее? Уходя, он все же оглянулся и заметил, что Сейди растерянно бродит возле корта, как будто она потеряла что-то в траве.

Джимми Пендлтон говорил себе, что все это была неправда. Сейди сказала это не думая, просто так. Но как ему было отделаться от этих слов? Они звучали в его сознании всякий раз, как он встречал Поллианну и Джейми, гуляющих вдвоем. Он пристально наблюдал за выражениями их лиц. Он вслушивался в их голоса. Да, Сейди права: они обожают друг друга. И он чувствовал, что сердце у него в груди делается тяжелее свинца.

Итак, ему придется забыть Поллианну. Жребий брошен, и возврата нет.

Для него начались беспокойные дни. Прекратить внезапно посещения Харрингтона он не мог – это сразу вызвало бы подозрения и лишние вопросы. Однако общаться с Поллианной было для него невыносимо. Веселость Сейди тоже ему претила – это ведь ей зачем-то захотелось открыть ему на все глаза. Он просто не знал, где ему приклонить голову. Но оставалась еще одна душа – миссис Кэрю. Общение с ней иногда почти успокаивало Джимми. Она всегда умела угадывать его настроение и находить верные слова. И что особенно удивляло Джимми – она хорошо разбиралась в архитектуре мостов и могла со знанием дела обсуждать эту важную для него тему. Она проявляла такой душевный такт, что он просто не мог ничего от нее скрыть. Он даже однажды чуть было не рассказал ей про пакет. Но как раз в это время вошел Джон Пендлтон и не дал юноше сделать признание. Джимми заметил, что Джон Пендлтон всегда появлялся в самый неподходящий момент. Но ему стыдно было сердиться на своего приемного отца, ведь этот человек так много для него сделал!

Пакет представлял собой обычный конверт большого размера, уже сильно поистрепанный от времени и хранивший тайну за огромной красной печатью. Конверт был вручен ему отцом и сопровождался следующей припиской:

Моему сыну Джимми. Конверт не должен быть вскрыт вплоть до исполнения ему тридцати лет, однако в случае его смерти должен быть распечатан немедленно.

Бывало, что Джимми много размышлял о тайне конверта. А в другие времена он просто забывал о его существовании. В Сиротском доме он страшно боялся, что конверт распечатают и отберут у него, и поэтому постоянно носил его за подкладкой пиджачка. Впоследствии конверт был по совету Джона Пендлтона заперт в сейф.

– Мы не знаем, насколько он может быть ценен, – с улыбкой говорил Джон Пендлтон. – Но твоему отцу важно было тебе его передать, так что конверт ни в коем случае не должен быть потерян.

– Конечно, нельзя, чтобы он потерялся, – с рассудительной улыбкой отвечал Джимми, – но я почти уверен, что ценного там ничего нет. У бедного папы, насколько я могу припомнить, не было ни одной сколько-нибудь дорогой вещи.

И вот об этом пакете Джимми однажды едва не проговорился миссис Кэрю. Однако Джон Пендлтон помешал ему сделать признание.

«Ну и хорошо, что я ей не сказал, – думал Джимми, возвращаясь домой. – Я посеял бы в ней подозрения, что мой отец мог совершить в жизни что-нибудь предосудительное. А я не хочу, чтобы она с недоверием относилась к его памяти».

25. ИГРА И ПОЛЛИАННА

В середине сентября Кэрю и Сейди Дин стали собираться в дорогу. Поллианна знала, что может уже никогда в жизни не встретиться с ними, и все же, когда поезд отошел от вокзала в Белдингсвиле, она с облегчением вздохнула. Поллианна не хотела, чтобы кто-то угадал ее чувства, но у Бога она просила прощения.

«Я очень люблю их, всех троих, — думала она, глядя, как поезд исчезает за поворотом, — но я столько дней жила одной только жалостью к бедняге Джейми, что устала. А теперь я опять буду проводить много времени с Джимми, и у меня начнутся безмятежные, радостные дни».

Но никакие безмятежные дни в обществе Джимми не ждали Поллианну. Действительно, с отъездом Кэрю стало спокойнее, но когда уехали они, то сразу куда-то подевался и Джимми. Не то чтобы он вовсе перестал приходить, но это уже не был тот прежний Джимми. Он то становился молчаливым и мрачным, то не в меру возбужденным и болтливым, и говорил он все больше загадками, как будто нарочно стараясь досадить Поллианне. Потом он надолго уехал в Бостон, так что они уже совсем не могли видеться.

Поллианна даже не предполагала, что ей будет так его не хватать. Все-таки ей легче было, когда он находился поблизости, чем теперь, когда он словно бы канул в пустоту. Пусть он присутствовал теперь в ее жизни мрачными шутками или томительным молчанием, но это было все-таки лучше, чем ничего. И она стала ловить себя на том, что ей стыдно смотреть людям в глаза.

«Послушай, Поллианна Уиттиер, — останавливала она себя, — в городе могут подумать, что

ты влюблена в Джимми Бина Пендлтона. Надо найти другие предметы для размышлений».

Она решила быть на людях веселой и открытой. А для этого ей надо было перестать думать о Джимми Пендлтоне. И тут ей невольно помогла тетя Полли.

С отъездом Кэрю отпал важный для них источник дохода, и тетя Полли опять стала жаловаться вслух, как плохи их дела.

– Не знаю, Поллианна, что с нами будет. Конечно, кое-что мы пока имеем благодаря Кэрю, сколько-то поступило на счет, но этого так мало. Надо что-то еще такое придумать.

Выслушав все эти жалобы, Поллианна ушла к себе и стала пролистывать новые журналы. Взгляд ее упал на рекламное объявление. Всех желающих приглашали принять участие в конкурсе на лучший рассказ. Заметка гласила, что любой может стать участником, призером и победителем конкурса:

Мы обращаемся ко всем нашим читателям. Если даже вы никогда в жизни не писали рассказов, это еще не говорит о том, что вы не владеете пером. Испытайте себя. Разве вам не хочется стать обладателем трех тысяч долларов? Двух тысяч? Одной тысячи? Пятисот или хотя бы ста? Так почему бы вам не попробовать!

«Это же как раз то, что мне надо! – захлопала в ладоши Поллианна. – Как здорово, что я на это наткнулась! И главное, они убеждают, что это каждому по плечу. А мне кажется, что я бы точно могла. Надо пойти сказать тете, чтобы она не так расстраивалась».

Однако потом она передумала.

«Сначала надо взяться за дело, а уж потом говорить. Лучше я преподнесу тете Полли сюрприз. Если я получу первую премию...»

Она засыпала счастливая в раздумьях о том, как она распорядится тремя тысячами долларов.

На другой день Поллианна с утра засела писать рассказ. Она напустила на себя очень важный вид, запаслась бумагой, несколькими карандашами и расположилась за харрингтоновским старинным письменным столом, стоявшим в гостиной. Она искусила три карандаша и нанесла на чистый белый лист всего три слова. Потом она тяжело вздохнула, выкинула в корзину испорченные карандаши и достала новый – зеленый, тонкий, с красивым тиснением. Держа перед собой чудо-карандаш, она обращалась к нему с вдохновенной речью: «О, мой милый, скажи мне, где эти писатели берут заглавия для своих шедевров? Или, может быть, сначала надо написать шедевр, а потом уже его озаглавить? Я так и поступлю. На старт!» И она перечеркнула три слова на белом листе.

Но старт оказался скорее фальстартом. Она исписала несколько страниц, но затем почти все написанное было зачеркнуто, и от всего рассказа остались «в живых» всего несколько строчек.

В разгар ее занятий в гостиную зашла тетя Полли.

– Поллианна, чем ты тут занята? – спросила она.

Поллианна усмехнулась и виновато покраснела.

– Да ничего особенного. Может быть, что-то тут и есть особенное, но пока это секрет. Со временем я тебе все объясню.

– Если ты думаешь что-нибудь выудить из этих закладных, которые оставлял мистер Харт, то ты напрасно стараешься. Я уже дважды их пересматривала.

– Нет, это не закладные. Из этого выйдет пачка таких бумаг, лучше которых ничего не может быть! – торжественно провозгласила Поллианна и возвратилась к своему делу. Перед ее мысленным взором вновь маячили премиальные тысячи.

Она еще долго писала, зачеркивала, кусала карандаш и наконец решила покинуть эту большую комнату.

– Этот письменный стол меня не вдохновляет, – сказала она шепотом, обращаясь к самой себе. – Я пойду в свою спальню и буду работать на подоконнике.

Но подоконник тоже не помог. Исчерканные листы летели на пол. Через полчаса она поня-

ла, что уже подошел час обеда.

«Пожалуй, мне больше нравится обедать, чем делать это. Но все же это лучше, чем самый вкусный обед. Вот, оказывается, какая адская работа! А я-то думала, что там! Всего-навсего написать один рассказ!»

Весь следующий месяц она просидела над рассказом, но так и не сотворила ничего законченного. Все же она не намерена была сдаваться. Пусть первая премия ей не достанется, но ведь и тысяча долларов – это тоже совсем неплохо. День за днем она писала, исправляла, вымарывала, и вот перед ней легла законченная вещь. Она еще находила в ней какие-то недоработки, но все же уже сочла возможным отнести рукопись Милли Сноу, чтобы та сделала распечатку.

«Читается легко, смысл есть, – шептала про себя Поллианна, идя в коттедж Сноу. – И это красивый рассказ об очаровательной девушке. Но что-то там есть не слишком правдоподобное. Пожалуй, на первую премию я не потяну. Но если дадут даже малую премию, я не стану особенно сокрушаться».

На пути к дому Сноу Поллианна все время думала о Джимми. Вон там, на дорожке у коттеджа она увидела его впервые, маленького бродягу, сбежавшего из детского приюта. Сегодня она вновь подумала о нем. И с радостью в душе, как всегда при мыслях о Джимми, она поднялась по ступенькам особняка Сноу и позвонила в дверь.

Сноу всегда радовались, когда к ним заглядывала Поллианна, а на этот раз еще и случилось, что перед самым ее приходом у них был разговор об игре. Нигде в Белдингсвиле в утешительную игру Поллианны не играли с таким азартом, как в семействе Сноу.

– Ну а как вы поживаете? – спросила Поллианна, когда они обговорили все, что относилось к делу.

– Превосходно! – воскликнула Милли Сноу. – Ваш заказ третий за эту неделю. Как хорошо, мисс Поллианна, что вы надоумили меня стать машинисткой. Мне так нравится работать дома! И все это благодаря вам!

– Пустяки! – как обычно, отмахнулась Поллианна.

– Но ведь благодаря вашей игре мама стала сама справляться со своими заботами, так что у меня появилось свободное время. И потом то, что я купила машинку и научилась печатать! Разве все это не ваши заслуги?

Потом в беседу вступила миссис Сноу, отдохавшая в кресле на колесиках возле окна. Она очень просила Поллианну внимательно выслушать все то, что она скажет.

– Послушай, детка, мне кажется, ты сама не понимаешь, что ты сделала. А я хочу, чтобы ты это поняла. У тебя сегодня грустные глаза, и я не могу этого вынести. Я чувствую, что ты страдаешь и переживаешь. Это ведь и не мудрено. Смерть дяди, тяжелое положение тети, всего я не стану перечислять. Но я хочу, чтобы твое лицо просветлело, и вот поэтому я должна сказать тебе о том, что ты сделала для меня, для всего этого городка и для множества людей в разных концах страны.

– Миссис Сноу! – отчаянно запротестовала Поллианна.

– Поверь мне, я знаю, о чем говорю! – торжественно продолжала больная. – Прежде всего взгляни на меня. Помнишь, какой я была капризной самодуркой? Требовала сначала одно, потом другое, пока не убеждалась сама, что я вообще ничего не хочу. И ты мне открыла глаза на то, что я была за человек, именно в тот момент, когда принесла сразу все три блюда, которые я в разное время просила.

– Ах, миссис Сноу, я сама в детстве была такая назойливая, просто невыносимая! – краснея, шептала Поллианна.

– Нет, ты не была назойливой. И ты не читала мне нравоучений. Зато ты открыла для меня игру. Это то, чего никто бы больше не придумал. Эта игра просто спасла нас с Милли. Я теперь не лежу больше в постели, а сижу в кресле и даже немного стала ходить по дому. Я сама живу и даю жить другим – это я имею в виду Милли. Даже врач признает, что всем этим я обязана игре. И сколько еще людей в городке воспрянули благодаря тебе! Когда Нелли Мейони сломала кисть руки, она радовалась тому, что сломана только кисть руки, а не нога. Старенькая миссис Тиббис оглохла, но она находит утешение в том, что не потеряла зрения. А помнишь Джо, которого про-

звали за его характер «Джон Всем Поперек»? Он ведь благодаря игре стал совсем другим человеком! А то ему тоже, как и мне, все было не так. И вот, послушай. Это все не замкнулось на нашем городке. Вчера я получила письмо из Массачусетса от моей кузины, и она пишет мне о миссис Том Пейсон. Помнишь ее? Они жили на Пендлтонском холме.

– Да, еще бы! – отозвалась Поллианна.

– Они уехали отсюда в Массачусетс, когда ты была в санатории. И там она познакомилась с моей сестрой. И вот миссис Пейсон рассказала моей сестре, как ты спасла их с мужем от развода. И вот уже твоя игра распространилась по всему штату. И кто сказал, что это не пойдет еще дальше? Очень важно, чтобы ты сама не забывала свою игру, хотя я понимаю, как иногда тебе бывает трудно играть в свое собственное изобретение.

Поллианна осторожно взяла больную за руку, в глазах у девушки блеснули слезы.

– Спасибо вам, миссис Сноу. Вы помогли мне снова обратиться к игре. Когда мне вдруг не захочется играть, я вспомню, сколько других людей уже втянулось в игру, и я опять заиграю!

И все же ей было немного грустно. Она думала о том, что сама стала играть тайно, ни с кем не делясь. И, может быть, поэтому тетя Полли совсем разучилась находить в жизни радости.

«Если я буду играть увлеченно, как раньше, – думала Поллианна, – может быть, и тетя Полли хоть немножко начнет играть. Как бы то ни было, я теперь сама должна очень поусердствовать. Не то другие люди будут играть в мою игру лучше, чем я!»

26. ДЖОН ПЕНДЛТОН

За неделю до Рождества Поллианна послала свой рассказ (аккуратно напечатанный на машинке Милли Сноу) на конкурс. Победителей обещали назвать только в апреле, и Поллианна решила быть философом и проявить терпение.

«Я вообще-то рада, что это протянется так долго, – думала она про себя, – потому что всю зиму я буду тешить себя надеждой, что я победительница. Это даже лучше, чем если бы моя победа была уже позади. Ну а если я выиграю только малую премию, я все равно буду рада». Вообще не получить премии не входило в расчеты Поллианны. Рассказ, красиво перепечатанный Милли, выглядел так, как будто уже был опубликован в журнале.

Счастливого празднества в поместье Харрингтон не получилось, как ни старалась Поллианна его подготовить. Тетя Полли решительно потребовала ничего не устраивать и не приносить в дом никаких подарков, даже самых простых.

Все же Джон Пендлтон пришел к ним в гости на сочельник. Миссис Чилтон не вышла к нему, а Поллианна, утомленная тяжелым днем, проведенным с тетей, приняла его с радостью. Но и здесь Поллианне оказалось не до веселья. Мистер Пендлтон принес с собой письмо от Джимми, который не писал ни о чем другом, кроме своего участия в рождественском вечере, который устраивала миссис Кэрю в Доме девушек-работниц. Поллианне тяжело было читать про все эти чудесные торжества, и особенно потому, что о них писал Джимми.

Но мистеру Пендлтону мало было принести и показать письмо, он еще подверг его обсуж-

дению.

– Большие дела! – восклицал он.

– Да, замечательные, – тихо проговорила Поллианна, стараясь изобразить должное воодушевление.

– И ведь все это происходит как раз теперь. Вот бы посмотреть на это хоть немного!

– Да. – Теперь изобразить воодушевление ей уже совсем не удавалось.

– Миссис Кэрю не была уверена, что Джимми согласится приехать. Но ему это оказалось по душе – играть Санта-Клауса для забавы пятидесяти девиц.

– Да, ему приятно быть в центре внимания.

– Пожалуй. Это ведь все-таки интереснее, чем с утра до ночи делать чертежи мостов.

– Да.

– И я готов биться об заклад, что у этих девиц еще не было такого увлекательного праздника, как тот, который устроит для них Джимми.

– Д-да, конечно, – Поллианна на этот раз не смогла победить дрожь в голосе; слишком грустно было сравнивать большой праздник, на котором веселятся пятьдесят девушек и Джимми, с этим грустным ужином в Белдингсвиле, на котором единственным гостем был Джон Пендлтон.

Воцарилось молчание. Джон Пендлтон, сощурился, смотрел, как играет пламя в камине.

– Она удивительная женщина – миссис Кэрю! – сказал он наконец.

– Да, еще бы! – Теперь Поллианна говорила с неподдельной радостью.

– Джимми писал обо всем, что она сделала для этих девушек, – продолжал гость, все еще глядя на огонь в камине, – он и в прошлых письмах писал про нее. Что он и здесь ею восхищался, но все же не так, как теперь, когда увидел, какая она у себя дома.

– Она всегда ровная и всегда замечательная, – сердечно подтвердила Поллианна. – И я люблю ее.

– Да, я знаю, – проговорил Пендлтон смущенно и в то же время лукаво, – наверно, не ты одна ее любишь.

У Поллианны бешено заколотилось сердце. Джимми! Не имел ли в виду мистер Пендлтон, что Джимми полюбил немолодую миссис Кэрю, которая годится ему в матери?

– Вы имеете в виду... – она не смогла договорить. Мистер Пендлтон нервно поежился и встал со стула.

– Я имею в виду этих девиц, – ответил он все с той же загадочной улыбкой, – ведь, наверно, каждая из них ее боготворит.

Поллианна согласилась, но в душе она недоумевала. Неужели весь вечер мистер Пендлтон не будет говорить ни о чем другом, кроме как о событиях в Бостоне?

И в самом деле, он продолжал разглагольствовать о миссис Кэрю.

– Что ты думаешь про этого чудака Джейми? Я, по правде говоря, сомневаюсь, что он в самом деле ее племянник.

Поллианна ничего не отвечала, и мистер Пендлтон продолжал:

– Он вообще-то славный парень. Он мне нравится. Что-то есть в нем хорошее, настоящее. Она привязана к нему, и это выглядит трогательно, независимо от того, родственник он ей или нет.

Поллианна и теперь не проронила ни слова, а он между тем говорил:

– Только странно, что она больше не выходила замуж. Она ведь и теперь еще весьма красивая женщина. Ты как считаешь?

– Да, – поспешно ответила Поллианна, – она удивительно хороша.

В голосе девушки прозвучала грусть. Она вдруг увидела свое лицо в настенном трюмо и поняла, что о ней никто не скажет, что она красивая женщина.

Тогда, в лесу, мистер Пендлтон много говорил ей о ее внешности, о том, как она похожа на мать. А теперь он ни разу даже не взглянул на Поллианну, а все время смотрел на огонь. Она не мешала ему говорить. И ему безразлично было, слушают его или нет. Ему явно хотелось выговориться. Наконец он нехотя встал и попрощался.

Последние полчаса Поллианна уже с нетерпением ждала, когда он уйдет, чтобы ей побыть одной; но как только он ушел, ей вдруг захотелось его вернуть. Она поняла, что все же лучше быть наедине с ним, чем со своими невеселыми мыслями.

Все вдруг стало для нее ясно. Джимми влюблен в миссис Кэрю. Поэтому он и был такой потерянный после ее отъезда. И поэтому он почти перестал проводить своего старого друга – Поллианну.

Она вспоминала все новые и новые подробности, которые подтверждали ее подозрения.

Что ж! Она в самом деле очень хороша. И в конце концов, известны такие случаи, когда молодые люди женились на сверстницах своих матерей. Ведь если они любят друг друга...

Утром она решила, что будет мужественно смотреть правде в глаза. Она даже решила попробовать поиграть с этим. Но тут вспомнились слова, однажды сказанные ей Нэнси: «Я верю, что очень многим она во спасение, эта игра. Но если двое влюбленных поссорились, то тогда и твоя игра им без пользы».

«Но мы не были влюбленными и мы не поссорились, – подумала Поллианна, невольно краснея от этих мыслей. – И если счастлив Джимми и счастлива миссис Кэрю, я должна этому радоваться, вот только...» – но договорить фразу до конца она не могла – даже про себя.

Поллианна верила всему, что подтверждало ее подозрения. И она сама здесь и там отыскивала подтверждения. Например, в письмах миссис Кэрю:

Я часто вижу с твоим другом, юным Пендлтоном, и он с каждым днем нравится мне все больше. И мне все-таки хочется понять, откуда у меня это чувство, что я знала его еще прежде.

Слишком часто миссис Кэрю стала упоминать его в своих письмах. Он и его общество были для нее чрезвычайно важны.

Были и другие источники, убеждавшие Поллианну в ее правоте. Слишком часто мистер Пендлтон угощал ее историями о Джимми и обо всем, что он делает, и при этом непременно упоминалась миссис Кэрю. И бедную Поллианну иногда удивляло, почему Пендлтон теперь не может больше ни о чем говорить, кроме как о Джимми и о ней.

Сейди тоже много писала о том, как Джимми помогает миссис Кэрю. И даже Джейми, писавший от случая к случаю, однажды в одном из писем как будто бы пожаловался:

Уже десять часов. Сижу один и жду возвращения миссис Кэрю. Опять они с Пендлтоном у какой-то ее подопечной из девичьего дома.

А сам Джимми писал все реже, и Поллианна убеждала себя, что ей надо этому радоваться: «Если ему больше не о чем писать, кроме как о миссис Кэрю и ее подопечных из девичьего дома, то и не надо, чтобы он писал часто».

27. ДЕНЬ, КОГДА ПОЛЛИАННА НЕ ИГРАЛА

Зимние дни торопились сменить друг друга. Промелькнул снежный январь, слякотный февраль, а в начале марта поднялась буря, со стоном и свистом налетавшая на старый дом, срывая ставни, вырывая из петель ворота и до предела напрягая женские нервы.

Поллианне трудно было в эти дни предаваться своей игре, тем более что тетя Полли теперь наотрез отказывалась играть. Ей часто нездоровилось, и она все глубже погружалась в мрачные раздумья.

Поллианна все еще рассчитывала на победу в конкурсе и премию. Правда, мысль о первенстве она теперь отметала, но на то, что получит малую премию, все же еще надеялась. За эти месяцы она написала много рассказов, но редакторы журналов стали все чаще присылать их ей назад, и это пошатнуло ее веру в себя, как автора. «Но я должна радоваться хотя бы тому, что в свое время ничего не сказала про это тете Полли!» – повторяла она, дрожащими пальцами отклеивая от первой страницы своего рассказа бумажную полоску со штемпелем:

«Отклоняем, большое спасибо».

В эти дни вся жизнь Поллианны вращалась вокруг тети Полли, которая сама едва ли понимала, до чего она стала взыскательна и капризна и как безотказна ее племянница.

Однажды хмурым мартовским днем тучи как будто больше обычного сгустились над Хар-

рингтоном. Поднявшись утром, Поллианна посмотрела на небо и тяжело вздохнула: в ненастье у тети Полли особенно портился характер.

Все же она заставила себя запеть веселую песенку, сойти вниз и заняться приготовлением завтрака. «Пожалуй, если я испеку маисовые сдобы, мне за это сегодня многое простится», – подумала она.

Через полчаса она постучалась в дверь к миссис Чилтон.

– Тетя, ты уже на ногах? Вот и чудесно! И сама уложила волосы?

– Я не могла спать, – сердитым голосом проговорила тетя. – Мне пришлось самой вставать и самой укладывать волосы, потому что ты не изволила вовремя подойти.

– Но я ведь не знала, что я уже нужна тебе, – торопливо стала объяснять Поллианна. – Зато ты сейчас кое-что увидишь и попробуешь! Я думаю, что ты обрадуешься.

– Чему можно радоваться в такое утро, – ворчала миссис Чилтон. – Кто может теперь радоваться? Уже третий день на неделе такой. Льет и льет как из ведра.

– Но ведь если бы не было дождей, мы бы не радовались солнцу! – улыбалась Поллианна, поправляя ленты и кружева на тетином халате. – Ну-ка, пойдем! Завтрак готов. Ты сейчас все увидишь.

Но этим утром даже маисовые сдобы не доставили удовольствия миссис Чилтон. Все казалось ей плохо, просто невыносимо. Поллианна, боясь сорваться, уже с нетерпением ожидала, когда завтрак окончится.

В довершение ко всему, в мансарде с восточной стороны потекла крыша, а потом пришло по почте неприятное письмо относительно их денежных дел. «Но ведь крыша рано или поздно должна была протечь, а письмо уже принесли», – на свой лад стала утешать ее Поллианна.

Все это наряду с другими досадами и горестями затянуло утренние дела до самого вечера, и это выводило из себя пунктуальную тетю Полли, которая привыкла каждое свое движение сверять с часовой стрелкой.

– Уже половина четвертого, а у нас еще даже не убраны постели! – ворчала она.

– Прости, я сейчас.

– Ты слышишь, что я тебе говорю? Четвертый час!

– Ну не волнуйся. Хорошо, что не пятый.

– Тебе все хорошо! – язвительно пробормотала тетя. Поллианна рассмеялась в ответ:

– Тетя, но ведь часы – они хороши тогда, когда про них не думаешь. Я это поняла еще в санатории. Но вообще-то, у меня с часами тоже была своя игра. Если я делала что-то приятное и мне хотелось потянуть время, я глядела на часовую стрелку – и оно шло медленно. А если мне надо было очень поспешить, тогда я смотрела на секундную. Словом, Старый Шут Время постепенно сделался моим помощником. Давай теперь будем смотреть на часовую стрелку, чтобы время не так бежало.

День выдался поистине тяжелый, и к вечеру Поллианна выглядела бледной и вымотанной. И у тети Полли опять нашлась причина огорчиться:

– Милая, у тебя такой вид, как будто ты работала за пятерых. Я не знаю, что с тобой делать. Ты, наверно, болеешь.

– Да нет, – говорила Поллианна, опускаясь на кушетку, – я здорова, но я в самом деле очень устала. Да, но зато как хорошо теперь присесть на кушетку! Хорошо, что мы устаем!

И тут тетя Полли попросту взорвалась:

– Хорошо, радостно! Ты какая-то не такая, как все! Да, я понимаю, это игра. Пусть это даже мило и полезно, но ты слишком далеко зашла. Эта вечная доктрина «могло быть хуже» просто сводит меня с ума. Честное слово, я вздохнула бы с облегчением, если бы ты хоть на время перестала радоваться.

– Но почему, тетя? – встрепелась Поллианна.

– А ты вот попробуй теперь прекратить радоваться – и посмотрим, что будет.

– Но-о тетя... – Поллианна пристально взглянула на миссис Чилтон. Взгляд ее сделался каким-то странным, губы искривились в болезненной улыбке. Миссис Чилтон, не обратив на это внимания, вернулась к своим домашним делам. А Поллианна повалилась навзничь на кушетке,

не dokonчив фразу, и странная болезненная улыбка застыла у нее на губах.

Когда на утро Поллианна проснулась, за окнами по-прежнему лил дождь и северо-восточный ветер свистел в трубе. Поллианна вздохнула, постояла у окна, но внезапно у нее на лице появилось новое выражение.

– Не радоваться ничему! – с расстановкой проговорила она, прикладывая палец к губам. – Сегодня я назначаю себе день, когда я ничему не должна радоваться.

Она не стала печь сдобы – приготовила самый обычный завтрак и побежала наверх к тете. Та была еще в постели.

– Льет, как всегда! – проговорила она вместо приветствия.

– Да, это ужасно, – точно таким же тоном пробормотала Поллианна. – Всю неделю дожди просто идут стеной. Сколько можно? Как я это все ненавижу!

У тети Полли промелькнуло в глазах удивление, а Поллианна выдерживала свою новую роль.

– Ты собираешься сегодня вставать? – грубовато обратилась она к тете.

– Да-а, – проговорила она, глядя по-прежнему удивленно. – Но в чем дело, Поллианна? Неужели ты так устала?

– Да, я страшно устала. Я всю ночь не спала. Так мучительно, когда ночью не можешь заснуть.

– Я прекрасно это понимаю. Я сама с двух часов все маюсь без сна. Да еще эта крыша! Как мы можем ее починить, когда дождь идет непрерывно? Пойди вылей воду, что там натекла в ведра!

– У нас уже нет столько ведер. Крыша ведь протекла еще в другом месте!

– В другом? Завтра она, наверно, совсем превратится в решето!

Поллианна хотела было сказать: «Зато какая будет радость, когда ее починят», но опомнилась и подхватила упавшим голосом:

– Это невозможно! Денег нет на то, чтобы починить крышу. Вообще этот дом скоро рухнет. Это невыносимо! – И она, закрыв руками лицо, выбежала из комнаты.

– Забавно... Но как-то стало еще тяжелее. Зачем я это все затеяла? – беспокойно шептала про себя Поллианна, спускаясь по ступенькам в кухню.

Тетя Полли растерянно наблюдала за ней издали.

Прежде чем пробило шесть часов вечера, миссис Чилтон несколько раз начинала с удивлением и недоумением наблюдать за племянницей. С Поллианной творилось что-то невероятное. А тут еще камин, который совсем не грел, сорванные ставни и крыша, потекшая уже в третьем месте. Поллианне доставили по почте письмо, прочтя которое, она вскрикнула. Однако на расспросы миссис Чилтон относительно письма она так ничего и не ответила. Даже обед сегодня не удался, и то и дело миссис Чилтон выслушивала от племянницы сердитые и резкие замечания.

К середине дня в душу миссис Чилтон закралось подозрение, к которому примешивалось и любопытство. Поллианна стала это замечать, но не показывала вида. По-прежнему она изображала из себя капризную и недовольную.

К шести часам подозрения тети Полли почти уже переросли в уверенность, однако на ее лице все еще написано было недоумение. И вот наконец у нее в глазах промелькнула искорка лукавства. И в ответ на очередные сетования Поллианны она сделала нетерпеливый жест.

– Довольно! Я признаю, что потерпела поражение в своей собственной игре. Если тебя это радует, то можешь торжествовать! – заключила она с недоброй улыбкой.

– Мы же так договорились, – хмуро ответила Поллианна.

– Да, да, но не надо больше! – воскликнула тетя Полли. – Ну и день! Еще одного такого дня я просто не переживу. – Она смутилась, вспыхнула, потом продолжила, преодолевая себя: – Я не умею играть в игру ни по твоим, ни по собственным правилам. Но все-таки пусть лучше будет по-старому. Где мой платок? – спросила она под конец, шаря в складках своего платья.

Поллианна подскочила и бросилась ее обнимать:

– Тетя, ведь это же просто шутка! Я не думала, что ты ее примешь так близко к сердцу.

– Да, да, ты уж, конечно, не думала! – огрызнулась миссис Чилтон со всей резкостью сдер-

жанной и суровой женщины, питающей отвращение к сценам и слишком сильным проявлениям чувств и всегда скрывающей, если вдруг кому-то удалось ее растрогать.

– Думаешь, я сразу тебя не раскусила? Значит, таким образом ты решила преподать мне урок, да... – но Поллианна крепко обняла ее и не дала ей произнести больше ни одного слова.

28. ДЖИММИ И ДЖЕЙМИ

Зима эта оказалась тяжелой не только для Поллианны.

Джимми постоянно искал в Бостоне чем ему занять свои мысли и время, но ему все никак не удавалось вычеркнуть из памяти смеющиеся глаза и любимый, единственный в мире голос.

Он признавался себе, что, если бы не обязательства перед миссис Кэрю, он просто не мог бы здесь оставаться. Он горячо привязался к ней, но рядом постоянно находился Джейми, наводивший на мысли о Поллианне.

Он был совершенно убежден, что Поллианна и Джейми любят друг друга. И также он был убежден, что честь обязывает его уступить свою любовь несчастному, искалеченному юноше. Никаких сомнений на этот счет у него больше не было. Он не любил говорить о Поллианне или выслушивать разговоры о ней. Он понимал, что и миссис Кэрю и Джейми не могут не говорить

о ней, и ему приходилось слушать, подавляя затаенную муку. Но иногда он не выдерживал и сам переводил разговор на другую тему. Самой Поллианне он писал лишь изредка, да и то это были не письма, а отписки. Он тяготился ее обществом в Белдингсвиле, но и здесь в Бостоне она присутствовала незримо рядом с ним, расстояние таким образом не избавляло его от душевной пытки.

Отвлечься он мог только в работе, помогая миссис Кэрю с ее любимым детищем – домом девушек-работниц. Та была в восторге и не знала, как его благодарить.

Так прошла для Джимми бостонская зима. И вот он встречал весну в этом огромном городе – с цветением, легкими ветерками, теплыми ливнями и нежным запахом зеленеющих почек. Но и весна не радовала Джимми, потому что в сердце у него по-прежнему царил холод.

«Если бы они оба что-то могли объяснить, – думал он иногда про себя, – если бы я мог узнать что-то наверняка, мне было бы все-таки легче».

И вот в конце апреля его желание отчасти осуществилось – кое-что ему удалось узнать почти наверняка.

Как-то однажды Мэри завела его в музыкальную гостиную, говоря, что якобы миссис Кэрю хочет побеседовать с ним в непринужденной обстановке. Но в это время Джейми тоже находился там. Джимми был поражен, когда тот уставил на него пылающий взгляд.

– В чем дело, Кэрю? Случилось что-нибудь? – отозвался Джимми.

– Да, случилось, случилось! – воскликнул он, протягивая к нему руки. В каждой руке было по письму. – Самое главное случилось! Представь себе, что ты всю жизнь просидел в тюрьме и вдруг появилась надежда выйти на волю. Что было бы, если бы вдруг оказалось, что ты можешь просить любимую девушку стать твоей женой? Разве это не главное? Но слушай! Ты, наверно, думаешь, что я сошел с ума. Может быть, я и вправду сошел, но только от радости. Я хочу тебе рассказать. Можно? Мне обязательно нужно кому-то рассказать.

Пендлтон вздрогнул. Его как будто бы ударили. Он страшно побледнел. Однако внешне он держался спокойно и ровным голосом отвечал Джейми:

– Разумеется, дружище. Я с удовольствием тебя послушаю. Кэрю, однако, не слишком рассчитывал на понимание.

Поэтому он заговорил беспокойно и отрывисто:

– Для тебя это, конечно, не что-то такое небывалое. Ты весело ходишь по земле двумя ногами и располагаешь полной свободой. Ты полон честлюбивых замыслов – эти твои мосты и все другое. Но для меня – для меня тут все! Это возможность жить жизнью мужчины и делать мужскую работу, хоть это и не мосты или плотины. Это всё – и это всё теперь в моих руках. Послушай! Этим письмом меня оповестили, что я получил первую премию литературного конкурса – три тысячи долларов. И в этот же день еще одно письмо. Большое издательство одобрило мою рукопись и представляет к публикации. И оба эти письма мне принесли сегодня утром. Ты понимаешь теперь, почему я так безумно счастлив?

– Это чудесно! Я от всего сердца поздравляю тебя, Кэрю! – воскликнул Джимми, в самом деле обрадованный тому, что дар человека получил заслуженное признание.

– Спасибо. И тут есть с чем поздравлять. Понимаешь, я могу быть независим как мужчина. И когда-нибудь миссис Кэрю порадуетя и скажет про себя, что она не даром впустила бедняка и калеку в свой дом и в свое сердце. И я теперь могу открыто признаться в своих чувствах той, кого я люблю.

– Ну, разумеется, дружище! – Он говорил с твердостью в голосе, но чувствовал сам, что становится белым как мел.

– Впрочем, может быть, это последнее... Может быть, и теперь мне не следует? Все-таки я по-прежнему зависим от двух палок. – Легкое облачко грусти нашло на его счастливое лицо. – Мне, конечно, никогда не забыть тот день в лесу, когда я сказал Поллианне, как это больно – сознавать, что она в опасности, и не быть способным помочь!

– Но Кэрю... – торопливо перебил его Джимми. Кэрю машинально поднял руку:

– Я знаю все, что ты скажешь. Но молчи. Ты не поймешь. Ты не привязан к двум костылям. Ты спас ту, которую я не мог спасти. И вот я думаю о том, как все теперь сложится у нас с Сей-

ди. Не придется ли мне стоять в стороне, когда она будет призывать на помощь?

– Сейди? – Джимми опешил от неожиданности.

– Ну да, Сейди Дин. Ты как будто бы удивлен. Неужели ты не знал? Ты не чувствовал, как я к ней отношусь? – удивленно восклицал Джейми. – Выходит, я умею скрывать свои чувства! Впрочем, другие давно догадывались, – он говорил все тише, и на лице его заметна была досада.

– Но от меня ты это скрывал. Ты, может быть, думал, что и я... – Он сразу оживился, кровь прилила к его лицу. – Значит, Сейди! Очень милая девушка. Как любит говорить Нэнси, я всеми руками за!

Джимми был сам не свой от радости и возбуждения. Значит, он любил не Поллианну, а Сейди! Но Джейми грустно покачал головой:

– Еще пока рано меня поздравлять. У нас еще не было разговора. Я думаю, она должна знать... А ты сперва предполагал, что я имею в виду кого-то другого?

Джимми смутился, но решил сказать правду:

– Я думал, что ты говорил о Поллианне.

Джейми улыбнулся, потом сразу же посерьезнел:

– Поллианна чудесная девушка, но я люблю ее иначе. И она тоже любит меня иначе. Ведь кое-кто другой имеет на нее серьезные виды.

Джимми так обрадовался этим словам, что даже покраснел.

– Это кто же? – Он постарался задать свой вопрос как можно более отстраненно.

– Разумеется, Джон Пендлтон.

– Джон Пендлтон? – резким голосом переспросил Джимми.

– Что вы тут сплетничаете про Джона Пендлтона? – с лукавством спросила появившаяся в дверях гостинной миссис Кэрю.

Джимми, для которого во второй раз за эти пять минут мир распадался на мелкие кусочки, с трудом смог выговорить слово приветствия.

Но Джейми заговорил как о чем-то само собой разумеющемся:

– Я просто думаю, что если Поллианну кто-то может заинтересовать всерьез, то только Джон Пендлтон.

– Пендлтон? Джон Пендлтон? – переспросила Руфь Кэрю. Если бы молодые люди не были так погружены в себя, они заметили бы, что ее улыбка мгновенно погасла, а взгляд выразил тревогу.

– А разве ты не замечала летом, что он при всяком удобном случае старался уединиться с ней?

– Ну мне казалось, что он был со всей компанией, – не совсем уверенно возразила миссис Кэрю.

– Но к Поллианне он относился иначе, чем ко всей компании. Помнишь, у нас был разговор о том, почему он так и не женился, и Поллианна сказала тогда, что однажды он делал предложение. И я тогда подумал, уж не произошло ли там объяснения. Ты же помнишь?

– Да, она, кажется, что-то такое говорила.

– Я вам сейчас все объясню, – вступил в разговор Джимми. – У Джона Пендлтона была в жизни одна большая любовь. К матери Поллианны.

– К ее матери? – почти вскрикнула миссис Кэрю.

– Да, но она не могла ответить на его чувство, потому что любила священника, ну, то есть, отца Поллианны.

– Ох! – воскликнула миссис Кэрю, привставая на стуле. – Так вот почему он так и не женился.

– Да, – заключил Джимми, – и он просто по-доброму относится к Поллианне оттого, что он любил ее мать.

– Ну тут все как раз очень непросто, – глубокомысленно возразил Джейми. – У него ничего не вышло с матерью, и поэтому теперь он может рассчитывать, что получится с дочерью.

– Ох, Джейми, у тебя в голове одни сплошные сюжеты! – Миссис Кэрю нервно усмехнулась. – Что за десятипенсовый роман? Он должен жениться на женщине, а не на девочке, если он

вообще женится. – По всему ее виду чувствовалось, что ей неловко.

– Ну а если он взял и полюбил девочку? – упрямо настаивал Джейми. – Вы же читали ее последнее письмо. Они вдвоем провели Рождественский сочельник. А сколько в его письмах восторженных слов о Поллианне!

– Да, я знаю, – миссис Кэрю сделала такой жест, словно хотела избавиться от чего-то неприятного. Больше она ничего не сказала и вышла из комнаты.

Возвратясь, она была удивлена тому, что Джимми уже ушел.

– Как? Он что же, забыл про девичий пикник?

– Может быть, это я виноват, – сказал Джейми. – Он вдруг неожиданно объявил, что ему надо уехать в Белдингсвилль. Попросил прощения, что его с нами не будет. Словом, он, к сожалению, уехал... Но я тебе еще хотел показать вот что, – Джейми торжественно развернул перед ней два полученных письма.

– Мой мальчик, я всегда в тебя верила, я горжусь тобой! – проговорила миссис Кэрю.

Но Джейми показалось, что настоящей радости не было в ее голосе.

29. ДЖИММИ И ДЖОН

Поздно вечером под воскресенье молодой человек с красивыми чертами лица решительной походкой вышел из здания вокзала в Белдингсвиле. Воскресным утром кто-то из жителей городка вновь видел этого молодого человека. Той же решительной походкой он прошел по пустынным улицам и добрался до холма, на котором располагалось поместье Харрингтон. Увидев знакомую копну льняных волос, пропавшую за дверями летнего домика, он, не найдя нужным позвонить или позвать сторожа, вошел в приоткрытые ворота и встретился лицом к лицу с той, у которой были льняные волосы.

– Джимми? Почему ты здесь? Откуда? Какими судьбами? – недоуменно расспрашивала его Поллианна.

– Из Бостона. Вчера вечером. Мне надо поговорить с тобой, Поллианна!

– Со мной? – Поллианне с трудом удавалось скрыть, в каком восторге она была сейчас от Джимми, такого большого, сильного и такого близкого ей.

– Да, ты понимаешь, что я узнал... Впрочем, я все скажу. Прежде я мог отстраниться, а теперь ни за что. В данном случае я не поступил бы непорядочно. Он не то, что Джейми, он сильный, крепкий, как и я. Пусть он победит, но победит в честной борьбе со мной. Потому что у меня тоже есть некоторые права.

Поллианна пристально смотрела на него:

– Джимми Бин Пендлтон, опомнись! Что ты такое говоришь?

– Я думаю, ты сама знаешь. Очень жаль, что я узнал все не от тебя, а от Джейми.

– Что ты узнал от Джейми?

– Вчера... Началось с того, что он сказал мне о своей победе. Он ведь получил первую премию...

– Да, это я знаю! Как это замечательно. Быть лучшим среди стольких... И три тысячи долларов! Я ему вчера послала поздравительное письмо. Когда я увидела знакомую фамилию, а потом поняла, что это Джейми, я даже забыла посмотреть, нет ли меня в списках. Меня там и не оказалось, но это неважно, я страшно радуюсь за Джейми. – Ей все же не удалось скрыть досаду по поводу своего поражения.

Джимми, однако, это не слишком волновало.

– Да, я рад за него и все такое. Но потом я еще кое о чем с ним беседовал. Представь себе, я до вчерашнего вечера был уверен, что он любит тебя и тебе он тоже дорог.

– Ты думал, что у нас с Джейми любовь? Да ты что! Он любит Сейди Дин, и с самого начала он любил только ее. Джейми часто мне о ней говорит. Она тоже смогла его полюбить, это не просто жалость.

– А я был уверен. И я устранился только потому, что нечестно состязаться с калекой.

Поллианна была в совершенном недоумении.

– Понимаешь, – продолжал Джейми, – полноценный человек не может состязаться с гандикапом. Это закон чести. Я отошел в сторону, хотя один Бог знает, чего это мне стоило. И вот я выясняю, что между вами ничего нет. Однако тут же я выясняю и нечто еще. Что другой претендует на твою руку.

– Кто?

– Джейми сказал, что это Джон Пендлтон. Так вот он не калека. И я даю ему возможность. Если ты любишь его...

Поллианна смотрела на Джимми изумленным взглядом:

– Джон Пендлтон? Что ты такое говоришь? При чем здесь я?

Джимми просиял от радости и протянул руки навстречу девушке:

– Так, значит, это все вздор! Конечно же! Я уже все вижу по твоим глазам.

Но Поллианна внезапно изменилась в лице:

– Джимми, расскажи, что ты об этом слышал?

– Какая разница? Главное, что ты не любишь его! То есть любишь как достойного хорошего человека – и все. Это все выдумки нашего беллетриста. Я бы и не поверил ему, если бы не то, что твоя мать...

В ответ Поллианна глухо застонала и закрыла лицо руками. Джимми приблизился к ней,

стал гладить и обнимать за плечи:

– Поллианна, девочка, ты разбиваешь мне сердце! Ты ведь любишь меня. Почему ты не хочешь в этом признаться?

– Джимми, а ты думаешь, что он любит меня по-настоящему? – спросила она с придыханием.

Джимми помотал головой:

– Не думаю. А впрочем, я ведь не знаю. Откуда мне знать? Главное то, что ты не любишь его. Ты свободна, и это дает мне надежду. – Он взял ее за руку и попытался обнять. – Можешь пока не давать мне согласия, но только не отталкивай меня сразу.

– Нет, нет, Джимми, я не должна. Я не могу! – Своими маленькими руками она старалась оттолкнуть от себя Джимми.

– Так что же, ты хочешь выйти за него замуж?

– О, нет... А может быть, да! Наверно, так нужно, – слабо пробормотала она.

– Поллианна!

– Не надо, не смотри на меня так, Джимми!

– Поллианна! Ты разбиваешь мне сердце!

– Да, я, может быть, разобью оба наших сердца. Но нельзя, чтобы сердце этого человека было еще раз разбито.

Джимми поднял голову. Глаза у него пылали. С победным криком он заключил Поллианну в объятия и прижал ее к своей груди.

– Вот теперь я знаю, что ты любишь меня. Ты сказала, что разобьешь и свое сердце. Неужели ты думаешь, что я теперь хоть кому-то тебя уступлю? Поллианна, скажи мне теперь прямо, что ты меня любишь. Вот теперь!

Поллианна какое-то время стояла перед ним молча.

– Я люблю тебя, Джимми, ты для меня дороже всех на свете. Но даже с тобой я не буду счастлива, если я... Я сначала должна знать, что я свободна.

– Но кто же тебя неволит, скажи!

– Джимми, надо мной тяготеет прошлое. Женщина разбила сердце Пендлтону, и это была моя мать. Он пережил многие годы одинокой, безрадостной жизни. Если за все это он ищет утешения во мне, как я могу ответить отказом? Почему ты не хочешь понять?

Джимми, однако, не хотел понимать, как ни горячо спорила и убеждала его Поллианна. Она была так взволнована, что Джимми приходилось ее успокаивать.

– Джимми, дорогой, нам надо подождать. Вот все, что я пока могу тебе сказать. Скорее всего он не любит меня. Но тем не менее это надо проверить. Давай подождем, пока все выяснится. Ведь мы можем подождать?

И как ни противилось все его существо, ему пришлось дать согласие:

– Хорошо, моя девочка, пусть будет по-твоему... Но, кажется, такого еще нигде не бывало, чтобы мужчина ждал, пока любимая им и любящая девушка будет выяснять, хочет ли другой человек взять ее в жены.

– Но человек, полюбивший дочь как повторение ее матери, – это ведь тоже такая редкость!

– Хорошо, моя девочка. Пусть будет по-твоему. Я уезжаю назад в Бостон. Но я оставляю тебя не потому, что я чем-то недоволен. Я оставляю тебя, чтобы убедиться, что ты любишь меня на самом деле! – И он жестом как будто бы отпустил ее на свободу.

30. ДЖОН ПЕНДЛТОН ВОЗВРАЩАЕТ КЛЮЧ

На обратном пути в Бостон Джимми думал о том, чего больше теперь в его душе: радости, негодования или досады? Поллианна любит его, а значит, ее мучит страх, что она может его потерять.

Он понимал в то же время, что ожидание будет недолгим. Ключ от шкатулки в руках у Джона Пендлтона. Не пройдет и недели, как он повернет ключ – но что окажется внутри?

В четверг, придя навестить Поллианну, Джон Пендлтон по какому-то знаку свыше застал Поллианну на том же самом месте, где она в воскресенье говорила с Джимми.

Ею внезапно овладел ужас.

– Вот оно, уже в дверях! – Она вздрогнула и непроизвольно отвернулась, как будто собиралась сбежать.

– Подожди, Поллианна, – начал Джон Пендлтон, – я именно тебя хотел видеть. Ты не прочь, если мы зайдем туда? – спросил он, поворачивая к летнему домику. – Я хочу поговорить с тобой об одной вещи.

– Ну что ж, конечно! – отвечала она с напускной веселостью. Поллианна чувствовала, что она начинает краснеть. Удивительно, что он выбрал для разговора тот самый домик, с которым связывался у нее образ Джимми. «Ну почему, почему именно тут?» – задавала она себе мучительный вопрос.

– Прекрасный вечер, не правда ли? – улыбаясь, обратилась Поллианна к Джону Пендлтону.

Он не отвечал. Расположившись в старом шезлонге, он ждал, когда Поллианна сядет напротив, чтобы начать разговор. Она уже ненавидела себя за то, что дала Джимми обещание, связанное с возможным замужеством.

Пендлтон ни разу не посмотрел ей в глаза, потому что был погружен в свои мысли. Наконец он обратился к ней.

– Поллианна!

– Да, мистер Пендлтон.

– Ты помнишь, каким я был, когда мы впервые повстречались?

– Ну да.

– Какой-то человеконенавистник, не правда ли?

На душе у нее было ужасно, но она все-таки засмеялась.

– Вы мне и тогда нравились, сэр, – ответила Поллианна и вдруг с ужасом подумала, какой смысл он мог вложить в ее слова. Она хотела что-то уточнить, исправить, но понимала, что поздно. Теперь она должна была выслушать свой приговор.

– Благословенно твое чистое сердце! Ты сама не знаешь, что сотворила со мной твоя детская вера.

Поллианна было запротестовала – она не заслуживает таких похвал. Но он настаивал на своем.

– Это все ты – и больше никто, – повторял гость, а потом добавил: – А ты помнишь, как я тебе однажды сказал: «дом становится домом благодаря присутствию ребенка и хозяйки»?

– Да, вы, кажется, говорили что-то такое. Но бывают исключения из правил. Ваш дом все равно хороший и настоящий.

– Но ты знаешь, что я хотел создать дом в полном смысле слова. И знаешь, что стало с моими надеждами. Но я не виню твою мать. С тем человеком, каким я в ту пору был, она не была бы счастлива... Но вот что удивительно? Что ее дочурка своей маленькой рукой привела меня на тропинку нового счастья!

Поллианна чувствовала, что ее начинает колотить озноб. – Но, я... я...

Однако мистер Пендлтон весело улыбнулся и жестом как будто отвел ее протесты.

– Да, Поллианна, это произошло еще тогда, давно... Твоя утешительная игра.

– Ох! – вырвался у Поллианны выдох облегчения.

– И вот с тех пор я все время менял свои привычки, характер, пока не стал совсем другим человеком. Но в одном отношении я никак не могу перемениться. – Он сделал паузу, с грустью посмотрел на нее. – Я по-прежнему не считаю домом жилище без ребенка и хозяйки.

– Ну ребенок, положим, уже есть, хотя он давно уже не ребенок, – попыталась отшутиться Поллианна. – Вы понимаете, что я говорю о Джимми.

Мистер Пендлтон довольно усмехнулся:

– Ну это можно было не уточнять. Да, он уже не ребенок, и поэтому мне тем более хочется иметь в доме хозяйку. – Голос его слегка дрогнул. – Так вот, Поллианна, если бы ты была на моем месте и тебе предстояло бы своротить этот тяжелый камень – я имею в виду предложение руки и сердца – с чего бы ты начала?

Поллианна чувствовала, что она вот-вот сорвется с места и выбежит в открытую дверь.

– Ой, я бы ничего этого не делала на вашем месте... Вы и так можете быть счастливым.

– Ты хочешь, видно, этим сказать, что вряд ли я могу быть нужен женщине.

– Совсем нет! Но только если девушка, которая вам понравилась, не любит вас, то уж лучше быть одному.

– Ну если она меня не любит, Поллианна, то зачем я буду ее тревожить?

– Нет, она даже может любить вас, но...

– И потом, Поллианна, та, о ком я говорю, вовсе не девушка, а зрелая женщина, тоже немало пережившая, как и я.

– О! Ну тогда идите напролом! – воскликнула Поллианна. Она испытывала просто неописуемый восторг.

– Но ведь и зрелой женщине не так просто переменить свой уклад. И вот тут я рассчита-

ваю на твою помощь. Видишь ли, речь идет о нашей доброй знакомой.

– Что ж, надо все разузнать. А может быть, она и сама давно уже вас любит? Но кто она?

– Разве же ты не догадываешься? Я говорю о миссис Кэрю.

– О! – воскликнула Поллианна. – Ведь это великолепно. Вот это радость так радость!

Спустя время Поллианна отправила Джимми письмо на адрес Кэрю. Это были сплошные недомолвки и восклицания, но он все сумел прочесть между строк.

Он нисколько меня не любит, Джимми. Но у него на уме кое-кто еще. Я пока не должна называть ее, но это не Поллианна.

Джимми страшно боялся не успеть на семичасовой поезд. Но он на него успел.

31. БОЛЬШИЕ ОЖИДАНИЯ

Когда приготовление ко сну завершилось, и Поллианна уже погасила свет, что-то вдруг подсказало ей остаться еще на время у тети Полли. Она вдруг встала на колени перед тетиной кроватью.

- Тетя Полли, я так счастлива, что мне надо обязательно с кем-то этим поделиться. Можно, я скажу тебе?
- Да, пожалуй. Это хорошая новость для меня?
- И для тебя тоже. Во всяком случае, ты порадуешься за меня. Конечно, Джимми сам тебе в свое время все скажет. Но я бы хотела первая!
- Джимми! – У миссис Чилтон вытянулось лицо.
- Да, когда он придет просить твоего согласия на мое замужество. Ах, я должна тебе сказать о том, как я счастлива!
- Замужество? Поллианна! – Миссис Чилтон приподнялась в постели. – Я никогда не думала, что у тебя что-то серьезное с Джимми Бином!
- Поллианна почти испугалась тетиного тона и невольно отпрянула от нее:
- Но тетя! Я думала, что тебе нравится Джимми.
- Ну все хорошо на своем месте. А он в моем доме в качестве мужа моей племянницы – нет, это ты уволь!
- Тетя Полли!
- И не надо великих потрясений. Хорошо, что я все вовремя узнала и смогу предотвратить, пока дело не зашло слишком далеко.
- Но тетя Полли, дело зашло именно слишком далеко. Мы любим друг друга.
- Тогда тебе придется немного погоревать, потому что никогда в жизни я не соглашусь на твой брак с Джимми Бином.
- Тетя, но ведь мы обе помним его еще маленьким мальчиком.
- Ну да, оборванцем, который сбежал из сиротского приюта. Мы не знаем ни его семьи, ни его родословной.
- Я ведь выхожу замуж не за семью и не за родословную.
- Тетя Полли со стоном привалилась к подушкам:
- Поллианна, ты меня мучишь. Я из-за тебя слягу. У меня сердце колотится как сумасшедшее. Я теперь всю ночь глаз не сомкну. Хоть бы ты догадалась подождать до утра с этим разговором.
- Поллианна сразу поднялась с колен.
- Да, ты правильно сказала. Давай подождем до утра. Может быть, утром ты согласишься на все другими глазами. – В ее голосе звучала надежда.
- Но утром ничего не переменялось. Она вознегодовала еще сильнее. Напрасно Поллианна пыталась то упрашивать, то спорить. Напрасно она давала понять, что угроза нависла над ее счастьем. Тетя Полли оставалась неумолима. Она опасалась дурной наследственности и полагала, что нельзя выходить замуж за человека, не зная его происхождения. Кроме того, миссис Чилтон уповала на чувство долга и вызвала к благодарности. Наконец, она сказала, что Поллианна так же разбивает ей сердце, как разбила его ее мать, когда выбрала себе столь неудачную партию.
- В десять часов появился Джимми, нарядный и счастливый, как положено влюбленному.
- Но Поллианна встретила его горестными рыданиями и пыталась удержать, чтобы он не проходил в дом. Внезапно побледнев, он обнял ее за плечи и потребовал объяснения.
- Поллианна, скажи, что все это значит?
- Ах, Джимми, зачем ты пришел. Я собиралась тебе написать.
- Так ты мне и написала. Я получил письмо и сразу помчался на вокзал.
- Нет, нет! Тогда я еще не знала, что не могу.
- Не можешь? Поллианна! – В его глазах растерянность смешалась с яростью. – Что, за это время кто-то еще объявился, готовый сделать тебе предложение?
- Нет, нет, Джимми! Не надо так на меня смотреть! Я этого просто не вынесу.
- Так что ты не можешь?
- Я не могу выйти за тебя замуж.
- Поллианна, скажи, ты любишь меня?
- Да, я очень тебя люблю.
- Ну значит, ты должна пойти за меня замуж, – торжественно произнес Джимми, обнимая

девушку.

– Нет, ты не понял. Этого не хочет тетя, – призналась Поллианна.

– Тетя Полли?

– Да, она не отпускает меня от себя.

– Хо! – Джимми затрясся от смеха. – Мы живо ее убедим. Она не хочет терять тебя, а мы ей напомним, что она не только не потеряет тебя, а еще получит в придачу племянника.

Но Поллианна не улыбалась. Она только сокрушенно мотала головой:

– Ты снова не понял. Она не хочет тебя для меня.

Джимми выпустил ее из объятий.

– Что ж, я не осуждаю ее за это. Я, конечно, не подарок. Но я мог бы сделать тебя счастливой.

– Не надо сейчас идти к ней. Прошу тебя!

– Ну а если мы поженимся без ее согласия? Может быть, со временем она поймет и примирится.

– Нет, я не смогу пойти на такое после ее слов. Она для меня столько сделала. А теперь она от меня зависит. Понимаешь, она была в порядке, даже играла со мной в игру. А теперь она в ярости и просит меня не разбивать ей сердце. Говорит, что в свое время мама разбила ей сердце своим замужеством. Тетя Полли не любила моего отца. И все же она столько для меня сделала, что я не могу нарушить ее запрет. Потом вдруг ее осенила новая мысль:

– Джимми, если бы ты мог рассказать тете Полли что-то о своей родне, об отце, которого ты все же помнишь немного.

– Ты думаешь, этого достаточно? – обрадовался Джимми.

– Да, – она легонько притронулась к его руке. – Понимаешь, мне это совсем не нужно. Кроме того, я убеждена, что и твой отец, и родные твоей матери были благородные люди, потому что ты сам очень славный и благородный. Но тетя... Джимми, не смотри так на меня!

Но Джимми вдруг повернулся и выбежал вон из дома.

Из поместья Харрингтон Джимми примчался домой и разыскал Джона Пендлтона. Он нашел его в большой библиотеке с окнами, увитыми карминным плющом, где, как Поллианна думала в детстве, он «прятал скелет».

– Дядя Джон, где тот пакет, который дал мне отец? – потребовал Джимми.

– Объясни сначала, в чем дело, – мистер Пендлтон еще не видел юношу таким взволнованным.

– Сегодня пакет должен быть вскрыт.

– Но как же поставленные твоим отцом условия?

– Я готов ими пренебречь. Бог меня простит. Ты мне позволишь?

– Ну если ты на этом настаиваешь, мой мальчик, то да. Но все же... – Он медлил.

– Дядя Джон, ты, наверно, догадываешься, что я люблю Поллианну. Я попросил ее стать моей женой, и она мне не отказала... – Пендлтон-старший восторженно воскликнул, но Джимми оборвал его: – Но все же теперь она говорит нет. Она прислушивается к миссис Чилтон, а та не желает видеть меня мужем Поллианны. Она презирает меня.

– Презирает тебя? – с гневом переспросил Пендлтон-старший.

– Я догадался почему после того, как Поллианна попросила, чтобы я рассказал тете о папе и о других моих родственниках.

– Тыфу! Я думал, что она стала с годами более разумной. Впрочем, узнаю Харрингтонов. У них всегда был этот пунктик – фамильная честь и все прочее. Ну так ты можешь ей что-то сказать?

– Могу ли я? Я мог бы сказать, что лучше моего отца никого нет на свете. Но потом я вспомнил про пакет. Вдруг он содержит что-то компрометирующее его память? Ведь он поэтому и отложил разоблачение тайны до моего тридцатилетия, что более юному мужчине трудно будет понять и простить. Но я готов к тому, чтобы узнать эту тайну.

– Но Джимми, не делай заранее трагедий. А если в пакете как раз что-то приятное для тебя?

– Может быть, но в это верится с трудом. Там что-то, от чего он хотел уберечь меня до тридцати лет. Но я ни в чем не упрекну отца. Я прошу тебя теперь, отопри, пожалуйста, сейф.

Пендлтон больше не возражал.

Через несколько минут конверт был уже в руках у Джимми.

– Я хочу, чтобы вначале ты прочел письмо, а потом рассказал мне, – попросил Джимми.

– Хорошо! – ответил мистер Пендлтон и стал разрезать конверт ножом из слоновой кости. Там было несколько бумаг, обвязанных бечевкой, и еще отдельно было вложено письмо. Пока мистер Пендлтон читал его, Джимми неотрывно следил за выражением его лица. Он увидел на нем удивление, радость и что-то еще, чему не мог подобрать названия.

– Дядя Джон, так что там? – спросил он наконец.

– Можешь прочесть сам! – И он вложил письмо в протянутую уже за ним руку.

Бумаги, приложенные к письму, подтверждают, что мой сын действительно является Джеймсом Кентом, сыном Джона Кента, мужа Дорис Уэтербай, дочери Уильяма Уэтербая из Бостона. Настоящим письмом я объясняю моему мальчику, почему я похитил его у семьи его матери и скрывался вместе с ним в течение ряда лет. Если мой сын по исполнению ему тридцати лет вскроет пакет и прочтет это письмо, то пусть он простит меня, прибегнувшего к столь крайним мерам в страхе, что его у меня отнимут навсегда. В случае его ранней смерти прошу посторонних людей, вскрывших это письмо, оповестить родных его матери и передать им вложенные в пакет бумаги.

Джимми в растерянности глядел на Пендлтона:

– Так, значит, потерявшийся Джейми – это я?

– Да, в письме говорится, что все это подтверждается документами.

– Я племянник миссис Кэрю?

– Ну разумеется.

– Что ж! Теперь я знаю кое-что о себе. И могу рассказать миссис Чилтон довольно много о своей родне.

– Расскажи. Бостонские Уэтербай – в ее глазах знатные люди. А твой отец – он тоже из хорошего рода, судя по тому, что говорила миссис Кэрю. Но только он был весьма эксцентричен и не выразил благодарности сестрам Дорис за их заботу о тебе.

– Да. Бедный папа! Может быть, он еще и теперь был бы жив, если бы не то несчастное бегство. А я еще удивлялся, что причина была такой ничтожной. Хозяйка назвала меня Джейми. Господи, что с ним тогда было! Он схватил меня в охапку и, не дождавшись ужина, на ночь глядя... После этого он и слег. Сначала ему отказали ноги, потом он перестал говорить. Он все пытался сказать мне про этот пакет, когда умирал. Я верю, что теперь он хочет, чтобы я прочел его письмо и пошел к родным моей матери. Но тогда он строго наказывал, чтобы я не открывал пакета. Бедный папа, прости меня!

– Так давай посмотрим и другие бумаги. Там есть еще письмо твоего отца, адресованное непосредственно тебе. Разве ты не прочтешь его?

– Конечно. А потом, – юноша рассмеялся и посмотрел на часы, – Поллианна удивится, как быстро я вернулся в Харрингтон.

Джон Пендлтон был в раздумье. Он смущенно взглянул на Джимми и потом сказал:

– Я, конечно, понимаю, как важно тебе видеть Поллианну. Я и сам бы на твоём месте... Но ввиду таких обстоятельств нам прежде всего надо поехать к миссис Кэрю и передать ей все это.

После некоторых раздумий Джимми выразил согласие.

– Итак, я еду с тобой! – решительно сказал мистер Пендлтон. – У меня тоже есть кое-что, о чем мне надо поговорить с твоей бостонской тетушкой. Что, если нам сесть на трехчасовой поезд?

– Я согласен! Как ты думаешь, тетя Руфь очень обрадуется?

– Наверно, – в раздумье проговорил мистер Пендлтон, – но я сейчас подумал о себе. Ты те-

перь нашел свою вторую мать, а я как будто бы уже ни при чем.

– Дядя Джон, но ведь ничего не изменится. Я все равно буду жить в Белдингсвиле, а у тети Руфи есть Джейми... – Он вдруг запнулся, на лбу его обозначилась горестная складка. – Бедный Джейми, я ведь совсем о нем не вспомнил! Это будет для него такой удар.

– Да, я и сам подумал про это! Он ведь наследник, все сделано по закону?

– Да в том-то и дело. Это просто может его убить. Он так убежден в том, что он тот самый Джейми. И я должен сегодня отнять у него эту веру. Дядя Джон, скажи, как мне быть?

– Я не знаю. Ты должен сам принять какое-то решение. Наступило долгое молчание. Он расхаживал взад и вперед по комнате, и наконец счастливая улыбка озарила его лицо:

– Я придумал, как быть. Мы ничего не скажем Джейми. Вообще об этом будут знать только трое: тетя Полли, миссис Кэрю и Поллианна.

– Ну что ж! Правда, ты чем-то жертвуешь в таком случае.

– Не говори мне ничего об этом!

– Да, главное, она успокоится: ее любимец нашелся.

– Она ведь все время говорила, что я кажусь ей знакомым. Значит, она чувствовала... Послушай, а нет ли более раннего поезда?

– Есть, – улыбнулся Джон Пендлтон, – но я не могу собраться так быстро, как ты.

32. НОВЫЙ АЛАДДИН

Джон Пендлтон почти все приготовил к отбытию. Но ему еще надо было написать два письма – одно Поллианне, а другое миссис Чилтон. Эти письма отданы были Сьюзан, его домоправительнице, с поручением передать их сразу же, как только они уедут в Бостон. Но Джимми об этих письмах он ничего не сказал.

Когда они уже приближались к Бостону, Джон Пендлтон обратился к Джимми:

– Я хотел бы сделать тебе два предложения. Во-первых, чтобы мы ничего не говорили миссис Кэрю до завтрашнего дня. А во-вторых, позволь мне быть твоим полномочным представителем, а сам постарайся куда-нибудь отлучиться часов ну... до четырех.

– Я очень даже этому рад. Потому что я и не знаю, как бы я начал.

Во исполнение своего обещания Джимми не появлялся на Федеративной авеню до четырех часов. Он не сразу заставил себя подняться по ступенькам и позвонить. Он сам удивился тому, как спокойно миссис Кэрю с ним разговаривала и какой душевный такт смогла проявить при столь невероятных обстоятельствах. Конечно, вначале были и слезы, и восклицания. Даже Пендлтону-старшему однажды пришлось достать из кармана платок. А потом все пошло спокойно, хотя глаза миссис Кэрю светились нежностью, а оба Пендлтона были несколько перевозбуждены.

– Вы правы, Джейми не надо говорить... Конечно, и я иду на жертвы. Мне придется звать тебя Джимми, что, впрочем, тебе больше идет. И я рада буду представлять тебя в свете как свое-

го племянника.

– Однако же, тетя Руфь, я... – но Джон Пендлтон вдруг сделал ему знак замолчать. В комнату в это время входили Джейми и Сейди Дин.

– Тетя Руфь! – повторил удивленно Джейми.

Миссис Кэрю и Джимми не знали теперь, как выйти из положения.

– Теперь он имеет право так называть твою тетю. Я собирался тебе вскоре все сказать. Вот слушай. Только что тетя Руфь сделала меня самым счастливым человеком на свете, приняв мое предложение. И если Джимми зовет меня дядей Джоном, то почему бы ему и миссис Кэрю не называть тетей Руфью?

Сразу миссис Кэрю оказалась центром всеобщего внимания. Опасности удалось избежать. Только Джимми потихоньку шепнул на ухо Джейми:

– Ну что, негодник? Не удалось тебе от меня отделаться. Ты теперь наш родственник.

В разгар всех восторгов и поздравлений Джейми взглянул на Сейди Дин и воскликнул:

– Я хочу тоже объявить им!

И вот начались новые восторги и поздравления. Настал черед и Джимми сказать свое слово:

– Жаль, что здесь не присутствует сегодня известная вам особа, в противном случае я бы тоже принимал поздравления.

– Одну минуточку, Джимми! Я сегодня хочу исполнить роль Аладдина и зажечь свою волшебную лампу. Миссис Кэрю, я прошу у вас позволения позвать сюда Мэри, – проговорил Джон Пендлтон.

– Да, конечно... – На лице миссис Кэрю отобразилось недоумение.

Мэри вскоре появилась в дверях комнаты.

– Мне показалось, что я слышал в прихожей голос Поллианны.

– Да, сэр, она здесь.

– Так просим ее сюда!

– Поллианна, к нам! – подхватил дружный хор. Джимми, изумленный, встал со своего места.

– Дело в том, – стал объяснять Джон Пендлтон, – что я позволил себе написать Поллианне письмо с приглашением ее сюда. Другое письмо я послал миссис Чилтон, объясняя, что девочка переутомлена и нуждается в отдыхе. Я не был, однако, уверен, что она отпустит Поллианну. Но вот, свершилось!

Она вошла сияющая, но немного смущенная.

– Поллианна! – бросился к ней Джимми и подхватил ее на руки.

– Джимми, зачем же при всех? – запротестовала она.

– Я бы поцеловал тебя и в центре Вашингтона. Посмотри на эти лица, и ты поймешь, что тебе не о чем беспокоиться.

В одном углу у окна сидели рядом Джейми и Сейди Дин, в другом – миссис Кэрю и Джон Пендлтон.

Поллианна улыбнулась так благосклонно, что Джимми снова поцеловал ее.

– Тетя Полли теперь все знает, Джимми. Ей пришлось помучиться из-за меня, но зато сейчас она рада. А уж как я рада, Джимми, ты даже не можешь себе вообразить.

– Пусть благословит тебя Бог, мое счастье, моя любовь! – повторял Джимми, целуя ее.

– Да, и тебя! – говорила она, доверчивым взглядом обводя всех, кто собрался в этот счастливый день в большом доме на Федеративной авеню.